Остров Сахалин и экспедиция 1852 года

Николай Васильевич Буссе

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Буссе Николай Васильевич — генерал-майор, военный губернатор Амурской области; род. в 1828 г., ум. 28 августа 1866 г. Окончив курс учения в пажеском корпусе, Буссе поступил на военную службу в Семеновский полк и проводил, как он говорит, «молодость в кругу добрых родных». Жажда широкой деятельности побудила Буссе в начале 50-х годов перейти на службу под начальство гр. Муравьева-Амурского, генерал-губернатора Восточной Сибири, приехавшего на время в Петербург. Через 4 месяца Буссе уже был на Дальнем Востоке чиновником особых поручений гр. Муравьева, который весной 1852 г. послал его в порт Аян. Муравьев в это время занят был присоединением к Империи Амурского края, и Буссе было поручено снарядить экспедицию для занятия о. Сахалина. 25 августа 1852 г. Буссе высадился в Петровском зимовье с десантом в 70 человек, а затем Невельской, управляющий амурской экспедицией, поручил ему управление сахалинской экспедицией и оставил его зимовать на Сахалине. 21 сентября 1852 г. Невельской занял селение Томари, где жили туземцы-айны и рыбопромышленники-японцы; близ него Буссе, по приказу Невельского, устроил военный пост. Жители селения сначала скрылись в глубь страны, но, видя миролюбие русских, возвратились. Однако Буссе приходилось вести себя очень осторожно, потому что туземцы наговаривали русским на японцев и обратно, а японцы не доверяли русским, стремились изгнать их с острова и восстановить против них туземцев. Весной 1853 г., благодаря внушениям японцев, айны из Томари ушли во внутрь острова. 13 апреля в виду русского поста появились японские суда, и Буссе принял меры к защите. Опасность была велика, так как из 64 человек команды 47 были больны цингой, а японцев было втрое больше русских. Однако поведение высадившихся японцев было миролюбиво; целью своего приезда они выставляли охрану рыбаков, но, по-видимому, их послало японское правительство, желавшее завладеть Сахалином и знавшее о нашем конфликте с европейскими морскими державами. При начале военных действий, предложено было сосредоточить все суда Тихоокеанской эскадры и солдат с постов в Императорской гавани. К. Н. Посьет с 3 транспортами прибыл к Буссе и предложил ему снять Муравьевский пост. Буссе, зная, что это не согласно со взглядами гр. Муравьева, предложил, умолчав об этом, разрешить вопрос на общем собрании. Решено было снять пост, и лишь только наши транспорты покинули стоянку у с.

Томари, как пост наш запылал, подожженный туземцами. Буссе не пользовался любовью подчиненных и мало заботился о них, так что его солдаты часто терпели голод и холод и болели цингой. Начиная с 1854 г., после занятия нашими войсками устьев Амура, было предпринято несколько экспедиций для снабжения жителей этих стран оружием и провиантом. Самая значительная экспедиция (третья, в 1856 г.), под начальством Буссе, была успешна в смысле достижения цели, но вместе с тем страшно изнурительна. Солдаты до такой степени голодали, что просили разрешения есть трупы умерших товарищей. Причину бедствий видели в торопливости Буссе и стремлении его отстаивать интересы казны, хотя бы ценой жизни подчиненных. В 1858 г. Буссе был назначен военным губернатором Амурской области и умер в этой должности. В «Вестнике Европы» за 1871 г. появились воспоминания Буссе об экспедиции 1852–1854 г. на Сахалин. Автор сообщает много этнографических данных и интересных фактов о присоединении острова к России; кроме того встречаются очень резкие отзывы Буссе об его сотрудниках и начальниках. По выходе в свет этих воспоминаний, в разных журналах были напечатаны опровержения касательно мнений Буссе о его сотрудниках и достоверности фактов, им сообщаемых. Ф. Буссе, «Остров Сахалин и экспедиция 1853–1854 гг.», СПб., 1872. — Возражения на дневник: «Вестник Европы», 1872 г., № 8; «Русский Мир», 1872 г., № 181; «Голос», 1872 г., № 78 (Адм. Фрейганга); «Дело», 1873 г., № 7 (Рецензия на дневник); «Русский Мир», 1872 г., № 45, 46, 50. — Указ министра народного просвещения об учреждении при благовещенском училище стипендии Н. В. Буссе в «Полном Собр. Законов», 1871 г., т. 42, от. 1, стр. 68. В. Ф. {Половцов} Буссе, Николай Васильевич ген. — майор; р. 1828 г., ум. 28 авг. 1866 г. {Половцов}

- Н. В. Буссе
  -
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII
  - VIII
  - IX

Н. В. Буссе
Островъ Сахалинъ и экспедиція 1852 года

Вопросъ о раціональномъ устройствѣ у насъ каторжныхъ работъ обратилъ, въ послѣднее время, особенное вниманіе на островъ Сахалинъ, который по отдаленности своего положенія, среди негостепріимныхъ Охотскаго и Японскаго морей, представляетъ всѣ условія мѣста, назначаемаго для отдаленной ссылки, а съ другой стороны — его естественныя богатства, въ особенности обильныя залежи каменнаго угля, даютъ всѣ средства для организаціи тамъ производительныхъ работъ. Вотъ почему всѣ свѣдѣнія объ этомъ островѣ, отдаленномъ и малоизвѣстномъ читающей публикѣ, могутъ возбудить интересъ. Эти соображенія побудили наслѣдниковъ покойнаго генералъ-маіора Н. В. Буссе издать замѣтки его, относящіяся ко времени присоединенія о-ва Сахалина къ имперіи, въ 1852 году. Записки эти велись Николаемъ Васильевичемъ въ формѣ дневника, во время экспедиціи на островъ подъ его ближайшимъ начальствомъ, поэтому замѣтки эти представляютъ интересъ какъ для исторіи первыхъ нашихъ правильныхъ сношеній съ японцами, такъ и для описанія острова, и наконецъ, обрисовываютъ тѣ трудности, съ которыми приходилось бороться въ отдаленномъ пустынномъ краѣ, при занятіи его русскими.

Н. В. Буссе получилъ образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, и поступилъ на службу въ Семеновскій полкъ. Ограниченность круга дѣятельности строевой службы не могла удовлетворить энергичнаго характера и побудила автора замѣтокъ искать для себя болѣе обширнаго поприща, болѣе соотвѣтствовавшей его предпріимчивости и жаждѣ серьезной дѣятельности. Случай не замедлилъ представиться. Во время пребыванія своего въ С.-Петербургѣ, бывшій тогда генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, графъ Муравьевъ-Амурскій, обратилъ вниманіе на Николая Васильевича и, принявъ его на службу въ Сибирь чиновникомъ особыхъ порученій, немедленно отправилъ, весною 1852 года, въ портъ Аянъ для снаряженія экспедиціи съ цѣлью занятія острова Сахалина, въ связи съ присоединеніемъ къ имперіи Амурскаго края, которое было высочайше повелѣно въ томъ же году. Изъ записокъ читатели увидятъ, какимъ образомъ, не только снаряженіе, но и самое начальство надъ отрядомъ, занявшимъ южную часть острова, выпало на долю покойнаго и

побудило его прозимовать на островѣ, основать тамъ военный постъ и вновь снять его, вслѣдствіе политическихъ событій 1853-го года. По возвращеніи въ Иркутскъ, Николай Васильевичъ принималъ дѣятельное участіе въ экспедиціяхъ для присоединенія Амурскаго края, затѣмъ нѣсколько лѣтъ управлялъ штабомъ войскъ Восточной Сибири, въ которомъ сосредоточивались тогда всѣ дѣла по Амурскому краю и наконецъ, съ 1858 по 1866 годъ, въ качествѣ военнаго губернатора управлялъ Амурскою областью. Въ 1866 году, послѣдовала преждевременная смерть этого энергическаго дѣятеля, въ которомъ даже люди лично имъ недовольные не могутъ отрицать способнаго, исполненнаго доброй воли администратора, оставившаго послѣ себя памятные слѣды въ правильной организаціи области, въ матеріальномъ довольствѣ русскихъ переселенцевъ и установленіи торговыхъ сношеній съ сосѣднею Манжуріею.

Всѣ свѣдѣнія, изложенныя въ дневникѣ, были писаны авторомъ единственно для себя, а потому не имѣютъ и тѣни оффиціальнаго характера: въ точности и вѣрности ихъ сомнѣваться нельзя; авторъ вездѣ говоритъ откровенно, описываетъ, какъ видитъ, и заботится только объ одномъ, — получить точное и вѣрное понятіе о главномъ предметѣ своей экспедиціи, не принимая въ соображеніе никакихъ постороннихъ интересовъ или идей, что именно такъ рѣдко встрѣчается въ оффиціальныхъ отчетахъ.

Е. Б.

I

25-го августа 1852-го года. — Корабль «Николай» бросилъ якорь на рейдѣ Петровскаго зимовья. Привезя на немъ дессантъ, числомъ въ 70-ть чел., для занятія острова Сахалина, я тѣмъ оканчивалъ возложенное на меня губернаторомъ порученіе по сахалинской экспедиціи. Въ силу данной мнѣ инструкціи, мнѣ слѣдовало собственно возвратиться въ Аянъ, чтобы ѣхать на р. Маго осматривать новыя поселенія, а оттуда въ Якутскъ, гдѣ мнѣ поручено было осмотрѣть казачій полкъ, и потомъ съ первымъ зимнимъ путемъ явиться въ Иркутскъ для личнаго доклада губернатору обо всемъ видѣнномъ мною. Но весь этотъ порядокъ дѣйствій былъ измѣненъ, и вмѣсто возвращенія въ Иркутскъ, я принялъ участіе въ занятіи Сахалина, въ качествѣ будущаго временного правителя острова. Вотъ какъ это случилось.

Какъ я сказалъ, въ 12-мъ часу утра, мы подошли на «Николаѣ» на видъ Петровскаго зимовья. Погода была облачная, дулъ довольно тихій вѣтеръ. Отдавъ якорь на семи саженяхъ глубины, мы стали поджидать гребныя суда изъ зимовья. На нашъ салютъ отвѣчали изъ селенія, которое находилось въ миляхъ трехъ отъ насъ. Характеръ природы Петровскаго рейда суровый и не живописный. Въ морскомъ отношеніи рейдъ этотъ считается не безопаснымъ, потому что открытъ всѣмъ вѣтрамъ, кромѣ южнаго. Разгрузка судовъ производится медленно, потому что сильное теченіе и бурунъ затрудняютъ ходъ гребныхъ судовъ. Часто сообщеніе съ берегомъ прекращается; съ моря селеніе худо видно; оно расположено по другую сторону кошки, ограничивающей съ сѣвера гавань Счастья. Входъ въ эту гавань между мысомъ кошки и банками рифа, идущаго отъ острова Сахалина, почти всегда покрытъ бурунами.

Когда мы бросили якорь, было весьма небольшое волненіе, но мы все-таки не надѣялись, чтобы гребныя суда выгребли къ намъ противъ теченія. Рѣчной пароходъ, присланный въ Петровскъ вокругъ свѣта, много давалъ мнѣ надежды на скорую разгрузку судна, если хоть немного уляжется волна. Во второмъ часу мы сѣли обѣдать, но узнавъ, что съ берега идетъ трехлючная байдарка, взошли на палубу. Скоро подъѣхалъ къ судну кап. — лейт. Бачмановъ. Отъ него я узналъ, что пароходъ испорченъ — въ немъ лопнули 12-ть огнепроводныхъ трубъ. Это извѣстіе очень опечалило меня. Пароходъ этотъ, несмотря на то, что онъ слишкомъ малъ для плаванія въ Амурскомъ лиманѣ, могъ бы много пользы принести въ самомъ Петровскомъ и навѣрно произвелъ бы большое вліяніе на жителей приамурскаго края.

Бачмановъ мнѣ передалъ, что г. Невельской, управляющій амурскою экспедиціею, желаетъ меня тотчасъ же видѣть. Мнѣ самому уже не хотѣлось оставаться еще на суднѣ, и только увѣреніе капитана, что шлюпка не выгребетъ къ берегу, останавливало меня. Теперь, когда въ моемъ распоряженіи находилась байдарка, я тотчасъ же и поѣхалъ на берегъ.

Я такъ много слышалъ прежде и хорошаго и худого о г. Невельскомъ, что меня очень интересовало познакомиться съ этимъ человѣкомъ. По моему мнѣнію, если про человѣка говорятъ много, одни хорошо, другіе дурно, то это показываетъ, что дѣло идетъ о дѣятельномъ и энергическомъ характерѣ. Сѣвъ въ первый разъ въ жизни въ байдарку, я ожидалъ, что мнѣ будетъ страшно ѣхать въ этой вертлявой кожаной лодочкѣ. Но проѣхавъ нѣсколько саженей, я уже убѣдился, что дѣйствительно байдарка принадлежитъ къ самымъ безопаснымъ гребнымъ судамъ. Быстрота хода ея удивительная. Волненіе было довольно велико, когда я ѣхалъ. Сидя на днѣ байдарки, я чувствовалъ, какъ она сгибалась подо мной, когда волна, подымая ее на свой гребень, оставляла носъ и корму въ воздухѣ. Завернувъ за оконечность кошки, я въѣхалъ въ гавань Счастья. Она ограничивается, какъ я сказалъ, съ сѣвера кошкою, т.-е. песчаною косою въ версту ширины; противъ нея, къ югу, лежатъ низменные острова, а за ними матерой гористый берегъ, такъ что гавань эта имѣетъ совершенный видъ озера и была бы очень хороша для малыхъ судовъ, если бы входъ въ нее не былъ заносимъ бурунами. Петровское зимовье расположено на кошкѣ въ верстахъ трехъ отъ ея оконечности. Нѣсколько деревянныхъ домовъ, окруженныхъ мелкимъ кустарникомъ, вяло-растущимъ на каменистой почвѣ, по сторонамъ нѣсколько разбросанныхъ юртъ гиляковъ — вотъ видъ этого печальнаго селенія. Подъѣзжая къ селенію, я увидѣлъ на берегу недалеко отъ него нѣсколько гиляковъ, одѣтыхъ въ собачьи шкуры мѣхомъ вверхъ. Когда я вышелъ на берегъ противъ дома нижнихъ чиновъ петровской команды, я увидѣлъ подходящаго ко мнѣ маленькаго роста худощаваго господина, въ старомъ сюртукѣ со штабъ-офицерскими эполетами. Онъ велъ подъ руку молодую женщину. Приблизясь ко мнѣ, она оставила его, повернувъ къ крыльцу ближняго дома; послѣ я узналъ, что это была жена штурманскаго офицера Орлова. Маленькой, худощавый штабъ-офицеръ и былъ тотъ самый г. Невельской, начальникъ морской экспедиціи и мой новый сослуживецъ, какъ состоящій для особыхъ порученій при губернаторѣ Муравьевѣ, и котораго мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Представившись ему, я былъ приглашенъ войти къ нему въ домъ. Домъ этотъ одноэтажный деревянный, какъ и всѣ строенія селенія, очень не великъ. Когда

мы подошли къ крыльцу, къ намъ вышла на встрѣчу г-жа Невельская, молоденькая, хорошенькая и привѣтливая женщина. Мы прошли черезъ кухню въ маленькую комнатку, въ которой накрыто было два прибора. Усѣвшись у стола, я, наконецъ, могъ порядочно разсмотрѣть человѣка, съ которымъ обстоятельства познакомили меня очень коротко вскорѣ послѣ перваго свиданія. Г. Невельской имѣетъ не совсѣмъ красивую наружность, маленькій ростъ, худощавое, морщинистое лицо, покрытое рябинками, большая лысина съ всклокоченными вокругъ съ просѣдью волосами и небольшіе сѣрые глаза, которые онъ безпрестанно прищуриваетъ, даютъ ему пожилой и дряхлый видъ. Но широкій лобъ и живость глазъ выказываютъ въ немъ энергію и горячность характера. Разспросивъ меня о припасахъ, привезенныхъ изъ Камчатки съ дессантомъ и оставшись совершенно довольнымъ количествомъ ихъ, онъ горячо выразилъ свою досаду, что товары, назначенные для сахалинской экспедиціи, оставлены были въ Аянѣ компанейскою конторою для расцѣнки. По его мнѣнію, нельзя было начинать экспедицію безъ товаровъ, и потому онъ рѣшилъ ожидать ихъ присылки изъ Аяна, разсчитывая, что какое-нибудь судно — «Иртышъ» или «Константинъ», привезетъ ихъ. Рѣшившись на это, онъ приказалъ оставить на «Николаѣ» дессантъ съ грузомъ, съ тѣмъ, что когда привезутъ товары, то наложить ихъ на «Николая» и на немъ идти на Сахалинъ {Тутъ же Невельской объявилъ мнѣ, что онъ поручаетъ мнѣ управленіе сахалинскою экспедиціею, и что, поэтому, я останусь зимовать на Сахалинѣ. На объясненіе мое, что по предписанію губернатора я долженъ возвратиться въ Иркутскъ, онъ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ никому болѣе поручить этого дѣла и что если не назначатъ меня, то не можетъ отвѣчать за успѣхъ исполненія высочайшей воли, о чемъ и рапортуетъ губернатору. Я, конечно, долженъ былъ подчиниться такому объявленію и съ охотою принялъ на себя управленіе экспедиціею.}. Вскорѣ пріѣхали съ судна Бачмановъ, командиръ судна Клинкофстремъ, М. Бачмановъ и жена священника Веньяминова. Всѣ они были приняты очень радушно. Бѣдный капитанъ «Николая» Клинкофстремъ съ горестью выслушалъ непріятное для него назначеніе участвовать въ экспедиціи. Онъ разсчитывалъ идти на зимовку въ Ситху, съ тѣмъ, чтобы оттуда уѣхать къ своему семейству въ Либаву — свою родину, желая оставить совершенно службу въ компаніи.

Время до чаю прошло въ горячихъ разсказахъ Невельского про дѣйствія амурской экспедиціи. Въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія эти замѣчательны по дѣятельности, трудности и смѣлости. Я былъ пораженъ, что Невельской могъ рѣшиться, не имѣя ни

полномочія, ни средствъ (весь отрядъ его состоитъ изъ 70 чел.) предпринимать подобныя дѣла. Онъ занялъ, ни болѣе ни менѣе, какъ пространство земли протяженіемъ на югъ отъ 53 до 48° гр. с. ш., т.-е. 500 верстъ земли, считавшейся принадлежностью Китая. Открытіе Л. Бошнякомъ прекрасной гавани въ Татарскомъ проливѣ на азіатскомъ берегу, между 48 и 49 градусами, повидимому было причиною горячности, съ которою Невельской сталъ занимать все пространство къ сѣверу отъ нея, долженствующее принадлежать Россіи, для того, чтобы владѣть гаванью. Занятіе это состоитъ въ томъ, что разбросали въ нѣсколькихъ пунктахъ по 5 и 10 человѣкъ съ запасомъ продовольствія и товаровъ, и выкинули флаги на этихъ пунктахъ. По словамъ Невельского, самый трактатъ, заключенный между Россіей и Китаемъ, оправдываетъ это занятіе. Онъ говоритъ, что въ трактатѣ опредѣлены границы съ Китаемъ слѣдующимъ образомъ: отъ соединенія р. Шилки и Аргуни по горному хребту вплоть до Охотскаго моря, такъ что всѣ рѣки, текущія съ юга на сѣверъ, должны принадлежать Россіи, и всѣ рѣки, текущія съ сѣвера на югъ — Китаю. Г. Невельской говоритъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ черезъ посылаемыхъ на съемку офицеровъ, ему достовѣрно извѣстно, что этотъ горный хребетъ отъ соединенія Шилки и Аргуни раздѣляется на три вѣтви: одна идетъ по направленію теченія р. Лены, другая къ сѣверной части береговъ Охотскаго моря, и третья, на югъ, переваливаетъ черезъ Амуръ и тянется поперегъ Манжуріи. Поэтому граница, положенная на картахъ отъ верховьевъ Амура въ перпендикулярномъ направленіи къ Охотскому морю не вѣрна, ибо по этому направленію нѣтъ никакого хребта. По смыслу трактата слѣдовало бы Россіи или отдать Китаю большую половину Якутской области, или все прибрсжье Охотскаго моря съ портомъ Аяномъ; или, наконецъ, взять себѣ большую часть Манжуріи. Значительная часть рѣкъ, впадающихъ съ лѣвой стороны въ Амуръ, имѣютъ теченіе къ с.-в., слѣд. и рѣки тоже обозначаютъ другое направленіе нашей границѣ и, какъ предполагаетъ г. Невельской, она должна идти по Амуру до впаденія въ него съ юга р. Усури, оттуда по рѣкѣ Усури, по правому ея берегу до перевала на р. Самальгу и далѣе по лѣвому берегу Самальги, до ея впаденія въ Татарскій проливъ около 47о гр. с. ш. Этою границею мы отмежевываемъ себѣ все пространство земли къ с. отъ Амура и Татарскій берегъ до 47 градус. с. ш. Дай Богъ, чтобы предположенія эти исполнились, мы пріобрѣли бы себѣ прекрасную землю и отличную гавань, открытую для навигаціи въ продолженіи 8-ми мѣсяцевъ и тѣмъ упрочили бы наше вліяніе на Китай и Японію, да и вообще въ Тихомъ океанѣ.

Гавань «Императора Николая» могла бы быть станціею эскадрѣ балтійскаго флота и тѣмъ много бы послужила къ улучшенію его. Вся окрестность ея и берега Амура изобилуютъ корабельнымъ лѣсомъ. Однако оставимъ эти предположенія и обратимся къ разсказу.

Въ девятомъ часу подали чай. Я очень былъ радъ выпить стаканъ горячаго чаю. Во время переѣзда моего на байдаркѣ, волны нѣсколько разъ заплескивали во внутрь ея и порядкомъ вымочили меня; не имѣя во что переодѣться, я остался цѣлый день въ мокромъ платьѣ. Во время чаю разговоръ шелъ такъ же горячо, какъ и въ началѣ пріѣзда моего, потому что держался постоянно на политическихъ проектахъ и обсужденіи дѣйствій Россійско-Американской компаніи, темъ самыхъ возбудительныхъ для горячихъ споровъ въ здѣшнемъ краѣ. Ненависть Невельского ко всему, что касается компаніи, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Достаточно произнести слово «Компанія», чтобы выслушать наборъ самыхъ сильныхъ проклятій, а иногда и ругательствъ. Повидимому, въ самомъ дѣлѣ, дѣйствія компаніи въ принадлежащихъ ей колоніяхъ и въ при-амурской странѣ бываютъ часто слишкомъ корыстолюбивы, съ разсчетомъ дневного барыша безъ видовъ на будущее. Она дѣйствуетъ, какъ арендаторъ. Впрочемъ, не имѣя еще случая хорошо разобрать и обсудить дѣйствій и положенія компаніи, я оставляю этотъ предметъ до большаго и подробнѣйшаго знакомства моего съ нею. Передъ ужиномъ общество раздѣлилось на двѣ части. Дамы — m-me Невельская, Бачманова и жена священника прогуливались по комнатѣ, болтая между собою. При этомъ мнѣ было очень досадно слушать, какъ Невельская и Бачманова разговаривали по-французски, не обращая вниманія на то, что добрая и молоденькая жена священника, ничего не понимая, ходила подлѣ нихъ. Общество мужчинъ состояло изъ Невельского, Клинкофстрема, Бачманова, Рудановскаго и меня. Священникъ остался на суднѣ, потому что сообщеніе съ берегомъ по случаю свѣжаго вѣтра прекратилось, а на катерѣ, посланномъ утромъ за пассажирами, онъ не поѣхалъ, съ цѣлью приготовлять къ выгрузкѣ свои вещи. Проговоривъ до 12-ти ч. ночи, мы разошлись спать. Бачмановы получили для себя отдѣльную комнату, жена священника — въ комнатѣ Невельской; Невельской, Клинкофстремъ и я, расположились вмѣстѣ въ пріемной залѣ.

26-го августа. — Утромъ 26-го, когда всѣ поднялись уже, я пошелъ осматривать селеніе. Погода стояла пасмурная и вѣтреная. Подойдя къ берегу рейда, я былъ пораженъ силою прибоя. Волна съ шумомъ и пѣною накатывалась на кошку. Подъѣхать къ берегу на шлюпкѣ рѣшительно невозможно, ее

разобьетъ въ одно мгновенье. Петровское зимовье состоитъ изъ 6-ти или 7-ми деревянныхъ строеній, служащихъ жилищемъ 40 или 50 обитателей его. Въ числѣ ихъ находится начальникъ экспедиціи, 4 или 5 оберъ-офицеровъ камчатской флотиліи, докторъ и прикащикъ компаніи. Товары компаніи хранятся въ небольшомъ деревянномъ пакгаузѣ. По условію съ правительствомъ, компанія обязалась доставлять въ экспедицію товары, необходимые для заведенія сношеній съ гиляками и манжурами. Неисполненіе требованій г. Невельского въ этомъ отношеніи и неисправность во времени доставки товаровъ, есть главная причина его ожесточенной войны противъ главнаго правленія ея. Къ этому еще присоединилось несчастное разбитіе въ Петровскомъ компанейскаго брига «Шелихова», посланнаго туда по требованію Невельского. Такъ какъ въ условіи сказано, что всѣ потери компаніи по дѣйствіямъ ея въ Амурской экспедиціи правительство принимаетъ на себя, на что и ассигновано изъ сибирскихъ суммъ 150 т. р., то компанія, не получивъ еще донесенія отъ Невельского о причинѣ гибели ея судна и о количествѣ погибшихъ товаровъ, взяла отъ правительства 36 т. р. с. Такъ какъ Невельской былъ главнымъ распорядителемъ плаванья «Шелихова», то, разумѣется, гибель брига и потеря казны очень трогаютъ его самолюбіе.

Въ продолженіи дня, незанятый ничѣмъ, я прогуливался по селенію, прерывая по временамъ это скучное занятіе разговоромъ съ хозяйкой дома или выслушиваньемъ горячихъ разсужденій Невельского. Вечеромъ, когда уже всѣ легли спать, я усѣлся съ нимъ разсчитывать, какъ лучше сдѣлать, чтобы не упустить и безъ того много потеряннаго времени. При разсчетѣ вѣроятнаго прихода судовъ, отчаянье бѣднаго Невельского доходило иногда до того, что онъ рвалъ волосы на головѣ. Ожидать можно было три судна, которые могли бы привезти товары: компанейскій бригъ «Константинъ», транспорты «Иртышъ» и «Байкалъ». Первый, по извѣстіямъ, привезеннымъ изъ Ситхи, могъ быть оставленъ тамъ для посылки на Сандвичевы о-ва за мукой. «Иртышъ», вышедшій изъ Камчатки раньше насъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не приходилъ въ Петровское. «Байкалъ», участвовавшій въ лѣтней экспедиціи у береговъ Сахалина и Татарскаго пролива и долженствовавшій придти въ Петровское къ **1-му сентябрю**, могъ тоже опоздать. Видя отчаянье Невельского, я предложилъ ему послать меня въ Аянъ на «Николаѣ», съ тѣмъ, чтобы взявъ тамъ на него товары обѣихъ экспедицій (сахалинской и амурской) придти обратно въ Петровское. Такъ какъ «Николай» отличный ходокъ, то я надѣялся скоро сходить въ Аянъ и обратно. Предложеніе это очень понравилось Невельскому и онъ громко

вскрикнулъ: «я иду самъ въ Аянъ на „Николаѣ“ завтра». Рѣшившись на это, мы легли спать.

27-го августа. — Съ ранняго утра начали готовиться къ отъѣзду въ Аянъ. Невельскому надо было приготовить нѣсколько нужныхъ бумагъ. Я присутствовалъ при составленіи рапорта къ губернатору по дѣлу сахалинской экспедиціи. Невельской диктовалъ его доктору. Найдя нѣсколько выраженій относительно компаніи, болѣе нежели жосткими, я предложилъ измѣнить ихъ, на что Невельской тотчасъ согласился. Вообще мнѣ показалось, что обращеніе Невельского съ подчиненными и духъ бумагъ его недовольно серьезны; это и есть причина, почему донесенія и разсказы его не внушаютъ къ себѣ полнаго довѣрія, хотя дѣйствительно ему есть чѣмъ похвастаться. По моему мнѣнію, этотъ предпріимчивый человѣкъ очень способенъ къ исполненію возложеннаго на него порученія — распространить наше вліяніе въ Приамурскомъ краѣ; но необходимо поставить подлѣ него человѣка благоразумнаго, хладнокровнаго и благонамѣреннаго. Такой товарищъ взялъ бы непремѣнно верхъ надъ слишкомъ запальчивымъ характеромъ Невельского.

Къ обѣду собрались всѣ пассажиры. Когда начало смеркаться, мы простились съ остающимися въ Петровскомъ и отправились на шлюпкѣ къ «Николаю». Во время переѣзда этого мы видѣли нѣсколько огромныхъ бѣлугъ, которыя выказывались изъ воды на подобіе китовъ. Вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ на судно, послѣ непродолжительнаго штиля, мы снялись съ якоря при слабомъ попутномъ вѣтрѣ.

II

Маловѣтрія продержали насъ въ пути до вечера **31-го августа**, хотя весь переходъ отъ Петровскаго до Аяна не болѣе 200 миль. Когда мы подходили къ Аянскимъ берегамъ, погода стояла прекрасная. Берегъ Охотскаго моря чрезвычайно скалистъ и суровъ. Природа его мертва; на его каменистыхъ горахъ нѣтъ ни одного деревца, ни одного кусточка. Заштилѣвъ передъ самымъ входомъ въ бухту, мы бросили верпъ, и я поѣхалъ, по просьбѣ Невельского, къ г. Кошеварову, начальнику Аянскаго порта, просить его пріѣхать на судно. Мнѣ была извѣстна вражда ихъ между собою, и я придумывалъ, какъ бы устроить такъ, чтобы они мирно повели переговоры. Необходимо было грузить какъ можно скорѣе товары на «Николая» и идти на немъ на мѣсто высадки. Компанія обязалась перевезти дессанты на своемъ суднѣ и оставить это судно въ распоряженіи экспедиціи. Бригъ «Константинъ» былъ назначенъ для этого — но такъ какъ его не было, то Невельской имѣлъ полное право требовать, чтобы «Николай» былъ назначенъ вмѣсто его. Компанія, дорожа прекраснымъ и дорогимъ этимъ кораблемъ, разрѣшила Кошеварову послать его въ Петровское, если онъ найдетъ безопаснымъ это плаваніе. Теперь же приходилось заставить Кошеварова нагрузить товары на «Николая» и послать ихъ въ Петровское, а оттуда на Сахалинъ, гдѣ судну приходилось зимовать. Трудно было бы Кошеварову рѣшиться дать свое согласіе на это, если бы онъ даже былъ человѣкъ доброжелательный и готовый помочь и содѣйствовать полезному дѣлу. Зная же хорошо г. Кошеварова, я предвидѣлъ затрудненія и столкновенія, которыя могли бы худо кончиться, при горячемъ характерѣ Невельского. Итакъ, я рѣшился взять на себя роль примирителя, намѣреваясь всѣми способами стараться кончить дѣло тихо и мирно, и слѣд. скоро и порядочно. Съ этими мыслями я вошелъ въ домъ г. Кошеварова. Онъ принялъ меня съ своею обыкновенною натянутою и неискусною сладко-важною вѣжливостью, поздравивъ меня съ благополучнымъ пріѣздомъ. Я засталъ его разговаривающимъ въ залѣ съ г. Фрейгангомъ, исправлявшимъ должность капитана Петропавловскаго порта и возвращавшагося по болѣзни въ Петербургъ. Г. Фрейгангъ, какъ кажется, мягкосердный и чувствительный нѣмецъ. Съ нимъ и съ его семействомъ мы познакомимся послѣ. Желая переговорить съ Кошеваровымъ наединѣ, я предложилъ ему выдти въ столовую, гдѣ мы имѣли съ нимъ слѣдующій разговоръ. Я его спросилъ, приходилъ ли въ Аянъ «Константинъ».

— Не приходилъ, да я увѣренъ, что и не придетъ, его задержали; отвѣчалъ онъ съ комическою важностью.

— На чемъ же вы полагаете отправить товары въ Петровское и на Сахалинъ и на какомъ суднѣ занимать островъ.

— Не знаю, — часть товаровъ можетъ отвезти въ Петровское «Иртышъ»; «Байкалъ» находится въ распоряженіи Невельского.

— Но «Байкалъ» течетъ, да притомъ это военное судно, а компанія обязалась дать свое судно для экспедиціи.

— Не знаю.

— Геннадій Ивановичъ Невельской пришелъ на «НиколаѢ» и проситъ васъ пріѣхать къ нему на судно, чтобы поговорить, какъ лучше устроить дѣло. Онъ полагаетъ единственнымъ средствомъ успѣшно исполнить высочайшую волю — нагрузить товары какъ можно скорѣе на «Николай» и идти на Сахалинъ, и по сдѣланіи высадки слѣдовать на зимовку въ Татарскій проливъ, гдѣ есть безопасная гавань.

— Это нельзя. «Николай» завтра не пойдетъ въ Ситху, если бы даже пришлось самого Невельского отвезти туда.

— Я попрошу васъ это же сказать лично г. Невельскому. Насчетъ же плаванія «Николая» я полагаю, что ему слѣдуетъ замѣнить «Константина», потому что высочайшую волю, т.-е. занять Сахалинъ нынѣшній же годъ, исполнить надо на какомъ бы то ни было суднѣ, и поэтому, такъ какъ нѣтъ другого судна компаніи, то «Николай» долженъ идти — вотъ мнѣніе г. Невельского.

— Я протестую противъ васъ.

— Въ чемъ, позвольте спросить?

— Вы уговорили меня послать «Николая» изъ Камчатки въ Петровскъ вопреки желанію Главнаго Правленія, съ тѣмъ, чтобы прислать его въ Аянъ, снявши дессантъ, а теперь привезли на немъ людей и грузъ.

— Ну позвольте вамъ сказать, отвѣтилъ я, что вашъ протестъ лишенъ всякаго основанія. Я уговорилъ васъ послать «Николая» въ Петровское потому, что это было желаніе г. губернатора, вы послали его, потому что Главное Правленіе разрѣшило вамъ это сдѣлать. Дессантъ же привезъ изъ Петровскаго въ Аянъ не я, а г. Невельской, который старше насъ обоихъ и у котораго я нахожусь подъ начальствомъ, слѣд. уже не управляю дѣйствіями экспедиціи. Но оставимте это. Позвольте же васъ попросить потрудиться Ѣхать на судно.

— Я не могу Ѣхать, потому что помощникъ мой уже посланъ.

— Когда онъ возвратится, вы пріѣдете?

— Я не поѣду.

— Въ такомъ случаѢ прощайте.

Зайдя на минутку въ гостинную, чтобы поздороваться съ хозяйкою дома, я былъ представленъ г-жѣ Фрейгангъ. Извинившись, что дѣла меня призываютъ на судно, я поспѣшно пошелъ на берегъ, гдѣ ожидала меня байдарка.

Переѣзжая съ судна на берегъ, я примѣтилъ въ темнотѣ три судна, стоявшія на якорѣ въ бухтѣ; отъ встрѣтившихся со мною двухъ алеутовъ, посланныхъ изъ порта узнать, какой корабль пришелъ въ бухту, я узналъ, что три судна эти были — китобой Р-ф. ком. «Суоміо», китобой С.-А. Штатовъ и транспортъ «Иртышъ», пришедшій въ Аянъ прямо изъ Камчатки безъ захода въ Петровское, какъ ему было предписано, потому что у него сломался на пути руль. Пріѣхавъ на «Николай», я передалъ Невельскому мой разговоръ съ Кошеваровымъ. По условію было рѣшено нами ѣхать къ Кошеварову, пригласить его и г. Фрейганга на совѣщаніе, и по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ рѣшить четырьмя голосами, какъ надо дѣйствовать. Невельской обѣщалъ удерживать себя отъ горячности, стараться дружески кончить дѣло съ Кошеваровымъ и, какъ мы увидимъ, онъ вполнѣ исполнилъ свое обѣщаніе. Я поѣхалъ впередъ на байдаркѣ для того, чтобы предупредить Кошеварова и уговорить его жертвовать пользѣ и успѣху дѣла своими личными интересами и отношеніемъ къ Невельскому. Пріѣхавъ къ Кошеварову я сказалъ ему, что Невельской тотчасъ будетъ къ нему, и снова просилъ его, чтобы онъ хладнокровно обсудилъ съ нимъ дѣло.

— Я никогда не горячусь, былъ его короткій отвѣтъ.

— Однако ваши слова, что вы протестуете противъ меня, показываютъ, что вы не всегда бываете въ спокойномъ расположеніи духа, замѣтилъ я ему.

— Я протестовалъ противъ угрожающаго тона, съ которымъ вы говорили со мною.

Услышавъ такого рода возраженіе, я увидѣлъ ясно, съ какимъ человѣкомъ мы будемъ имѣть дѣло. При первомъ свиданіи моемъ съ нимъ я говорилъ съ нимъ какъ нельзя болѣе спокойно. Угрожающій тонъ, — была неблаговидная увертка отъ безсмысленнаго протеста, высказаннаго прежде имъ. Скоро пріѣхалъ Невельской. Онъ былъ одѣтъ въ сюртукѣ съ эполетами, въ бѣлой жилеткѣ и съ орденомъ Св. Аины на шеѣ. Кошеваровъ остался въ своемъ сѣромъ камзолѣ. Они церемонно поздоровались, и послѣ пустыхъ вводныхъ фразъ началось объясненіе въ столовой, куда мы вышли. Фрейгангъ остался въ гостинной. Передаю слово въ слово это объясненіе, оно ярко очерчиваетъ характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Вставъ съ г. Кошеваровымъ у обѣденнаго стола, Невельской, дружескимъ и ласковымъ тономъ, началъ разговоръ.

— Я пріѣхалъ къ вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, чтобы просить васъ, какъ товарища, содѣйствовать мнѣ въ дѣлѣ, которое требуетъ рѣшительныхъ мѣръ; просить васъ, чтобы вы забыли, если вы что-нибудь имѣли противъ меня.

— Къ чему это предисловіе, — все что вы можете требовать отъ начальника Аянскаго порта я исполню, если это въ моей власти.

— Я повторяю вамъ, что я не требую, а прошу васъ помочь упѣху дѣла, возложеннаго на меня государемъ, т.-е. ускорить коль возможно нагрузку на «Николая» товаровъ. Осень уже настаетъ, потеря одного дня можетъ повредить экспедиціи.

— «Николай» не можетъ идти на Сахалинъ, онъ пойдетъ въ Ситху. Вы знаете, что у меня есть то же начальство; я отвѣчаю, есть моя отвѣчаетъ за интересъ компаніи. Я не могу послать «Николая» на Сахалинъ.

— Но какое же судно пойдетъ вмѣсто «Николая». Компанія обязалась передъ правительствомъ перевезть дессантъ на своемъ суднѣ.

— Бригъ «Константинъ» назначенъ.

— Но его нѣтъ.

— Онъ придетъ еще.

— Однако вы сами сказали мнѣ, что вы увѣрены, что «Константинъ» не придетъ, замѣтилъ я.

— У васъ «Байкалъ» находится въ распоряженіи; на «Иртышѣ» можно будетъ отправить товары и людей, продолжалъ Кошеваровъ.

— «Байкалъ» течетъ и потому ненадеженъ. Да и перегружать грузъ съ «Николая» на «Иртышъ» возьметъ столько времени, что начинать экспедиціи не будетъ возможности.

— «Николая» я не могу послать.

— Вы должны послать, потому что компанія обязалась поставить для экспедиціи одно судно; какое — я не знаю. Высочайшая воля должна быть исполнена; вы согласны съ этимъ? По дѣламъ компаніи вы распоряжаетесь здѣсь, слѣд. на васъ лежитъ долгъ выполнить ея обязательство. Дожидать «Константина» нельзя; это значило бы отложить экспедицію, а этого я не могу сдѣлать, сказалъ Невельской спокойнымъ голосомъ.

— Я васъ прошу не оскорблять меня, уважайте честь мою; позвольте васъ просить оставить меня въ покоѣ.

— Чѣмъ же я васъ оскорбляю?

— Вашимъ тономъ.

— Да, Боже мой, я пріѣхалъ къ вамъ и просилъ васъ принять мою просьбу, какъ товарища по службѣ, помочь мнѣ въ дѣлѣ,

которое должно быть общимъ для насъ.

— Товарищества между нами нѣтъ уже давно. Вы виноваты передо мной, и я еще буду требовать, чтобы вы извинились.

— Я готовъ, если я виноватъ передъ вами; но я васъ Христомъ Богомъ прошу оставить теперь всѣ личныя отношенія наши и думать только о дѣлѣ. Необходимо ни минуты не теряя начинать экспедицію; вы знаете, что значитъ осеннее плаваніе, что значитъ высадка на пустомъ мѣстѣ. Ради Бога давайте скорѣе товары.

— Товары готовы, но «Николая» я не пошлю въ экспедицію.

— Но вѣдь это значитъ не занять Сахалина. «Николай» долженъ идти. Послушайте, Александръ Филипповичъ, вѣдь вы видите, что это необходимо, вѣдь надо исполнить высочайшую волю.

— Я не могу исполнить вашего требованія.

— Такъ скажите же, что надо дѣлать, я васъ прошу, г. капитанъ-лейтенантъ Кошеваровъ.

— Я не капитанъ-лейтенантъ.

— Какъ, не капитанъ-лейтенантъ.

— Я для васъ начальникъ Аянскаго порта.

— Желаю быть вамъ адмираломъ; я васъ титулую кап. — лейт. потому, что это вашъ чинъ. Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, я предлагаю вамъ, во-первыхъ, одѣться какъ слѣдуетъ, пригласить капит. 2 р. Фрейганга и маіора Буссе, чтобы составить военный совѣтъ, для разсмотрѣнія и совѣщанія о дѣлѣ, по которому я пріѣхалъ.

— Извините что я васъ принялъ въ этомъ костюмѣ, этому причина вашъ неожиданный пріѣздъ (я пріѣхалъ къ Кошеварову съ извѣстіемъ, что Невельской будетъ къ нему, по крайней мѣрѣ, за полчаса до его пріѣзда), я сейчасъ иду переодѣться. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ въ сюртукѣ, въ это время и Невельской застегнулъ свой сюртукъ.

— Позвольте вамъ сказать, началъ Кошеваровъ, что вы напрасно пріѣхали сюда. Если вы затрудняетесь предпринять экспедицію, я ее беру на себя.

— Что это вы, Александръ Филипповичъ, подумайте, что вы говорите, спокойно возразилъ Невельской.

— Я не Александръ Филипповичъ, а начальникъ Аянскаго порта, и прошу васъ съ уваженіемъ говорить со мною, не оскорблять меня.

— Позвольте замѣтить мнѣ, сказалъ я, подойдя къ разговаривающимъ: я не слышалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ, господа, произносилъ оскорбительныя слова, и нахожу, что замѣчаніе наше, кап. — лейт., несправедливо.

— А, вы не замѣтили, мы оба не говорили оскорбительно?

— Да, это я говорю, какъ свидѣтель вашего разговора.

— Итакъ, г. начальникъ Аянскаго порта, продолжалъ Невельской: я васъ прошу тотчасъ же составить совѣтъ изъ 4-хъ штабъ-офицеровъ.

— Здѣсь не мѣсто, позвольте вамъ замѣтить, и вообще вы забываете, что это моя квартира, что я здѣсь хозяинъ дома, проговорилъ съ ужимками Кошеваровъ.

— Я васъ просилъ къ себѣ на судно, вы не хотѣли пріѣхать, хотя это былъ вашъ долгъ. Вамъ неугодно совѣщаться о дѣлахъ въ вашей квартирѣ; въ такомъ случаѣ, состоящій по особымъ порученіямъ при ген. — губ. Вос. Сибири кап. 1 р. Невельской проситъ васъ, начальникъ Аянскаго порта, отвести ему мѣсто въ порту, гдѣ бы онъ могъ потребовать начальника Аянскаго порта къ себѣ по дѣламъ службы.

— Теперь поздно, уже ночь, вы такъ неожиданно пріѣхали, теперь не время совѣщаться.

— Для службы всегда есть время, и я васъ прошу тотчасъ же исполнить мое требованіе, или я долженъ буду признать васъ неисполнителемъ высочайшихъ повелѣній, и тогда принужденъ буду дѣйствовать по силѣ закона и данной мнѣ власти.

Въ это время Фрейгангъ подошелъ ко мнѣ и съ безпокойнымъ видомъ сказалъ мнѣ: — чѣмъ это кончится, это ужасно, надо, чтобы они уступили другъ-другу.

— Вы видите, что Кошеваровъ нарочно возбуждаетъ Невельского и словами и голосомъ.

— Ихъ надо помирить; я, какъ старый товарищъ обоихъ, считаю это своимъ долгомъ.

Сказавъ это, онъ подошелъ къ спорящимъ и, взявъ ихъ за руки, началъ просить ихъ помириться и забывъ все прошедшее, дружески обняться. Невельской бросился на шею Кошеварову и началъ цѣловать его; тотъ съ своей стороны обнялъ его. Непріятно было смотрѣть на эти объятія: горячность ихъ была маска, которая въ особенности не шла къ Кошеварову. Невельской, обнимая такого человѣка, какъ Кошеварова, дѣлалъ великую и благородную жертву для пользы дѣла. Послѣ объятій, переговоры пошли смирнѣе и наконецъ согласились окончательно рѣшить дѣло на другое утро въ 8 часовъ. Поужинавъ, мы возвратились съ Невельскимъ на судно въ 3-мъ часу ночи.

На другой день, мы встали въ 6 ч. утра, чтобы приготовлять почту и, между прочимъ, составили бумагу, рѣшительность выраженій которой должна была бы заставить Кошеварова подумать о послѣдствіяхъ, если онъ еще будетъ противиться. Въ 8-мь часовъ мы одѣлись, чтобы отправиться на берегъ, но пришли

доложить, что Кошеваровъ ѣдетъ на шлюпкѣ. Мы остались въ каютѣ и приняли его тамъ. Было рѣшено, что «Николай» идетъ на Сахалинъ и оттуда на зимовку въ Татарскій проливъ, если другое компанейское судно не явится смѣнить его. Товары должны были тотчасъ же грузиться. Переговоривъ объ этомъ, Кошеваровъ уѣхалъ; скоро за нимъ и я поѣхалъ на байдаркѣ, чтобы присмотрѣть за поспѣшностью отпуска и нагрузки товаровъ. При этомъ, ясно видно было, что вопреки предписанія главнаго правленія, разборка и сортировка товаровъ для экспедиціи производилась до того непозволительно медленно, что, несмотря на то, что контора имѣла 35 дней времени (отъ 25 іюля по 1 сентября), товары совершенно не были приготовлены для отправки; фактуры даже составляли при насъ. Благодаря этому, нагрузка шла медленно и кончилась только **3-го** числа, хотя работали даже ночью. Эта неисправность явно показываетъ, что Аянская контора держится въ безпорядкѣ, что Кошеваровъ, расхаживая по пристани, ничего порядочнаго не дѣлаетъ, хоть и хвастаетъ всякому пріѣзжему своею дѣятельностью. Въ продолженіи 35 д., что «Николай» былъ въ отсутствіи, приходило въ Аянъ только одно компанейское судно «Цесаревичъ», и то безъ груза. Пріемъ въ порту былъ только пластовому якутскому транспорту, отпускъ солонины для Камчатки; все это не могло помѣшать приготовить товары для такой экстренной и важной экспедиціи, какъ сахалинская. Въ продолженіи трехъ дней проведенныхъ въ Аянѣ, я былъ съ утра до вечера занятъ, то по работамъ нагрузки, гдѣ приходилось почти съ бою брать вещи изъ пакгауза, то въ приведеніи въ порядокъ бумагъ для отсылки по почтѣ. Между прочимъ, я былъ несказанно обрадованъ полученіемъ писемъ отъ родныхъ. Я такъ давно уже не имѣлъ извѣстій изъ родного Петербурга. Съ какимъ-то трепетомъ радости и боязни распечатываешь письма, присланныя изъ-за 10,000 верстъ. Благодаря Бога, всѣ извѣстія были хороши, только смерть друга дяди Ѳедора Ивановича, Пор. Вас. Богословскаго, была печальною вѣстью.

Мы обѣщались съ Невельскимъ пріѣхать съ судна проститься съ семействомъ Фрейганга, но, занявшись бумагами, опоздали, такъ что они уѣхали уже, когда мы вышли изъ шлюпки на берегъ. Взявъ двухъ осѣдланныхъ лошадей, мы догнали ихъ въ 3-хъ верстахъ отъ Аяна, гдѣ и простились съ ними. Не могу не описать костюма m-me Фрейгангъ. Она надѣла брюки и пальто своего мужа, чепчикъ на голову и женскіе высокіе ботинки и усѣлась амазонкой въ этомъ костюмѣ.

III

3-го сентября, утромъ въ 5 час., я съѣхалъ еще разъ на берегъ, чтобы взять нѣкоторыя вещи, забытыя при поспѣшной нагрузкѣ. Когда я отчалилъ отъ берега, «Николай» уже поднималъ паруса при слабомъ попутномъ вѣтрѣ. Изъ порта салютовали 7-ю выстрѣлами; на салютъ этотъ судно отвѣтило тѣмъ же числомъ. Скоро догналъ я «Николая» на быстрой байдаркѣ. На обратномъ пути въ Петровское вѣтеръ то же мало благопріятствовалъ намъ. **6-го** числа подулъ свѣжій попутный N. Мы вошли въ Петровскій рейдъ. Смеркалось; вѣтеръ свѣжѣлъ, мы неслись подъ зарифленными марселями по 10-ти узловъ. Вдругъ засвистѣлъ въ снастяхъ сильный штормъ. Нехладнокровный Клинкофстремъ засуетился. На суднѣ начался безпорядокъ — результатъ неопытности матросовъ дессанта, которые не знали кого слушать, потому что капитанъ судна командовалъ по-шведски своимъ матросамъ, Невельской и Рудановскій по-русски — своимъ. Штурмана суетились, бѣгали. Безпорядокъ на суднѣ былъ полный, обстоятельства были дѣйствительно нехороши, — лавировать было тѣсно, и потому выдти въ море невозможно. Мы находились между скалистымъ берегомъ мыса Левашова и банками, лежащими къ с.-в. отъ Петровскаго зимовья. Рѣшили бросить якорь на 11 с. глубины и возложить надежду на крѣпость цѣпи. «Если цѣпъ не выдержитъ, сказалъ мнѣ капитанъ, то судно погибло, отлавироваться я не надѣюсь». Скоро загремѣла цѣпь. Корабль всталъ. Противное теченіе помогало намъ, не давая волнамъ вытягивать сильно цѣпь. Шумъ на суднѣ прекратился. Какъ зритель, я присутствовалъ все время при работѣ на палубѣ. Картина борьбы стихій производила какое-то особенное впечатлѣніе. Чувство это я впервые испытывалъ. Борьба эта мнѣ нравилась, и я былъ спокоенъ. Во время шторма, волна закатилась въ каюту черезъ вентиляторъ и замочила всѣ бумаги Невельского.

Въ 11-мъ часу я легъ спать. Штормъ усиливался. Задремавъ немного, я очнулся отъ сильнаго толчка. Вставъ, я вышелъ узнать причину. Въ каютѣ мебели были опрокинуты. Толчекъ былъ дѣйствіе дерганья цѣпи отъ натягиванія ее волною. Вѣтеръ дулъ еще сильнѣе. Корабль бросало во всѣ стороны. Былъ 12-й часъ. Штормъ свирѣпствовалъ въ полной силѣ. Спустившись въ свою каюту, я легъ въ постель. Безпрерывные толчки давали засыпать мнѣ только на нѣсколько минутъ. Наскучивъ лежать въ этакой безпокойной люлькѣ, я поднялся на палубу въ 5-мъ часу утра. Вѣтеръ стихалъ. Небольшія сѣрыя облака носились по небу.

6-го сентября къ 8-ми часамъ совершенно стихло, мы подняли якорь и при слабомъ попутномъ вѣтрѣ подошли къ Петровскому въ 12-мъ часу. Невельской тотчасъ же поѣхалъ на берегъ на байдаркѣ. Скоро за нимъ и я съѣхалъ на шлюпкѣ съ Рудановскимъ. При этомъ переѣздѣ я убѣдился въ томъ, что началъ предполагать сначала знакомства моего съ г. Рудановскимъ, т.-е. что онъ тяжелъ, какъ подчиненный, и несносный товарищъ. Послѣ я подробнѣе поговорю объ немъ. Когда мы сѣли на шлюпку, то Рудановскій при мнѣ, т.-е. при старшемъ и будущемъ ближайшемъ начальникѣ своемъ, началъ ругать матросовъ и обѣщалъ высѣчь унтеръ-офицера за то, что онъ не назначилъ одного матроса на бакъ. Я, конечно, замѣтилъ ему послѣ грубость этого поступка. Пріѣхавъ въ Петровское, Невельской началъ дѣлать нужныя распоряженія насчетъ снабженія товарами различныхъ портовъ Пріамурскаго края. Товары эти должны были быть привезены изъ Аяна на «Иртышѣ».

7-го сентября, на другой день поутру пришли на рейды «Байкалъ» и «Иртышъ». Это удачное собраніе судовъ въ одно время очень облегчило распоряженіе ими. Было рѣшено, что мы вечеромъ снимемся на «Николаѣ» съ якоря и пойдемъ въ Аниву. «Иртышъ», снявъ съ себя грузъ амурской экспедиціи, пойдетъ за нами въ Аниву, гдѣ, обойдя берегъ остановится у мѣста высадки и пробывъ тамъ нужное время для защиты ея, пройдетъ на зимовку въ гавань «Императора Николая». «Байкалъ» же, принявъ съ «Иртыша» камчатскій грузъ, долженъ былъ тотчасъ слѣдовать въ Аянъ и оттуда въ Камчатку. Насчетъ зимовки «Николая» еще не было рѣшено, потому что обстоятельства могли много измѣнить наши предположенія насчетъ занятія Сахалина. Погода стояла прекрасная, и въ свободное время до обѣда я поѣхалъ, на гиляцкой лодкѣ, съ священникомъ Гавріиломъ, въ ближайшее гиляцкое селеніе. Я сѣлъ на весла, а отецъ Гавріилъ на руль. Гиляцкая лодка сбивается изъ 4-хъ досокъ, — двѣ составляютъ прямое дно безъ киля и двѣ широкія — бока. Гребутъ маленькими веслами по-русски. На этихъ-то лодкахъ были сдѣланы описи береговъ Татарскаго пролива.

Гиляцкое селеніе около Петровскаго зимовья состоитъ изъ трехъ юртъ и нѣсколькихъ рыбныхъ амбаровъ. Познакомившійся со мною гилякъ Паткинъ вышелъ ко мнѣ на встрѣчу. Его лицо мнѣ напоминало Гусейнхана, черкеса, воспитывавшагося въ Пажескомъ корпусѣ. Такіе же выпуклые глаза, вдавшійся лобъ, широкія скулы и выдавшіеся зубы. Вообще же гиляки довольно красивый народъ. Кожа ихъ смуглая, черты лица татарскія, глаза большіе; волосы черные густые, заплетеные въ косу, спереди посерединѣ проборъ. Борода довольно густая. Одежда ихъ

состоитъ изъ тулуповъ, сдѣланныхъ изъ собачьихъ шкуръ вверхъ шерстью; ноги необутыя. У нѣкоторыхъ я видѣлъ японскія шляпы. Женщины некрасивы, похожи на калмычекъ. Косъ не носятъ, а подстригаютъ сзади волосы. Паткинъ ввелъ насъ въ юрту свою. Юрта эта состояла изъ двухъ отдѣленій, выстроенныхъ изъ мелкаго лѣса. Переднее отдѣленіе устроено навѣсомъ. Къ стѣнамъ пристроены скамьи, на которыхъ держатъ на привязи собакъ. Изъ этихъ открытыхъ сѣней дверь ведетъ въ жилую юрту, т.-е. четырехугольную комнату съ очагомъ посреди и съ отверстіемъ надъ нимъ въ плоской крышѣ. Вокругъ стѣнъ широкія полати. По стѣнамъ развѣшаны стрѣлы, луки, ножи и другіе промышленныя орудія. На очагѣ огонь горитъ постоянно, — около него гилякъ проводитъ большую часть своей жизни, куря изъ маленькой мѣдной трубочки. Надъ очагомъ повѣшены большіе чугунные и мѣдные котлы, вымѣниваемые гиляками у японцевъ, съ которыми они ѣздятъ торговать въ Аниву. Пищею гиляку служитъ всякаго рода рыба, киты и нерпы. Въ юртѣ очень неопрятно. Между сидящими около очага было двѣ женщины — они не прячутся отъ гостей. Просидѣвъ съ полчаса въ юртѣ, мы пошли съ Паткинымъ смотрѣть его огородъ. Онъ очень гордился имъ. По словамъ Невельского, гиляки считаютъ большимъ грѣхомъ копать землю и полагаютъ, что кто начнетъ рыть землю, тотъ непремѣнно умретъ, и потому съ большимъ трудомъ уговорили нѣкоторыхъ изъ нихъ разводить огородныя овощи. Когда мы воротились въ Петровское, обѣдъ былъ уже готовъ. Послѣ обѣда еще долго сидѣли; видно было, что Невельскому хотѣлось подольше остаться съ женой. Когда начало смеркаться, я рѣшился подать знакъ къ отъѣзду. Общество поднялось и пошло къ шлюпкамъ. Когда мы отвалили, семь выстрѣловъ отсалютовали начальнику зимовья. Мы встали на шлюпкѣ и махая фуражками простились съ остающимися.

Подъѣзжая къ выходу изъ гавани «Счастья», мнѣ послышались крики въ зимовьѣ. Не понимая, что бы это было, я ничего не сказалъ, чтобы не обезпокоить напрасно Невельского. Мы уже готовы были спуститься въ море, когда я увидѣлъ бѣгущаго по берегу человѣка. Я передалъ объ этомъ Невельскому. Мы остановили гребцовъ и услышали слова «деньги оставили». Тутъ я вспомнилъ, что я оставилъ у М. Бачмановой на сохраненіе 6,000 руб. сер. сахалинской кассы, прося ее отдать мнѣ ихъ, когда мы поѣдемъ на судно. Мы оба позабыли объ этихъ деньгахъ. Къ счастью подлѣ катера нашего шла байдарка, я пересѣлъ на нее и поѣхалъ въ зимовье, катеръ же продолжалъ свой путь къ судну. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, я пріѣхалъ на судно. Тамъ уже все было готово къ молебну. Гилякъ Паткинъ тоже былъ взятъ по

моему приглашенію на «Николай». Онъ съ удивленіемъ разсматривалъ богатыя каюты корабля. Молебенъ служилъ отецъ Гавріилъ въ каютъ-компаніи. Послѣ молебна онъ сказалъ небольшую проповѣдь, довольно хорошо составленную. Гилякъ Паткинъ все время крестился, онъ даже носитъ крестъ на шеѣ. Невельской окрестилъ четырехъ гиляковъ по ихъ желанію. Правительство, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, запретило крестить гиляковъ, такъ что на представленіе архіепископа послать къ гилякамъ миссіонера было отказано, а повелѣно было назначить священника для исполненія требъ служащихъ въ амурской экспедиціи. Архіепископъ назначилъ своего сына, дозволивъ ему помазать тѣхъ гиляковъ, которыхъ окрестилъ Невельской. Отецъ Гавріилъ собирался серьезно заняться дѣтьми гиляковъ, чтобы исподволь приготовить ихъ къ правиламъ христіанской религіи. Дай Богъ ему успѣха.

Въ 10 час. вечера мы снялись съ якоря, простившись съ священникомъ и Л. Гавриловымъ, которые возвратились на берегъ. Переходъ нашъ изъ Петровскаго до м. Анива былъ очень неудаченъ. Противные вѣтры дули почти все время перехода. Спустившись южнѣе мыса Терпѣнія, мы почувствовали большую перемѣну въ температурѣ. Сдѣлалось гораздо теплѣе, туманы прекратились. Мысъ Терпѣнія можетъ, кажется, считаться, южною оконечностью суроваго Охотскаго моря. Во все время перехода разговоръ вертѣлся на занятіи Сахалина, на дѣйствіяхъ въ Приамурскомъ краѣ и на разборѣ дѣйствій россійско-американской компаніи. Насчетъ занятія Сахалина Невельской говорилъ въ Петровскомъ и по выходѣ оттуда, что такъ какъ позднее время уже, то онъ полагаетъ оставить въ Анивѣ постъ изъ 10-ти человѣкъ, въ знакъ политическаго занятія острова Сахалина, а остальной дессантъ оставить зимовать съ «Николаемъ» въ гавани «Императора Николая», съ тѣмъ чтобы я раннею весною пришелъ въ Аниву и занялъ пунктъ, который найду наиболѣе удобнымъ и выгоднымъ. Постъ изъ 10-ти чел. долженъ былъ встать на мѣстѣ, удаленномъ отъ японскихъ заселеній. Прекрасная погода, встрѣтившая насъ у мыса Анива, совершенно измѣнила намѣренія Невельского. Онъ началъ поговаривать, что находитъ необходимымъ занять нынѣшнею же осенью Аниву, поставивъ постъ по возможности ближе къ японцамъ и потому этого дѣла не можетъ поручить Рудановскому, а приглашаетъ меня остаться зимовать на Сахалинѣ. Я, конечно, изъявилъ свою готовность; но высказалъ свое мнѣніе, что, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ японцахъ, нельзя рѣшить дѣло окончательно, тѣмъ болѣе, что по распоряженію Невельского поручикъ Орловъ долженъ былъ съ

половины августа собирать свѣдѣнія о японцахъ и жителяхъ Сахалина, для чего онъ долженъ былъ отъ мѣста его высадки съ «Байкала», подъ 51о, пройти весь восточный берегъ Сахалина до мыса Крильона, гдѣ назначено было ему дожидать насъ до половины сентября. На случай, если бы мы не пришли къ этому времени, онъ долженъ былъ пробираться на мѣсто назначенное для высадки, т. е. бухту Томари-Анива (собственно Томари означаетъ — бухту, гавань). Итакъ, странно было рѣшить что нибудь прежде свиданія съ Орловымъ. Мнѣ жаль было послѣ, что я спорилъ насчетъ этого съ Невельскимъ, но мнѣ досадно было слушать неосновательныя и мало серьезныя разсужденія о дѣлѣ, котораго неудачное исполненіе могло произвести очень дурное вліяніе на наши отношенія къ Японіи и Китаю, да и на самое владѣніе Сахалиномъ и его жителями.

17-го числа, мы обогнули скалистый мысъ Анива, лежащій подъ 45о с. ш. Это была 4-я точка Сахалина, которую я видѣлъ — первая мысъ Елисаветы, вторая мысъ Маріи — оба на сѣверѣ; третья мысъ Терпѣнія на востокъ и четвертая мысъ Анива на югѣ. Отъ сѣверныхъ и восточныхъ береговъ мы проходили далеко и не видѣли ихъ. Говорятъ, что близъ мыса Елисаветы есть горящій волканъ. Около ю.-в. береговъ мы прошли близко и въ ясную погоду. Берега эти гористы, но высокихъ горъ нѣтъ, коническихъ совсѣмъ не было видно. Растущая на горахъ трава и мелкій лѣсъ дѣлаютъ сахалинскіе берега веселѣе охотскихъ.

Обогнувъ мысъ Анивы, мы направились прямо на мысъ Крильона, гдѣ долженъ былъ ожидать насъ Орловъ. Проходя черезъ заливъ Анива, мы были постоянно окружены китами, цѣлыми стадами разнаго рода рыбъ. Богатство рыбою залива Анива и привлекло къ нему японцевъ, у которыхъ рыба есть главный продуктъ, какъ у насъ говядина, которую японцы совсѣмъ не употребляютъ. Во время плаванія нашего по заливу Анива, погода была прекрасная на морѣ, но берега оставались закрыты туманомъ. Термометръ показывалъ 20о тепла поутру; правда, мы были подъ 45о с. ш. Къ вечеру **18-го** ч. мы подплыли къ мысу Крильону. Онъ былъ открытъ отъ тумана отъ оконечности къ с. на 11' протяженія. Слѣдовательно, если Орловъ былъ бы на немъ, то онъ слышалъ бы условные 9 выстрѣловъ, сдѣланные нами. Но отвѣта не было, и потому утромъ **19-го** числа, при тихомъ противномъ вѣтрѣ, мы начали лавировать по направленію къ японскимъ заселеніямъ. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, капитанъ судна увидѣлъ близко, передъ самымъ носомъ корабля, что-то черноватое; всѣ вышли на палубу и признали видимый предметъ за землю, вслѣдствіе чего тотчасъ же бросили якорь. Скоро мы убѣдились, что дѣйствительно

берегъ близокъ отъ насъ. Шумъ якорной цѣни, вѣроятно, разбудилъ японцевъ: на берегу въ миляхъ 3-хъ отъ насъ появились огни. Марево, закрывавшее берегъ, разсѣялось, и онъ ясно окраился. По приказанію Невельского былъ выставленъ на суднѣ караулъ изъ 12 матросовъ. Часовымъ приказано наблюдать за берегомъ и если увидятъ какое-нибудь гребное судно, окликать его. Но время ужина много было споровъ и смѣха. Одни полагали одно, другіе другое, и всѣ съ удовольствіемъ и нетерпѣніемъ ожидали свиданія съ японцами. Было рѣшено, что утромъ судно снимается съ якоря, чтобы ближе подойти къ селенію, на тотъ случай, если японцы имѣютъ пушки, и по своему обыкновенію вздумаютъ непріязненно встрѣтить наши шлюпки, на которыхъ я и Невельской предполагали съѣхать на берегъ; тогда судовая баттарея могла своимъ огнемъ прикрыть машу высадку. Когда разсвѣло, мы снялись съ якоря. Мы стояли прямо противъ селенія Усонной (названіе это я послѣ узналъ). Правѣе селенія этого было видно еще два селенія; въ одномъ изъ нихъ было видно много строеній, и поэтому мы заключили, что оно должно быть главное японское селеніе. Вставъ на якорь въ миляхъ двухъ отъ берега, мы начали готовиться къ съѣзду на берегъ.

Было 11 часовъ. Погода стояла прекрасная. Спустили двѣ шлюпки и байдарку. На первой шлюпкѣ сѣлъ я съ Невельскимъ, пять гребцовъ и унтеръ-офицеръ Теленевъ на бакѣ. Ружья были спрятаны на днѣ лодки. Съ собой взяли мы различныхъ бездѣлушекъ для подарковъ. На второй шлюпкѣ ѣхалъ Л. Бошнякъ съ 4-мя гребцами. Байдарка шла подлѣ шлюпокъ, на случай если бы нужно было послать за чѣмъ-нибудь на судно. капитану было приказано, если мы поднимемъ флагъ, тотчасъ спускать на воду барказъ и шлюпку, на которой Л. Рудановскій долженъ былъ слѣдовать на берегъ съ 20-ю вооруженными матросами. Если же будетъ сдѣланъ выстрѣлъ, то корабль долженъ былъ сниматься съ якоря и подойти на три сажени глубины, чтобы открыть огонь съ бортовъ по селенію. На суднѣ былъ выкинутъ военный флагъ. Когда шлюпки отвалили отъ борта, на берегу замѣтно было большое движеніе. Жители собирались къ селенію, въ которое мы ѣхали. Не доѣхавъ до берега саженъ сто, шлюпки наши сѣли на мель. Собравшіеся дикари на берегу бросились и съ крикомъ бѣжали къ намъ, махая древесными метелками. Въ одну минуту мы были окружены со всѣхъ сторонъ. Дикари показывали намъ знаками, что они хотятъ дружески принять насъ. Нѣкоторые изъ нихъ произносили слово «Америка». Мы стали объяснять имъ, что мы русскіе, а не американцы. Невельской показывалъ знаками, что американцы хотятъ придти на Сахалинъ и что, поэтому, мы хотимъ поселиться

у нихъ, чтобы защитить ихъ отъ американцевъ. Они, казалось, поняли насъ. Вынувъ вещицы, которыя мы взяли съ собою, мы стали дарить. Бронзовыя и стальныя вещи, какъ-то — ножики, ножницы, пуговки и т. п. очень нравились имъ; простой же табакъ нашъ (махорка) они нехотя брали. Черезъ нѣсколько времени подошли къ намъ нѣсколько японцевъ. Ихъ лица рѣзко отличались отъ аинскихъ.

Японцы немного походятъ на карикатурныя вывѣски чайныхъ магазиновъ, только глаза не такъ вздернуты кверху, и они не носятъ усовъ. На головѣ они брѣютъ волосы, оставляя неширокую полосу длинныхъ волосъ снизу по затылку до висковъ. Волосы эти собираются на темѣ въ косичку, такимъ образомъ перевязанную, что, поднявшись на вершокъ въ вышину, она заворачивается крючкомъ впередъ и ложится впередъ по бритой головѣ. Волосы у всѣхъ видѣнныхъ мною японцевъ — черные. Ростъ ихъ вообще малый. Одежда состоитъ изъ нѣсколькихъ халатовъ, верхній изъ нихъ у всѣхъ синей бумажной матеріи. Рукава широкіе, спускаются немного длиннѣе локтя. Прорѣзъ для руки сдѣланъ вполовину ширины рукава. Нижняя часть, составляя въ родѣ мѣшка, служитъ для согрѣванія рукъ. Японцы почти всегда прячутъ туда свои руки, это даетъ имъ карикатурный видъ. Брюки носятъ они въ обтяжку. Обувь — синіе чулки и въ сухую погоду надѣваютъ соломенныя подстилки подъ подошву ноги; нога продѣвается подъ веревочную петлю; отъ нея еще третья веревочка проходитъ между большимъ и вторымъ пальцами ноги, прикрѣпляясь къ носку подстилки. На головѣ ничего не носятъ. Движенія и манеры смѣшныя, женонодобныя. Аины же народъ красивый вообще. Смуглыя лица ихъ мужественны. Черные густые волосы свои на головѣ они брѣютъ спереди; сзади обстригаютъ въ кружокъ, какъ наши мужики. Бороды густыя и длинныя. Одежда состоитъ изъ халатовъ и шубъ изъ собачьихъ шкуръ, вверхъ шерстью. На ногахъ мѣховые чоботы, тоже вверхъ шерстью. При случаѣ, я подробнѣе опишу ихъ наружность и одежду.

Мы предложили подошедшимъ къ шлюпкамъ японцамъ нѣкоторыя вещи. Они сначала не рѣшались взять, но подъ конецъ согласились. На вопросъ нашъ, гдѣ ихъ джанчи (старшина), они намъ показали на большое селеніе. Снявшись съ мели, мы поѣхали въ это селеніе. Шлюпка подошла вплоть до берега. Во время нашего переѣзда аины успѣли тоже перейти въ томари и снова окружили насъ у мѣста нашего выхода на берегъ. Изъ селенія къ намъ вышелъ японецъ. Невельской объяснилъ, что онъ желаетъ говорить съ джанчиномъ (офицеръ) и приглашаетъ его придти на берегъ. Японецъ, съ своей стороны, показывалъ намъ знаками, чтобы мы шли въ селеніе. Посовѣтовавшись, мы

согласились принять его приглашеніе, потому что, повидимому, не было никакихъ укрѣпленій и военной силы у японцевъ, и слѣд. нельзя было ожидать, чтобы съ нами японцы сыграли бы такую же шутку, какую они съиграли съ Головнинымъ. Пройдя по пристани, на которой лежало множество плоскодонныхъ лодокъ, мы повернули отъ берега и поднявшись немного на возвышенность увидѣли нѣсколько строеній японской архитектуры, разбросанныхъ по холмамъ и между ними лежащей неширокой долины. Къ самому большому изъ нихъ велъ насъ японецъ. За нами шла цѣлая толпа аиновъ. Войдя въ строеніе, похожее на звѣринецъ, мы увидѣли семь японскихъ старшинъ острова Сахалина. Они сидѣли, поджавши ноги, на соломенныхъ матахъ, уложенныхъ по тремъ сторонамъ четырехугольнаго очага, на которомъ разведенъ былъ небольшой огонь. Старшій джанчи, чрезвычайно толстый, занималъ мѣсто президента. Одна сабля была заткнута у него за поясомъ, другая лежала подлѣ него. Остальные шесть японцевъ (его совѣтники) сидѣли по трое по обѣ его руки. У четвертой стороны противъ старшинъ постланы были для насъ маты. Мы разлеглись на нихъ и начали объясняться насчетъ нашихъ намѣреній остаться жить съ японцами на Сахалинѣ. Весь сарай наполнился аинами. Ближе къ намъ, на возвышенномъ же полу усѣлись безъ особаго порядка остальные японцы, человѣкъ пятнадцать. Смѣшно было смотрѣть, какъ Невельской старался объяснить японцамъ, что русскіе хотятъ дружно жить съ ними и аинами, что занимаютъ Сахалинъ для защиты его отъ американцевъ. Когда казалось, что джанчи и товарищи поняли въ чемъ дѣло, мы вынули подарки, состоявшіе изъ сукна, шерстяныхъ платковъ, шарфовъ, стальныхъ вещей и пуговицъ. При раздачѣ вещей этихъ старшинамъ, они съ любопытствомъ разсматривали ихъ и укладывали подлѣ джанчи. Между тѣмъ намъ принесли вареную камбалу въ фаянсовыхъ чашкахъ, похожихъ на наши полоскательныя чайныя. Японцы показывали намъ, какъ надо управляться палочками, которыя замѣняютъ у нихъ наши ножи и вилки. Съ нами были взяты бутылка рому, бѣлаго вина и лимонаду. Мы угостили этими напитками японцевъ; видно было, что имъ наши вина нравились. Былъ уже часъ третій, а намъ еще надо было отыскать мѣсто для поселенія. Я предложилъ кончить объясненія съ японцами, чтобы ѣхать осматривать берегъ. Невельской началъ обнимать и цѣловать японцевъ, показывая знаками, что русскіе будутъ вмѣстѣ съ японцами дружно жить; что они американцевъ не пустятъ на Карафту (Сахалинъ по-японски), что пушки для этого привезли съ собою. Они очень холодно принимали эти ласки, ничего не отвѣчая на нихъ. Сѣвъ на шлюпки, мы поѣхали осматривать

берегъ къ востоку отъ Томари. Доѣхавъ до первой бухты въ этомъ направленіи, мы попробовали было подъѣхать къ берегу, но попавъ на мель, по желанію Невельского поѣхали далѣе за слѣдующій мысъ. Послѣ уже я увидѣлъ, какъ худо сдѣлали мы, что не осмотрѣли долины этой бухты; Невельской увидѣлъ бы тогда прекрасное мѣсто для поселенія, съ рѣкою. Послѣ я опишу эту бухту Пуруанъ-Томари. Видя, что Л. Бошнякъ и байдарки совершенно напрасно разъѣзжаютъ за нами, я предложилъ Невельскому отпустить ихъ на корабль съ тѣмъ, чтобы поручить имъ осматривать западный берегъ залива. Вообще надо правду сказать, что осмотръ мѣстности былъ безпорядочно сдѣланъ. Слѣдовало тотчасъ же, по окончаніи объясненій съ японцами, разослать вездѣ офицеровъ въ шлюпкахъ и байдаркѣ осматривать берегъ, назначивъ каждому участокъ. Въ одни сутки осмотръ былъ бы конченъ, и мы не упустили бы изъ виду славной бухты Пуруанъ-Томари. Поѣхавъ же на двухъ шлюпкахъ и байдаркѣ по одному направленію и оставивъ въ бездѣйствіи на кораблѣ Л. Рудановскаго и штурмановъ, мы напрасно потеряли цѣлый день, и черезъ это Невельской, желая скорѣе кончить высадку, чтобы не опоздать въ Кастри и оттуда идти въ Петровское еще не по замерзшимъ рѣкамъ, навелъ себя на невыгодное и неполитическое, по моему мнѣнію, рѣшеніе, стать въ главномъ японскомъ селеніи.

Отославъ Бошняка и байдарку, мы продолжали съ Невельскимъ ѣхать вдоль берега. Обогнувъ мысъ, мы увидѣли въ миляхъ двухъ другой мысъ, за которымъ слѣдовало предполагать бухту. Гребцы были очень утомлены и потому, приставъ къ берегу, оставили людей со шлюпкой дожидать насъ, пока мы пѣшкомъ осмотримъ бухту. Пробираясь по лайдѣ на мысъ, я съ досадою нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и ждать, пока Невельской закуривалъ свою трубку. Къ несчастью еще спички были сырыя. Невельской, какъ ребенокъ, сердился; я просилъ его потерпѣть и не курить до возвращенія нашего на шлюпку, потому что закуриванье брало такъ много времени, что мы ничего не успѣли осмотрѣть. Не могши убѣдить его, я для ускоренія началъ доставать для него огонь, стрѣляя изъ карманнаго пистолета хлопчатою бумагою. Дойдя наконецъ до мыса, мы увидѣли обширную бухту, омывавшую довольно глубокую долину. «Тутъ нечего и смотрѣть, воскликнулъ съ радостью Невельской, завтра подойдемъ сюда и будемъ выгружаться». Желая разсмотрѣть поподробнѣе мѣсто, я предложилъ пройти далѣе по лайдѣ. Достигнувъ до глубины бухты, я пошелъ во внутрь долины, черезъ растущій по лайдѣ тростникъ. Вдругъ саженей пять передо мной открылось

небольшое озеро и впадающая въ нее небольшая рѣчка. Зачерпнувъ раковиною воды, я принесъ къ Невельскому; вода была прѣсная. Мы пошли далѣе по берегу, чтобы открыть устье рѣчки. Скоро мы дошли до него. Я попробовалъ перейти въ бродъ устье рѣки, но вода была выше голенищъ, и я вернулся. Въ это время задулъ несильный южный вѣтеръ, именно съ того румба, съ котораго бухта открыта съ моря. Вѣтеръ этотъ развелъ довольно большой бурунъ, вслѣдствіе чего Невельской нашелъ, что нельзя становиться въ бухтѣ, потому что разгрузка будетъ затруднительна. Бухта эта, какъ я послѣ узналъ, наз. Хукуй-Катанъ. Начало смеркаться, мы пошли назадъ къ шлюпкѣ и въ 11-мъ часу вечера воротились на корабль. У Невельского родилась во время переѣзда нашего мысль встать въ сосѣдней бухтѣ (Пуруанъ-Томари) съ главнымъ ея селеніемъ. Въ ней видѣли мы нѣсколько японскихъ сараевъ, аинскихъ жилищъ и небольшой храмъ. Полагая невыгоднымъ занимать мѣсто, занятое уже японцами, я просилъ Невельского назначить слѣдующій день на осмотръ береговъ, разославъ всѣ гребныя суда, и если ничего хорошаго не найдутъ, тогда занять Пуруанъ-Томари, гдѣ мы были бы все-таки удалены отъ главнаго японскаго селенія хоть на одну милю. Невельской согласился на мое предложеніе, и потому, пріѣхавъ на судно, я тотчасъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы съ разсвѣтомъ начать рекогносцировку. Съ разсвѣтомъ **21-го** сентября я всталъ съ тѣмъ, чтобы спускать тотчасъ же шлюпки для рекогносцировки. Невельской еще былъ въ постели. Я зашелъ къ нему, чтобы условиться кому куда ѣхать осматривать берегъ, какъ вдругъ онъ объявилъ мнѣ, что онъ перемѣнилъ свое намѣреніе и хочетъ теперь высадить насъ въ главномъ японскомъ селеніи. Эта внезапная перемѣна мыслей произошла, какъ я послѣ узналъ, подъ вліяніемъ совѣтовъ Клинкофстрема, желавшаго, разумѣется, скорѣе отдѣлаться отъ стоянки въ осеннее время въ незакрытой бухтѣ и поэтому нежелавшаго, чтобы еще употребили цѣлыя сутки для пріисканія мѣста высадки, куда ему пришлось бы еще переходить съ кораблемъ. Я высказалъ рѣшительно свое мнѣніе Невельскому, что селиться въ селеніи японцевъ, между ихъ жилищами, не слѣдуетъ, потому что это есть поступокъ насильственный; что трудно будетъ при такомъ близкомъ сосѣдствѣ предупредить какія-нибудь пустячныя, но въ нашемъ положеніи важныя, столкновенія нашихъ людей съ японцами; что наконецъ, это противно приказаніямъ губернатора, назначившаго селиться въ сторонѣ отъ японскихъ селеній, да и противно самимъ словамъ инструкціи, которую онъ же, Невельской, далъ мнѣ насчетъ обращенія съ японцами и туземцами; въ инструкціи этой сказано, что обращаться съ японцами мирно, внушая имъ,

что русскіе пришли на Сахалинъ защищать ихъ отъ иностранцевъ, а отнюдь не тревожить и не стѣснять ихъ. Наконецъ, въ инструкціи этой предписывается мнѣ не нарушать интересовъ японцевъ въ торговлѣ съ туземцами. Представивъ все это Невельскому, я спросилъ его, какъ же сдѣлать, чтобы согласить эти мирныя и осторожныя отношенія съ занятіемъ селенія японцевъ, съ водвореніемъ, такъ сказать, въ домѣ ихъ, и слѣд. стѣснивъ ихъ. Я получилъ на это въ отвѣтъ, что необходимо стать на указанномъ мѣстѣ, что онъ считаетъ невозможнымъ разгружаться въ другомъ мѣстѣ.

— Въ такомъ случаѣ, я, конечно, повинуюсь приказанію и буду дѣйствовать такъ, чтобы по возможности удержать мирныя сношенія съ японцами; но тѣмъ не менѣе духъ экспедиціи нашей измѣнился, теперь пушки и ядра будутъ болѣе на виду, чѣмъ товары; какое это будетъ имѣть вліяніе на наши политическія сношенія съ Японіею и на переговоры адмирала Путятина въ Нангасаки, — я не знаю, но не думаю, чтобы выгодное; одно ясно, что на Сахалинѣ у японцевъ военной силы нѣтъ, слѣд. мы можемъ дѣлать пока, что хотимъ. Кончивъ этотъ разговоръ, я уже больше не вмѣшивался въ разсужденія, потому что видѣлъ, что главная пружина всему — скорѣе выбросить насъ на берегъ. Надобно было слышать умствованія молодого, впрочемъ прекраснаго юноши Л. Бошняка, досаднѣе еще было видѣть, что Невельской вторилъ имъ, не потому, чтобы онъ обсудилъ предметъ, а потому, что это ускоряло его возвращеніе въ Петровское.

Теперь, когда я нишу эти строки, я вполнѣ убѣдился, что я былъ справедливъ въ своихъ доводахъ, но, конечно, я понялъ, что эгоизмъ Невельского простителенъ; онъ отвѣчалъ, кромѣ себя, и за безопасность судна — однимъ словомъ, онъ человѣкъ благородныхъ чувствъ, слѣд. многое ему простить можно. Бошнякъ — мечтатель и дитя.

IV

Рѣшившись занять селеніе Томара, нужно было ближе подойти въ нему и потому мы снялись съ якоря и подойдя на глубину 4 1/2 с. противъ селенія, бросили снова якорь. Высадка должна была быть сдѣлана на 2-хъ шлюпкахъ и барказѣ. Въ барказъ были положены двѣ пушки, прикрытыя брезентомъ, вмѣстѣ съ ружьями. На носу шлюпокъ были выкинуты бѣлые флаги, на барказѣ и кораблѣ военные. Вся эта процессія двинулась къ берегу въ 11 часовъ утра **21-го** сентября. На берегу насъ встрѣтила толпа аиновъ и нѣсколько человѣкъ японцевъ. Невельской началъ снова объяснять имъ наши мирныя намѣренія. Матросы выстроились въ двѣ шеренги; я, поднявъ флагъ, всталъ передъ ними. Скомандовавъ: шапки долой! Невельской приказалъ спѣть молитву. Команда запѣла молитву «Отче нашъ», потомъ спѣли «Боже царя храни», раздалось русское ура, откликнувшееся на кораблѣ, и Сахалинъ сдѣлался русскимъ владѣніемъ. Собравшіеся японцы и аины съ удивленіемъ смотрѣли на насъ. Къ одному изъ столбовъ пристани прикрѣпили флагъ и поставили къ нему часового, сзади флага раскинули двѣ палатки. Кончивъ все это, Невельской. пошелъ съ японцами къ ихъ джанчину, а я съ Рудановскимъ началъ осматривать мѣстность, для выбора пункта къ заселенію.

Взойдя на возвышенность сѣвернаго мыса бухты, мы имѣли селеніе и всю долину на ладони. Но куда мы ни обращали глаза наши, вездѣ, на мѣстахъ удобныхъ и близкихъ къ пристани, видѣли японскія строенія. Рудановскій, поддерживавшій прежде мнѣніе Невельского, первый же сказалъ, что по его мнѣнію, селиться намъ здѣсь нельзя. Я замѣтилъ ему, что онъ теперь самъ видитъ, какъ ему не слѣдовало разсуждать на кораблѣ, не выходя на берегъ, гдѣ лучше селиться. Мысъ, на которомъ мы находились, такъ высокъ и крутъ, что строиться на немъ нельзя было и думать; долина и холмъ, раздѣляющіе на двѣ части, были всплошь застроены.

Сѣверный мысъ казался мнѣ самымъ удобнымъ. Онъ не высокъ, всходъ на него не слишкомъ труденъ, въ военномъ отношеніи положеніе его превосходно; если поставить на немъ баттареи, — селеніе и бухта будутъ находиться подъ продольными выстрѣлами. Но и этотъ мысъ былъ занятъ магазинами японцевъ. Возвратясь къ японскому джанчину, я нашелъ тамъ Невельского. Разсказавъ ему мой осмотръ, я передалъ ему мое мнѣніе, что считаю единственнымъ пунктомъ, возможнымъ для построекъ, сѣверный мысъ; но онъ застроенъ, и

поэтому нахожу, что и на немъ становиться дурно, ибо для этого надо будетъ рѣшительно заставить японцевъ предоставить свои магазины намъ, или перенести ихъ въ другое мѣсто — а это есть насиліе. Невельской, мысленно соглашаясь съ моимъ мнѣніемъ, обратился къ японцамъ съ просьбою, чтобы они сами указали мѣсто для русскихъ. Японецъ, занимавшій второе мѣсто послѣ главнаго начальника, но имѣвшій, какъ казалось, большое вліяніе на послѣдняго, всталъ и повелъ насъ по селенію; идя за нимъ, Невельской, я и Рудановскій продолжали спорить насчетъ неудобствъ поселиться вмѣстѣ съ японцами. Между тѣмъ мы спустились къ лайдѣ и обогнувъ сѣверный мысъ, шли далѣе по берегу. Ясно было, что японецъ хотѣлъ предложить намъ стать въ сосѣднемъ селеніи Пуруанъ-Томари. Я радовался уже, что Невельской откажется отъ своего упорнаго желанія занять Томари, потому что здѣсь оказалось еще лучше, и что японцы сами назначатъ намъ, гдѣ поставить намъ наши баттареи, чтобы владѣть Сахалиномъ. Но радость моя была непродолжительная. Невельской, замѣтя, что японецъ отводитъ насъ отъ селенія Томари, остановилъ его и показалъ знаками, что онъ не хочетъ идти далѣе. Я предложилъ ему подождать окончательно рѣшать мѣсто высадки, и посмотрѣть сперва, куда проведетъ насъ японецъ; если онъ укажетъ неудобное мѣсто, то тогда возвратиться назадъ, объяснивъ ему, что мы хотимъ встать въ Томари. Но никакія убѣжденія не дѣйствовали на Невельского и, что всего досаднѣе, Рудановскій, съ своей стороны, дѣлалъ безтолковыя замѣчанія, которыя еще болѣе поддерживали настойчивость Невельского. Позже Рудановскій раскаивался, когда осмотрѣлъ бухту Пуруанъ-Томари.

Чтобы смягчить немного настойчивое требованіе Невельского отъ японца, чтобы онъ отвелъ мѣсто въ своемъ селеніи, я показалъ ему знаками, что тамъ, куда онъ велъ насъ, должно быть мелко. Не знаю, понялъ ли онъ меня. Воротившись назадъ, мы поднялись на площадь сѣвернаго мыса и объяснили японцу, что это мѣсто мы хотимъ занять. На этой площадкѣ находились два сарая, ниже на скатѣ мыса стояли еще три магазина; далѣе слѣдовала вырытая въ горѣ площадка въ 11 саженей въ квадратѣ, одна сторона котораго была занята еще 6-мъ магазиномъ. Увидѣвъ эту платформу, Невельской съ радостью обратился во мнѣ съ словами: «Что можетъ быть лучше этого мѣста, посмотрите — отсюда вы командуете селеніемъ и бухтой». — Это справедливо, отвѣчалъ я, если съ вершины мыса никто не будетъ нами командовать, да и потомъ, возможно ли обстроиться командѣ изъ 70 чел. состоящей на квадратѣ въ 11 саж.? Рѣшено было строиться двумя ярусами, поставивъ на оба по баттареѣ. Я

уже говорилъ, что въ военномъ отношеніи два пункта эти хороши, но между нашими строеніями будутъ стоять японскіе магазины, слѣд. надо ихъ уничтожить, чтобы имѣть свой дворъ, такъ сказать; а не забудьте, что мы должны обращаться дружно и мирно съ японцами и не тревожить ихъ. Я это замѣтилъ Невельскому и предложилъ ему купить у японцевъ сараи. Торгъ нашъ не долго продолжался, — японцы готовы были, кажется, все отдать, только бы ихъ въ покоѣ оставили. Два магазина были куплены, слѣд. еще три остались на нашемъ дворѣ; этихъ они не хотѣли, или лучше сказать, не могли уступить намъ потому, что они заняты были какими-то нужными вещами. Рѣшивъ начать на другой день съ утра разгрузку, мы, оставивъ на берегу три орудія, 20 ч. людей подъ начальствомъ Рудановскаго, поѣхали дѣлать промѣръ бухты, чтобы выбрать мѣсто пристани нашимъ шлюпкамъ и барказамъ. Возвратясь на судно, мы условились съ Невельскимъ высадить на Сахалинъ 59 ч. матросовъ и 8 наемныхъ работниковъ, остальные 11 ч. матросовъ и одинъ казакъ оставлены были на суднѣ, болѣе для того, что экипажъ «Николая» былъ слишкомъ слабъ для осенняго плаванія. Люди эти должны были зимовать въ гавани «Императора Николая», гдѣ находилось еще 11 ч. казаковъ сахалинской же экспедиціи: отправленные въ августѣ 5 казаковъ и 1 матросъ на островъ Сахалинъ съ Орловымъ, должны были присоединиться къ дессанту, если они прибудутъ къ мѣсту высадки его, т. е. въ Томари.

Съ разсвѣтомъ **22-го** сентября началась выгрузка; на кораблѣ былъ только одинъ барказъ и то подымавшій не болѣе 150-ти пудовъ. На шлюпкахъ, которыхъ было три, почти ничего нельзя было перевезть. Грузу слѣдовало перевезти около 4000 пудовъ. Корабль стоялъ отъ берега на полчаса ѣзды, такъ что, по разсчету, едва можно было бы въ недѣлю выгрузиться. Мы обратились съ просьбою къ японцамъ, чтобы они дали намъ двѣ большія лодки, называемыя у нихъ соймами. Они обѣщали, когда утихнетъ вѣтеръ, дувшій довольно сильно во весь день. Итакъ, **22-е число** прошло почти въ бездѣйствіи. Ночью задулъ сильный ю.-з. вѣтеръ; къ разсвѣту онъ очень усилился. Не надѣясь, что одинъ якорь удержитъ, бросили другой. Волна развелась довольно большая, съѣхать на берегъ было невозможно. Къ вечеру начало стихать. На другой день всѣ поднялись съ разсвѣтомъ. Было довольно тихо и поэтому тотчасъ начали разгрузку. Я поѣхалъ на байдаркѣ на берегъ, собралъ тамъ аиновъ и послалъ ихъ на судно на соймѣ. Сойма — это большая плоскодонная лодка; она подымаетъ до 500 пудовъ и чрезвычайно удобна для перевоза тяжестей въ мелкихъ мѣстахъ. На соймѣ, которую я отправилъ на корабль, насѣло человѣкъ 15 аиновъ. Восемь изъ нихъ гребли короткими веслами,

держа ихъ обѣими руками за поперечную палку, придѣланную къ веслу. При этомъ они пѣли, произнося, какъ казалось мнѣ, одни и тѣже слова. Подъѣхавъ къ судну, всѣ аины тотчасъ же бросились по трапу на судно, и съ большимъ любопытствомъ разсматривали его богатую внутренность. Всего болѣе удивляли ихъ стеклянныя окна. Бывшихъ на суднѣ свиней они перепугались. Съ помощью двухъ соймъ разгрузка шла очень скоро. Къ **24-му числу** къ вечеру почти уже все было свезено на берегъ. **25-го**, Невельской уѣхалъ рано утромъ на берегъ. Скоро за нимъ и я отправился, сдѣлавъ послѣднія распоряженія для отправки нѣкоторыхъ забытыхъ вещей. Пріѣхавъ на берегъ, я къ неудовольствію моему узналъ, что опасенія мои не были напрасны. Японцы, испуганные нашимъ нашествіемъ, ночью ушли всѣ изъ селенія во внутрь острова. Невельской требовалъ отъ аинскаго старосты, чтобы онъ ихъ привелъ назадъ и разгорячась взялъ его за бороду. Я тогда началъ уговаривать его, чтобы онъ оставилъ въ покоѣ японцевъ и аиновъ. Дѣло было поправить трудно, и мнѣ казалось, что если употребить силу, то это еще больше испортило бы его. Къ 2-мъ часамъ пополудни разгрузка совершенно окончилась. Во все время ея погода была пасмурная, но большого дождя не было.

Позавтракавъ въ старомъ японскомъ сараѣ, въ которомъ помѣщены были наши люди, Невельской и Рудановскій сѣли на шлюпку, чтобы Ѣхать на судно. Команда была выстроена въ двѣ шеренги. Прощаясь съ нею, Невельской передалъ ее подъ мое начальство. Я остался на берегу, и когда Невельской отъѣхалъ саженъ на 50 отъ берега, я велѣлъ салютовать съ двухъ баттарей, стоявшихъ на мысу. Русскіе пушечные выстрѣлы впервые огласили берега Сахалина. Кончивъ салютъ, я сѣлъ въ байдарку и поѣхалъ на судно. Прощальный обѣдъ нашъ прошелъ тихо, взаимныя желанія счастливаго окончанія зимовки были отъ души высказаны другъ другу. Въ 6-мъ часу, я сѣлъ съ Рудановскимъ на шлюпку, которая назначалась остаться съ нами на Сахалинѣ. Недалеко отъѣхавъ отъ судна мы услышали съ корабля выстрѣлы — это былъ отвѣтный прощальный салютъ начальнику Муравьевскаго поста. Поднявъ весла, мы встали, махая фуражками, на кораблѣ раздался крикъ «ура»; матросы наши со шлюпки и съ берега громко отвѣчали на него. Приставъ къ пристани, заваленной бочками, ящиками и другими вещами, я остался до сумерекъ смотрѣть за работою. Нужно было ихъ поднимать въ сарай, уступленный намъ японцами, за товары на 60 руб. сер. Сарай этотъ стоялъ на нижней площадкѣ мыса, подъемъ къ нему довольно крутъ и потому переноска тяжестей затруднительна. «Николай» до 3-го часу ночи не могъ сняться съ якоря по случаю маловѣтрія; но къ разсвѣту его уже не было въ

виду нашей бухты. Весь слѣдующій день былъ употребленъ на переноску бочекъ и проч. съ пристани въ пакхаузъ. Я, между тѣмъ, назначилъ мѣсто для строеній, рѣшивъ строить на нижней площадкѣ у баттареи одну казарму для 20 чел., наверху мыса двѣ казармы для 40 чел., офицерскій флигель (онъ былъ привезенъ готовымъ изъ Аяна) и пекарню. Четыре эти строенія должны были составлять четыре угла четырехугольника, имѣющаго двѣ стороны по 16 и двѣ стороны по 14 1/2. Соединивъ строенія стѣною съ бойницами и поставивъ на двухъ углахъ по діагонали на башнѣ по два орудія, я предполагалъ устроить на скорую руку нѣчто въ родѣ крѣпости. На нижней баттареѣ тоже должна была быть поставлена стѣна и башня.

На всѣ эти постройки требовалось много лѣсу. Еще Невельской просилъ японцевъ продать множество превосходныхъ бревенъ, лежавшихъ у нихъ на пристани; они на все соглашались, но однако промѣнъ не состоялся. Теперь японцевъ не было, и потому я обратился въ аинскому старшинѣ, которому японцы поручили присмотръ за ихъ магазинами. Принеся къ нему въ сарай, гдѣ было собравшись много аиновъ, товаровъ на 180 р. сер., я объяснилъ ему, что хочу купить лѣсъ. Онъ тотчасъ согласился на продажу его, и принялъ товары наши. Въ этотъ же день начали собирать срубъ, привезенный изъ Аяна и, на другое утро, заложили казармы на нижней и верхней баттареяхъ и пекарню. Превосходный лѣсъ, болѣе аршина въ діаметрѣ, былъ употребленъ на первый вѣнецъ. Работа закипѣла. Къ счастію нашему, погода стояла прекрасная. Тотчасъ же были устроены временная пекарня и кузница, а черезъ два дня и кирпичная. Люди раздѣлены были мною на три капральства, каждое по 20 чел.: 1-е капральство должно было строить для себя казарму (въ 5 с. дл. и 3 шир.) на верхней баттареѣ; 3-е тамъ же пекарню и срубъ; 2-е казарму на нижней баттареѣ. Послѣднее строеніе я далъ въ распоряженіе Рудановскому, для того именно, чтобы ему имѣть отдѣльное занятіе и тѣмъ, удалить столкновенія съ его неуживчивымъ и тяжелымъ характеромъ. Но, къ сожалѣнію моему, что я ни дѣлалъ для того, чтобы не ссориться съ нимъ, но все-таки при самомъ же началѣ мнѣ пришлось нѣсколько разъ напоминать, что двухъ хозяевъ въ домѣ не можетъ быть и что, поэтому, ему не слѣдуетъ распоряжаться ни людьми, ни дѣлами тамъ, гдѣ ему не указано мною. Послѣ еще болѣе выказался несносный характеръ этого человѣка. На бѣду мою и назначенный содержателемъ компанейскаго имущества Самаринъ показалъ въ себѣ порокъ, котораго я никакъ не ожидалъ въ немъ. На второй или третій день по уходѣ «Николая» отъ насъ, я имѣлъ нужду въ Самаринѣ, послалъ за нимъ, — въ пакхгаузѣ его не было; я

послалъ искать его, и одинъ изъ посланныхъ пришелъ мнѣ сказать, что нашелъ Самарина пьянымъ въ японскомъ сараѣ и что на зовъ его придти ко мнѣ, онъ не хотѣлъ идти. Тогда я самъ пошелъ за нимъ и нашелъ его дѣйствительно совершенно пьянымъ въ одной изъ комнатъ японскаго дома, гдѣ онъ располагался выспаться, вѣроятно для того, чтобы скрыться отъ меня.

Взявъ его съ собою, я отправилъ его въ пакхаузъ, откуда часовому приказалъ не выпускать его. Съ горестью подумалъ я, что мнѣ придется цѣлую зиму провести съ такими людьми, — одинъ хотя и благородный, но неуживчивый, немножко грубый, другой — пьяница. Между тѣмъ работа шла своимъ чередомъ. Разъ какъ-то аинскій старшина прибѣжалъ ко мнѣ и показывалъ что-то знаками, указывая на селеніе Пуруанъ-Томари. Не понявъ его, я послалъ туда унтеръ-офицера Телепова и моего слугу узнать, что такое. Онъ долго не возвращался, такъ что я началъ безпокоиться и поѣхалъ самъ на шлюпкѣ, взявъ 4-хъ вооруженныхъ гребцовъ. Доѣхавъ до селенія, я встрѣтилъ посланныхъ. Они разсказали мнѣ, что медвѣдь разорвалъ трехъ аиновъ, и поэтому цѣлая толпа аиновъ и женщинъ ихъ собрались и пошли туда, гдѣ случилось несчастіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ отъ нихъ, что въ селеніи этомъ есть рѣчка, по которой можно ѣхать на шлюпкѣ. Я тотчасъ же поѣхалъ осмотрѣть ее, и дѣйствительно, шлюпка хорошо вошла въ устье, недалеко отъ котораго, на берегу, поставлена въ сараѣ японская одномачтовая джонка; далѣе былъ видѣнъ мостъ. Такъ какъ уже стемнѣло, то я, не осмотрѣвъ рѣки, воротился назадъ. **29-го**, въ 3-мъ часу пришелъ ко мнѣ аинъ съ извѣстіемъ, что большое трехмачтовое судно пришло къ берегамъ Анивы. Я тотчасъ же послалъ Рудановскаго узнать, какое судно; но не успѣлъ онъ еще заѣхать за лѣсъ, какъ встрѣтилъ второго офицера транспорта «Иртышъ», ѣхавшаго съ проводникомъ аиномъ въ наше селеніе. Офицеръ этотъ, не совсѣмъ трезвый (фамиліи его не помню) передалъ мнѣ, что транспортъ стоитъ на якорѣ за селеніемъ Хукуй-Кипанимъ. Оставивъ его обѣдать, я узналъ отъ него, что «Иртышъ» сдѣлалъ неудачное плаваніе отъ Петровскаго зимовья, имѣя постоянно противные вѣтры. Послѣ обѣда я тотчасъ же приказалъ ему ѣхать на транспортъ передать приказаніе командиру его, Л. Гаврилову, сняться съ якоря и идти на видъ нашего поста, откуда я предполагалъ тотчасъ же отправить его въ гавань «Императора Николая» на зимовку. Рудановскій просилъ меня отпустить его тоже на судно; я охотно отпустилъ его съ тѣмъ, чтобы онъ остался тамъ ночевать и вмѣстѣ съ тѣмъ указалъ бы Гаврилову якорное мѣсто нашего рейда. Двое сутокъ я ждалъ судно. Противный

вѣтеръ и дурныя качества транспорта не позволяли ему подойти къ намъ. Наконецъ **31-го** сентября показался парусъ въ миляхъ 10-ти отъ насъ. Съ безпокойствомъ смотрѣлъ я на едва держащагося «Иртыша» короткими галсами. Боясь, чтобы не было поздно ему идти на зимовку, я послалъ шлюпку, съ приказаніемъ Рудановскому возвратиться, а транспорту слѣдовать на зимовку. Надо сказать, что мнѣ дана была власть распоряжаться всѣми судами камчатской флотиліи, приходящими въ Аниву и оставлять ихъ въ порту — если обстоятельства того потребуютъ; у насъ все было спокойно и поэтому я не находилъ нужды держать «Иртышъ».

Въ ожиданіи возврата шлюпки я пошелъ прогуляться на сѣверный мысъ. Взобравшись на самую вершину мыса я невольно остановился и долго любовался прекраснымъ видомъ залива. Прямо передо мною синѣли, по другую сторону залива, освѣщенныя солнцемъ горы; налѣво у ногъ моихъ лежало японское селеніе въ красивой долинѣ, окруженной невысокими холмами. На южномъ мысу видны были наши постройки. Срубъ, привезенный изъ Аяна, уже готовъ, и я перешелъ въ него жить изъ ветхаго японскаго сарая.

2-го октября, когда я пришелъ въ селеніе, мнѣ доложили, что поручикъ Орловъ воротился изъ своей экспедиціи. Онъ былъ посланъ Невельскимъ описать западный берегъ острова отъ 51° с. ш. до южной его оконечности, и вмѣстѣ съ тѣмъ развѣдать о положеніи владѣній японскихъ въ Анивѣ. Дойдя до селенія Наіоро по 46 гр.; онъ возвратился назадъ, услыхавъ, что японцы, живущіе на западномъ берегу, хотятъ дурно встрѣтить его. Перейдя на восточный берегъ, онъ спустился на югъ, гдѣ, не доходя мыса Анивы, перевалился черезъ горы къ нашему посту, о занятіи котораго онъ узналъ отъ аиновъ и встрѣтившихся ему у селенія Найпу японцевъ, бѣжавшихъ отъ насъ. Орловъ человѣкъ лѣтъ 50-ти, некрасивой наружности; съ нимъ пришли пять якутскихъ казаковъ (выбранныхъ мною въ ЯкутскѢ) и одинъ матросъ. Мнѣ не хотѣлось, чтобы Орловъ остался зимовать у меня; между тѣмъ транспортъ повернулъ уже въ море, Рудановскій возвратился. По словамъ ихъ, пушечный выстрѣлъ не могъ быть слышенъ на суднѣ; однако я попробовалъ и сдѣлалъ три выстрѣла, и совершенно удачно: судно поворотило обратно къ порту. Въ ожиданіи его, я разспрашивалъ Орлова про путешествіе его на Сахалинѣ. Изъ отрывочныхъ разсказовъ его я узналъ только, что дойдя до Наіора, онъ возвратился на восточный берегъ Сахалина. Послѣ разсказалъ мнѣ казакъ Березкинъ, что по пріѣздѣ ихъ въ Наіоръ прибылъ туда, бурною ночью, изъ селенія японцевъ старикъ аинъ съ извѣстіемъ, что

японцы хотятъ перевязать русскихъ. Этотъ же аинъ передалъ Орлову о нашей высадкѣ и далъ своего сына проводить его туда, совѣтуя скорѣе уходить отъ японцевъ. Орловъ самъ-седьмой и безъ оружія, конечно, принялъ совѣтъ этотъ и пошелъ по р. Кусуной и далѣе по Мапуѣ на восточный берегъ. Придя въ Найпу, онъ засталъ 13 японцевъ, бѣжавшихъ изъ Томари. Боясь ихъ, онъ хотѣлъ-было скрыть, что русскіе ѣдутъ и велѣлъ казакамъ гресть по аински (т.-е. одно весло послѣ другого, а не вмѣстѣ), но японцы все-таки узнали ихъ и ушли изъ селенія въ гору. Подымаясь по рѣкѣ, Орловъ встрѣтилъ еще трехъ японцевъ и узнавъ, что они ушли отъ русскихъ изъ Томари, уговаривалъ ихъ возвратиться, на что они отвѣчали, что предложатъ это своему джанчину. Свернувъ съ р. Найпу, Орловъ пошелъ черезъ хребты въ Томари. Дорога эта, по разсказу его, очень хороша, она идетъ черезъ невысокія горы и долины; много есть березовыхъ рощъ. Казакъ Березкинъ разсказалъ мнѣ послѣ, что въ сторонѣ селеній Наіоръ и Найпу населеніе аиновъ гораздо больше, чѣмъ у береговъ залива Анивы, и что тамошніе аины богачѣ и очень чистоплотны; что вообще всѣ они не любятъ японцевъ, потому что тѣ съ ними жестоко обращаются. Березкинъ разсказывалъ, что онъ самъ видѣлъ одного аина въ Найпу, которому японцы разрубили плечо и нанесли еще нѣсколько ранъ; въ чемъ именно аинъ провинился — Березкинъ не зналъ. Когда стемнѣло, на «Иртышѣ» сожгли фальшфейръ; я приказалъ отвѣчать ему тѣмъ же знакомъ. Вечеромъ въ часу десятомъ пріѣхалъ Гавриловъ въ мундирѣ съ рапортомъ. Напившись съ нимъ чаю, я проводилъ его и Орлова къ шлюпкѣ, гдѣ мы и простились.

Ночью на **3-е октября** «Иртышъ» снялся съ якоря и вышелъ съ попутнымъ вѣтромъ изъ Анивы. Я послалъ съ нимъ рапорты (о благополучіи въ Муравьевскомъ постѣ) къ генералъ-губернатору и Невельскому, и письма къ роднымъ, Корсакову, Невельскому и Политковскому.

Такъ началась наша зимовка на Сахалинѣ.

V

4-е октября. — На другой день послѣ отплытія «Иртыша», въ воскресенье, людямъ былъ данъ отдыхъ, для приведенія въ порядокъ оружія и одежды. Погода стояла очень хорошая; я поѣхалъ, съ утра, осматривать берегъ, идущій къ сѣверу отъ насъ. Еще прежде я предполагалъ, что въ низменной долинѣ этого берега, въ верстахъ 10-ти отъ нашего селенія, должна быть рѣка. Дѣйствительно, я узналъ отъ аиновъ, что есть рѣка, и называется Сусуя. Орловъ подтвердилъ мнѣ это показаніе; итакъ, я намѣренъ былъ осмотрѣть устье ея и узнать, растетъ ли лѣсъ на ней. Доѣхавъ до мѣста, гдѣ кончается гористый берегъ, я встрѣтилъ большую отмель. Взятый мною аинъ, бывшій проводникомъ у Орлова, показывалъ мнѣ, что есть рѣка, но что въ нее нельзя въѣхать. Не повѣривъ ему, я попробовалъ отыскать фарватеръ, но шлюпка стала на мель. Противъ насъ, на берегу, видны были аинскія юрты. Мы начали кричать аинамъ, чтобы они выѣхали къ намъ на своихъ лодкахъ. Два челнока пріѣхали къ намъ. На нихъ я и двое матросовъ переѣхали на берегъ, а остальные волокомъ дотащили шлюпку до берега. Желая непремѣнно осмотрѣть рѣку, я приказалъ готовить завтракъ и пошелъ съ казакомъ Томскимъ и матросомъ Ефимовымъ берегомъ къ долинѣ. Проводникъ нашъ пошелъ за нами. Около получаса шли мы по берегу, обросшему тростникомъ. Обогнувъ небольшой мысъ, мы подошли къ мелкой рѣчкѣ, называемой Тіукомонай. Перейдя вбродъ черезъ нее, пошли далѣе по берегу, а потомъ версты полторы по отмели, образовавшейся отъ убыли воды. Перейдя черезъ нее, мы вышли къ низменному мысу, за которымъ открылось устье рѣки шириною сажень 15. Пройдя по берегу, мы увидѣли прекрасный лѣсъ. Это меня очень обрадовало — по разсчету недоставало, даже для необходимыхъ построекъ, купленнаго у японцевъ лѣсу. Желая узнать, есть ли хорошій входный фарватеръ, я пошелъ назадъ, къ шлюпкѣ. Около насъ летали цѣлыя стада куликовъ, утокъ, а на самомъ устьѣ сидѣло много лебедей. Томскій, выстрѣливъ по одному стаду куликовъ, убилъ заразъ штукъ десять. У шлюпки готовился завтракъ; нѣсколько аиновъ сидѣли съ матросами.

Напившись чаю, я пошелъ осматривать аинскія юрты. Ихъ было не болѣе пяти. Я вошелъ въ самую большую. У она сидѣлъ старикъ и пожилая женщина. Старикъ имѣлъ красивое лицо, но женщина была очень уродлива. Черные глаза ея какъ-то дико выглядывали изъ-подъ нависшихъ, всклокоченныхъ волосъ. Оба они курили трубки. Юрта была очень чиста, убрана соломенными

матами; въ углу висѣло нѣсколько сабель, вѣроятно японскихъ. Возвратившись къ шлюпкѣ, я тотчасъ же отвалилъ отъ берега. Вода немного прибыла, и мы довольно легко сошли съ отмели. Замѣтивъ, что устье рѣки уклонялось болѣе къ с.-з., я направилъ шлюпку къ противоположному берегу залива, лежавшему въ этомъ направленіи. Отъѣхавъ съ милю отъ селенія, мы увидѣли палку, торчавшую изъ воды. Принявъ ее за знакъ, поставленный на фарватерѣ, мы подъѣхали къ ней. Дѣйствительно, глубина увеличилась до 4 1/2 футовъ. Тогда мы повернули въ устье. Направляя шлюпку то въ одну, то въ другую сторону, я старался узнать направленіе фарватера. Что онъ существуетъ, въ этомъ не было сомнѣнія, и глубина его въ среднюю воду между 4-мя и 5-ю футами, т.-е. достаточная для прохода не только гребныхъ судовъ, но и рѣчныхъ пароходовъ. Войдя въ устье рѣки, я поднялся по ней версты три. Берега ея, на этомъ пространствѣ, покрыты прекраснымъ лиственичнымъ и еловыхъ лѣсомъ. Приставъ къ берегу, я разослалъ своихъ гребцовъ осматривать деревья, а урядника Томскаго осмотрѣть далѣе теченіе рѣки, безпрестанныя извилины которой не позволяли мнѣ видѣть далеко впередъ. Мнѣ очень хотѣлось еще подняться по Сусуѣ, но было уже поздно, а оставить свой постъ на ночь я считалъ незаконнымъ. Томскій возвратился черезъ полчаса съ извѣстіемъ, что въ одной верстѣ отъ насъ есть большая просѣка, прорубленная, вѣроятно, при добываніи лѣсу японцами. Въ лѣсу мы видѣли много орловъ, но небольшихъ. На возвратномъ пути я опять промѣривалъ фарватеръ. Въ портъ мы пріѣхали когда уже совсѣмъ стемнѣло.

Я намѣренъ былъ, на другой же день, послать Рудановскаго изслѣдовать рѣку, о чемъ я ему сообщилъ тотчасъ по пріѣздѣ въ портъ. Но на сборы его потребовалось цѣлые два дня, и я все болѣе и болѣе убѣждался, что судьба мнѣ послала безпокойнаго и малополезнаго сотрудника. Рудановскій вообразилъ себѣ, что онъ можетъ дѣйствовать совершенно независимо отъ меня, и еслибы еще предположенія его на счетъ изслѣдованія страны были бы благоразумны, — а то онъ вообразилъ себѣ, что прежде всего надо сдѣлать карту ближайшихъ къ намъ береговъ. Берега эти мы видѣли, гаваней, намъ извѣстно было, нѣтъ подлѣ насъ, слѣдовательно, нужно было заниматься не рисовкою карты, а изслѣдованіемъ рѣкъ, т.-е. внутреннихъ сообщеній острова и отыскиваніемъ гавани, гдѣ бы суда могли зимовать; для этого, по позднему уже времени, слѣдовало поспѣшить подвигаться по различнымъ направленіямъ, дѣлая только глазомѣрную съемку, и уже отъискавъ важные пункты, начать подробное ихъ изслѣдованіе. Объяснивъ это Рудановскому, я убѣдилъ, наконецъ, его въ пользѣ и необходимости изслѣдовать р. Сусую. Рѣшено

было ему ѣхать на шлюпкѣ съ 5-ю матросами и продовольствіемъ на 7 дней. За день передъ отправленіемъ я разсказалъ ему, на что именно надо болѣе обратить вниманіе при изслѣдованіи неизвѣстной страны, и что на этотъ предметъ онъ получитъ отъ меня письменную инструкцію. На это онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ, безъ всякихъ письменныхъ приказаній, будетъ ѣздить и дѣлать съемки, смотря какъ онъ будетъ находить нужнымъ, а что если я дамъ ему предписаніе, то онъ совсѣмъ не поѣдетъ. «Въ такомъ случаѣ я напишу на васъ рапортъ генералъ-губернатору», сказалъ я ему, выведенный уже изъ терпѣнія.

Онъ вышелъ изъ дому, а я тотчасъ же написалъ инструкцію, съ тѣмъ, что если Рудановскій не приметъ ее, то приказалъ по посту отчислить его отъ экспедиціи, оставивъ жить на Сахалинѣ безъ занятій. Я видѣлъ всю невыгоду и непріятность такого оборота нашихъ отношеній. Рудановскій могъ принести пользу экспедиціи морскими свѣдѣніями своими и съемкою и, сверхъ того онъ, въ дѣлѣ интересующемъ его, очень дѣятелемъ. Когда я успокоился немного отъ досады, возбужденной этой исторіей, то рѣшился объясниться съ нимъ, съ тѣмъ, что если онъ будетъ упорствовать, то тогда только исполнить мое намѣреніе — устранить его отъ занятій по экспедиціи. Попросивъ его выслушать меня спокойно, я ему объяснилъ невозможность дать ему право дѣйствовать по своей прихоти; что командировка его есть дѣло служебное и что безъ предписанія моего онъ не можетъ ни оставить поста, ни взять гребцовъ для лодки. Наконецъ, я его просилъ рѣшительно сказать мнѣ, хочетъ ли онъ мнѣ подчиняться и считать меня своимъ начальникомъ; если нѣтъ, то значитъ намъ служить вмѣстѣ нельзя и я уволю его отъ занятій по экспедиціи. Выслушавъ меня, онъ просилъ извинить его, соглашался, что имѣетъ тяжелый характеръ, благодарилъ меня, что я ему прямо высказалъ свое мнѣніе и рѣшеніе, и объявилъ, что онъ готовъ исполнять всѣ приказанія мои. На другой день, **6-го сентября**, онъ уѣхалъ.

Признаюсь, что мнѣ какъ-то легче стало: жизнь и занятія сдѣлались пріятнѣе, когда я остался одинъ въ своей избѣ и не видѣлъ и не слыхалъ вѣчне бранящагося съ своимъ вѣстовымъ моего непріятнаго сожителя. Въ день отъѣзда его я послалъ, на саймѣ, 9 человѣкъ людей для рыбной ловли въ Сусуѣ. Она была неудачна, и потому, велѣвъ воротиться 6-мъ, я назначилъ троихъ для рубки лѣсу. Послѣ я въ нимъ еще прибавилъ, видя, что на 3-ю казарму японскихъ бревенъ не останется ни одного. Недѣля прошла въ безпрерывной работѣ; къ несчастію погода стояла довольно дурная и число заболѣвающихъ стало увеличиваться; необходимо было, какъ можно скорѣе, подвести строенія подъ

крышу. Аины нашего селенія ежедневно посѣщали меня. Пріѣзжали также на поклонъ и изъ другихъ селеній, принося ко мнѣ древесныя метелки въ знакъ уваженія. Эти метелки отдавали они, становясь на колѣни и поднимая руки въ головѣ, которую, вмѣстѣ съ тѣмъ, они преклоняли немного. Я угощалъ и одаривалъ ихъ блестящими вещицами, которые привезъ изъ Петербурга, а джанчинамъ (старшины) давалъ изъ пакгауза рубашки и платки. Скоро появилось много джанчиновъ съ надеждою на подарки. Вообще аины любятъ обманывать, и поэтому трудно достовѣрно что-нибудь узнать отъ нихъ объ странѣ. Къ этому еще страхъ къ японцамъ заставляетъ ихъ скрывать многое. Женщины не приходили ко мнѣ и даже не отвѣчали на поклонъ, когда я встрѣчалъ ихъ, но при посѣщеніи юртъ мною онѣ не прятались. Аины очень любятъ крѣпкіе напитки и пьютъ ихъ съ особеннымъ наслажденіемъ, дѣлая при этомъ различныя церемоніи — принявъ въ обѣ руки рюмку, поднимаютъ ее вверху и склоняютъ голову; потомъ берутъ какую-нибудь палочку, или просто свой маленькій чубучокъ и конецъ его обмакиваютъ въ винѣ четыре раза, дѣлая видъ, что спрыскиваютъ во всѣ четыре стороны — это онначаетъ, какъ кажется, жертву добрымъ духамъ. Продѣлавъ это, снова поднимаютъ рюмку и при этомъ издаютъ три раза звукъ, похожій на то, когда кряхтятъ отъ боли или тяжести. Пьютъ понемногу, глотая по каплѣ, останавливаясь нѣсколько разъ, склоняя голову. Оставшіяся капли въ рюмкѣ выливаютъ на руку и вытираютъ ими головы. Нашъ ромъ кажется нѣкоторымъ изъ нихъ слишкомъ крѣпкимъ. Хлѣбъ нашъ вообще всѣмъ аинамъ не нравится. Рисъ и все сладкое очень любятъ. Вообще отборка товаровъ для экспедиціи была сдѣлана очень неудачно. Всѣ наши товары мало подходятъ къ быту сахалинцевъ, такъ что еслибы не было японцевъ на островѣ, то мы не могли бы удовлетворить нуждъ жителей. Между прочимъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что старшина аиновъ нашего селенія человѣкъ очень лукавый и преданный японцамъ, а поэтому сталъ обращаться съ нимъ осторожнѣе. Въ субботу, **10-го октября**, Рудановскій воротился. Онъ прошелъ вверхъ по рѣкѣ около 70-ти верстъ. По словамъ его, рѣка, на всемъ этомъ протяженіи, удобна для гребныхъ судовъ. Берега покрыты лѣсомъ. Селеній нѣтъ. Экспедиція эта очень заинтересовала Рудановскаго, такъ что онъ уже самъ просилъ меня послать его опять туда, давъ ему недѣли на двѣ продовольствія и японскую плоскодонную лодку. Лодка была куплена у аинскаго старшины, и было рѣшено черезъ нѣсколько дней опять начать экспедицію на Сусую.

11-го октября. — Въ воскресенье пошелъ я осматривать окрестности нашего селенія, взявъ съ собою матроса Сизаго. Мы

дошли по теченью ручейка, впадающаго въ заливъ у нашей южной баттареи. Долина, по которой течетъ ручей этотъ, довольно низменная и покрыта травою выше роста человѣка и такъ густа, что едва можно продираться черезъ нее. Густота и вышина травы вѣроятно причиною тому, что мѣстами образовалась по долинѣ тундра подъ нею. Лучи солнечные не проникаютъ до почвы, покрытой размокшею отъ дождей отцвѣтшею травою — слои этой травы, постепенно утолщаясь, гніютъ и образуютъ вязкую массу. Впрочемъ такихъ мѣстъ мало, большею же частью земля прекрасная — черноземъ, смѣшанный съ глиною, а мѣстами совершенно чистый и разсыпчатый. Возвращаясь домой, я зашелъ въ пильный японскій сарай. Бревна у нихъ для пилки кладутся однимъ концомъ на полъ, а другимъ на козелъ. Въ этомъ же сараѣ строятъ и лодки. Отъ сарая я поднялся въ лѣсъ, растущій позади нашихъ верхнихъ строеній. Въ этомъ лѣсу я замѣтилъ небольшое строеніе, между деревьями на горѣ, я предполагалъ, что это долженъ быть японскій храмъ. Дѣйствительно, я не ошибся; но кто бы отгадалъ, что служитъ божествомъ этого храма? Внутренность храма и украшенія были совершенно такія же, какъ и въ прежде видѣнныхъ мною храмахъ, на среднемъ холмѣ нашего селенія. У входа висѣлъ такой же бубенъ. Желая посмотрѣть идола, помѣщеннаго въ небольшомъ шкафчикѣ, позади нѣсколькихъ занавѣсокъ, я раскрылъ ихъ и долго смотрѣлъ не вѣря глазамъ своимъ. Вмѣсто маленьхой куклы, одѣтой въ богатый японскій костюмъ, служащей идоломъ у японцевъ, стоялъ позолоченный phallus, изображенный въ вертикальномъ положеніи. По обѣимъ сторонамъ шкафа находились два такихъ же идола, одинъ сдѣланный изъ камня, другой изъ дерева.

Послѣ завтрака, я поѣхалъ съ Рудановскимъ въ сосѣднее намъ селеніе, Пуруанъ-томари, посмотрѣть рѣку того же имени. Я зналъ только устье этой рѣки; оно удобно для входа шлюпокъ и даже небольшихъ катеровъ. Мы пріѣхали къ рѣкѣ въ среднюю воду. Теченіе ея въ устьѣ было очень быстро, но въ самой рѣкѣ умѣренное. Въ саженяхъ 100 отъ устья перекинутъ черезъ рѣчку мостъ; подъ нимъ шлюпка можетъ удобно проходить. Поднимаясь выше, мы, такъ сказать, вертѣлись по извилинамъ рѣчки. Берега обросли высокою травою и камышникомъ. Безпрестанно встрѣчали мы логовища медвѣдей. Они ложатся на берегахъ рѣкъ караулить рыбу. Съ такими сосѣдями наше путешествіе было не безопасно, мы были вчетверомъ, но безъ всякаго оружія; впрочемъ у меня былъ пистолетъ. Рѣчка, почти на всемъ теченіи, имѣетъ ширины не болѣе 3-хъ саженей. На обратномъ пути мы вышли у устья на берегъ для осмотра селенія. Оно состоитъ изъ

нѣсколькихъ юртъ аинскихъ и 3-хъ или 4-хъ японскихъ сараевъ, и лежитъ на ровной долинѣ. Земля — чистый черноземъ. Свободнаго мѣста отъ построекъ очень много. Приставать лодкамъ въ устьѣ рѣчки кажется можно даже и въ большой бурунъ. И это-то прекрасное мѣсто на рѣкѣ хотѣлъ намъ показать японецъ, когда повелъ Невельского изъ Томари по лайдѣ. Поселившись на немъ, мы были бы въ сторонѣ отъ японцевъ и не обезпокоили бы ихъ. Рудановскій чуть не въ отчаянье приходилъ, что нами занято не Пуруанъ-томари. Къ обѣду мы воротились домой.

На другой день была очень дурная погода. Тепла было 4 гр., но вѣтеръ былъ очень сильный и по временамъ шелъ крупный снѣгъ, въ родѣ града. Вечеромъ, къ чаю, пришелъ къ намъ японецъ, воротившійся изъ Найпу, съ двумя своими товарищами. Японецъ этотъ очень болтливъ и любитъ пить. Разсчитывая, что отъ него можно много чего узнать, я угощалъ его чаемъ и ромомъ. Онъ написалъ мнѣ японскую азбуку. Я ему нарисовалъ карту Сахалина и Приамурскаго Края, показавъ, что весною изъ «Императорской гавани» и Камчатки придутъ въ Томари четыре русскихъ корабля. Карту эту онъ взялъ съ собою.

14-го числа, Рудановскій поѣхалъ на р. Сусую, на японской лодкѣ, съ десятидневнымъ запасомъ продовольствія. **12-го** еще было послано, туда же, пятнадцать человѣкъ для сплавки лѣса. Погода стояла прекрасная, и я назначилъ этотъ день для прогулки и воспоминаній о прошедшемъ. Давно уже я не позволялъ себѣ этого удовольствія. Мѣстомъ гулянья я выбралъ себѣ сѣверный высокій мысъ. Взойдя на него, я пошелъ по окраинѣ крутыхъ горъ, составляющихъ берегъ залива. Погода была прекрасная. Уставъ немного отъ частыхъ подъемовъ и спусковъ, я сѣлъ подлѣ небольшой стѣнки, составленной изъ корбаснику (тонкихъ деревьевъ); на ней были навѣшаны древесныя метелки. Вѣроятно мѣсто это избрано аинами, по какому-нибудь особенному случаю, для принесенія жертвъ и поклоненія духамъ. Закуривъ сигару, я прилегъ, обернувшись къ отдаленной цѣпи горъ, въ направленіи къ с.-з. отъ меня. Мысли мои перенеслись черезъ эти горы; на быстрыхъ крыльяхъ мечты прилетѣли въ родной край, туда, гдѣ я оставилъ жену, то, чѣмъ я жилъ и оставилъ, быть можетъ, навсегда. Тяжело бѣдному сердцу — нѣтъ у него веселаго прошедшаго, нѣтъ и надежды на счастливое будущее. Вызывай, вызывай бѣдное сердце златокрылую, чудотворную мечту, — забилось сердце, — мечта на легкихъ крыльяхъ принесла и раскинула свѣтлую будущность.

Тихо шелъ я, возвращаясь домой; грустныя мысли и воспоминанія снова дали почувствовать мнѣ, что, для успокоенія

себя, надобно предаться совершенно занятіямъ. На другой день я опять вздумалъ осмотрѣть рѣчку Пуруанъ и прилежащія къ ней горы и для этого пошелъ пѣшкомъ, взявъ съ собою фельдфебеля Кокорина съ ружьемъ. Дойдя до устья рѣки, мы начали пробираться по берегу вверхъ по рѣкѣ, но скоро встрѣтили такую густую траву, что рѣшительно невозможно было идти далѣе. Къ обѣду я вернулся домой. Узнавъ отъ посланнаго съ хлѣбомъ на р. Сусую, что плоты уже выведены изъ рѣки, я пошелъ, на другой день, на встрѣчу къ нему, взявъ съ собою ружье и весь охотничій снарядъ. Это была первая моя охота и, къ удивленію моему, очень удачная. Пройдя до сосѣдняго селенія и не встрѣтивъ плота, я возвратился назадъ, настрѣлявъ паръ шесть куликовъ. Вечеромъ, въ 10-мъ часу, привели главную часть лѣса. Люди тащили его бичевою, идя по колѣно въ водѣ. Одинъ изъ нихъ до того окостенѣлъ, что его должны были на рукахъ принести въ казарму, гдѣ оттерли его спиртомъ и щетками. На слѣдующее утро я опять пошелъ на охоту, взявъ съ собою одного аина, который передъ тѣмъ уже двѣ ночи ночевалъ у меня на чердакѣ. Я хотѣлъ привязать въ себѣ какого-нибудь аина, чтобы узнавать отъ него объ странѣ и выучить его русскому языку; но вліяніе японцевъ надъ аинами такъ велико, что открытой приверженности къ русскимъ, казалось, никто изъ нихъ не смѣлъ бы выказать. По секрету, почти всѣ аины, приходившіе ко мнѣ въ гости, бранили японцевъ, говоря по-своему — сизомъ венъ-сизомъ аину койки, — русскій перика, т.-е. японецъ дурной, японецъ аина бьетъ, русскій — добрый, хорошій.

Они часто повторяли эти слова, надѣясь, что за это получатъ отъ насъ подарки. Мое положеніе, признаюсь, очень затруднительно — если бранить вмѣстѣ съ аинами японцевъ, то послѣдніе узнаютъ непремѣнно объ этомъ отъ преданныхъ въ себѣ аиновъ (а ихъ есть достаточно), и тогда довѣріе ихъ къ намъ совершенно уничтожится. Опять, хвалить японцевъ и держать ихъ сторону передъ аинами нельзя, не настращавъ тѣмъ аиновъ, что мы будемъ притѣснять ихъ за одно съ японцами. Я обыкновенно смѣялся и не отвѣчалъ, когда аины, приходившіе ко мнѣ, начинали бранить японцевъ. Аинъ, который рѣшился ночевать у меня, пришелъ въ намъ изъ селенія Сиретоку, находящагося въ 150-ти верстахъ отъ насъ. Онъ казался мнѣ бродягою и потому вѣроятно и согласился быть почти слугою въ моемъ домѣ. Я разъ замѣтилъ, что нашъ аинскій старшина бранилъ его, вѣроятно за то, что онъ служитъ русскимъ; я погрозилъ старшинѣ и тотъ отошелъ.

Возвращаясь съ охоты, я завелъ, разговоръ съ моимъ аиномъ. Онъ что-то горячо началъ разсказывать; сначала я не понялъ его,

но начавъ внимательно слѣдить за его жестами и словами, которыхъ я уже довольно много понималъ, я увидѣлъ, что аинъ мой объясняетъ мнѣ, что старшина нашего селенія сговаривалъ японцевъ перерѣзать русскихъ. Я началъ смѣяться, чтобы тѣмъ показать моему аину, что русскіе не боятся этихъ заговоровъ и объяснилъ ему, что если тронутъ хоть одного русскаго, то мы разнесемъ всѣ селенія и убьемъ всѣхъ японцевъ и худыхъ аиновъ. Онъ очень радовался и смѣялся, что японцы думаютъ убить русскихъ; но часто повторялъ — Аино-дженче томари-венъ-айна джанче унено сизомъ, т.-е.: аинскій старшина Томари (селенія) дурной аинскій старшина, за одно съ японцами. Послѣ обѣда я пошелъ съ Самаринымъ въ главный домъ японцевъ. Аинъ нашъ пошелъ съ нами, надѣлъ платье, которое я ему подарилъ, — теплую синюю рубашку, суконныя брюки и сапоги. Въ домѣ застали мы, около очага, трехъ японцевъ и нѣсколькихъ аиновъ. Насъ приняли съ большими любезностями и начали угощать чаемъ. Желая показать аинскому старостѣ, что я сердитъ на него, я не обращалъ вниманія на его услуги. Замѣтивъ это, онъ ихъ удвоилъ. Напившись горькаго японскаго чаю, мы воротились домой въ сопровожденіи старшины, который, чтобы польстить мнѣ, хвалилъ аина, который жилъ у меня, Аинъ этотъ, между прочимъ, что-то разсказывалъ мнѣ про одного японца, который живетъ въ селеніи Найкероконгокъ (по восточному берегу Анивы), прося меня, чтобы я поѣхалъ туда и привезъ бы его оттуда. Желая узнать въ чемъ дѣло, а главное, желая имѣть свѣдѣнія о неосмотрѣнномъ еще никѣмъ берегѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать расположеніе селеній, число жителей и ихъ жизнь, я рѣшился послать Самарина съ 5-ю казаками проѣхать до мыса Анива (въ 150 в. отъ Томари) и описать все, что онъ увидитъ.

18-го числа утромъ, онъ уѣхалъ на рыбацкой лодкѣ, взявъ съ собою аина, жившаго у меня.

19-го числа, 30 матросовъ перешли изъ японскаго сарая въ готовую № 1 казарму. Пекарня уже недѣлю передъ тѣмъ была окончена. Этого числа былъ вымѣненъ первый соболь на товары за 2 р. 50 к. с. Его принесъ аинъ, пріѣхавшій изъ Найну съ 10-ю японцами, между которыми были старшій джанче и его совѣтники. Продавая соболя, аинъ просилъ не говорить японцамъ, что онъ продалъ его. **20-го числа**, японскій джанче пришелъ ко мнѣ съ своими товарищами. Я ихъ угостилъ жареною дичью и чаемъ. Видно, что японцы увѣрились, что имъ нечего насъ бояться, и они дружески и свободно бесѣдовали со мною. На другое утро былъ со мной смѣшной случай. Я пошелъ посмотрѣть на рабочихъ у заложенной бани, Трое работниковъ несли бревно; вдругъ японецъ, старый знакомый мой, любитель саки (водки),

подбѣжалъ къ нимъ и понесъ вмѣстѣ бревно, ставъ на тотъ конецъ, гдѣ несъ одинъ человѣкъ; положивъ на мѣсто бревно, онъ объяснилъ, что нехорошоv что у одного конца двое, а у другого одинъ. Видно было, что онъ уже выпилъ немножко. Онъ началъ упрашивать меня, чтобы я пошелъ къ нему въ гости. Я согласился и онъ повелъ меня за руку. Мы прошли нижнюю площадь и повернули къ аинскимъ юртамъ. Въ одну изъ нихъ онъ безъ церемоніи втолкнулъ меня. Въ ней сидѣли у огня 4 аина; молодая женщина плела рогожки въ сторонѣ. Усадивъ меня, японецъ началъ угощать вареною водкою. Попробовавъ немного, я поставилъ чашку. Японецъ чуть не силою хотѣлъ заставить меня пить. Я сердито оттолкнулъ его, и аины начали бранить его. Онъ былъ уже совершенно пьянъ. Не желая продолжать подобную бесѣду, я вышелъ изъ юрты. Японецъ не отставалъ отъ меня. Когда пришлось переходить черезъ грязь, то онъ вздумалъ-было, чтобы я его перенесъ, и уже ухватился за мою шею; я его сбросилъ и погрозилъ, объясняя, что русскій джанчинъ не можетъ носить на своихъ плечахъ японцевъ. Шатаясь, добрался онъ до моего дома, гдѣ, сѣвъ на постель Рудановскаго, свалился и заснулъ. Послѣ обѣда уже я кое-какъ выпроводилъ его отъ себя.

22-го октября, въ день Казанской Божіей Матери, остальные матросы перешли въ оконченную 2-ю казарму, и поэтому данъ былъ шабашъ и собирались для общей молитвы въ казармѣ № 1. На другой день заложили третью казарму.

25-го октября.- 25-го числа, въ воскресенье, пріѣхали изъ экспедиціи Рудановскій и Самаринъ. Первый съ большими трудами пробрался по р. Сусуѣ до 48°. Рѣка, по его донесенію, хотя можетъ служить на этомъ пространствѣ для судоходства, но съ большими затрудненіями. Теченіе очень быстро; много есть свалившихся въ воду деревъ, берега обросли непроходимо густою травою. Послѣднія два неудобства могутъ быть устранены. Мѣста по рѣкѣ превосходныя, по словамъ Рудановскаго. Гори Нупури и огромныя долины чрезвычайно живописны. Есть много березовыхъ рощь. Я желалъ, чтобы онъ узналъ путевыя соединенія Сусуи съ Найпу, но не найдя проводника, да и не имѣя довольно продовольствія, онъ не могъ этого исполнитъ. Ему хотѣлось еще ѣхать на Сусую съ мѣсячнымъ запасомъ продовольствія, для того чтобы отыскать источникъ рѣки; онъ полагалъ, что Сусуя должна вытекать изъ большого озера. Но извѣстія, привезенныя Самаринымъ, требовали описаній еще болѣе важныхъ мѣстъ. Самаринъ, пробираясь въ Сиретоку, случайно открылъ гавань у селенія Тюпучи въ верстахъ 70-ти отъ нашего селенія. Гавань эта, названная имъ моимъ именемъ въ рапортѣ его ко мнѣ, по описанію и чертежу его имѣетъ большія удобства. Входъ 100 с.

ширины, глубина его отъ 2 до 4 саж. въ малую воду, заливъ верстъ 7 ширины, закрытъ со всѣхъ сторонъ. Большая рѣка, протекая изъ озера, впадаетъ въ него. Тотчасъ же было рѣшено, что Рудановскій поѣдетъ подробно изслѣдовать открытую гавань. Самаринъ привезъ еще извѣстіе, что недалеко отъ Сиретоку должны быть золотыя розсыпи. Аины и мнѣ говорили, что на Сахалинѣ есть золото, но гдѣ именно, я не могъ узнать. Прикащикъ Розановъ, бывшій на пріискахъ въ Сибири, нашелъ, что камни, привезенные Самаринымъ, показываютъ присутствіе золота. Поссорившись снова съ Рудановскимъ о бездѣлицѣ, о которой не стоитъ и говорить, я наконецъ отправилъ его, 29-го числа, съ 5-ю чел. описывать гавань, давъ продовольствія на 15 дней. Между тѣмъ былъ найденъ, въ 5-ти верстахъ отъ поста, у третьяго селенія отъ него къ сѣверу, лѣсъ на горахъ, довольно хорошій и удобный къ спуску въ море, потому что растетъ близко у окраины высокаго крутого берега. Тотчасъ же отправлены были 10 человѣкъ. Черезъ 2 дня работы они привели 40 лѣсинъ.

1-го ноября. — Сегодня, въ воскресенье, отправилъ я Самарина, Розанова и съ ними пять матросовъ на пріиски золота. Они пошли пѣшкомъ, понеся на себѣ на двѣ недѣли продовольствія и всѣ нужные инструменты; дай Богъ, чтобы пріиски были успѣшны.

Японцы начали часто ходить ко мнѣ. Вчера принесли ко мнѣ какое-то свое кушанье. Я подарилъ имъ утку. Они, кажется, очень полюбили дичь, которую вообще не ѣдятъ въ Японіи. Самаринъ покупалъ у нихъ за сукно чугунные котлы, а они попросили куликовъ и очень благодарили, когда я послалъ имъ ихъ.

3-го ноября. — Въ третьемъ часу пришелъ ко мнѣ старшина аиновъ нашего селенія. Зная, что я сердитъ на него, онъ уже давно переставалъ ходить къ намъ. Сегодня можетъ быть японцы послали его ко мнѣ. Войдя, онъ всталъ на колѣни и нѣсколько разъ кланялся до земли. Потомъ дѣлалъ поклоны въ разныя стороны, а также и распятію, висящему въ углу комнаты. Кончивъ поклоны, онъ сѣлъ у дверей, что прежде онъ никогда не дѣлалъ, всегда прямо подходя ко мнѣ здороваться. Подозвавъ его ближе къ себѣ, я продолжалъ писать. Съ нимъ пришли еще два аина; я ласково поклонился имъ. Старшина, посидѣвъ немного, началъ прощаться, хватая меня за руку и низко кланяясь и не упустилъ выпросить у меня сигару. Спустя нѣсколько времени, я пошелъ самъ въ домъ японцевъ и пилъ у нихъ чай. Они показали мнѣ рисунокъ, представлявшій японскую женщину. Живопись очень плохая, не лучше нашихъ лубочныхъ картинъ.

Сегодня, въ 10-мъ часу вечера, при половинѣ градуса тепла выпалъ небольшой снѣгъ, болѣе похожій на густой иней; земля

однако побѣлѣла.

4-го ноября. — Сегодня, почти въ продолженіи всей ночи шелъ небольшой снѣгъ при 1° холода. Къ утру выпало его на 1 1/2 четверти. Небо облачно, но нѣсколько лучей солнца прорвавшись освѣтили горы противоположнаго берега залива. Отблескъ снѣга, покрывшаго ихъ, принималъ сквозь небольшой туманъ и снѣгъ, носившійся надъ заливомъ, различные радужные цвѣта, освѣтившіе горы какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ. Есть картины природы, которыя самый великій артистъ не въ силахъ возсоздать. Къ завтраку моему собралось 6 человѣкъ аиновъ, а передъ обѣдомъ, одинъ изъ нихъ принесъ мнѣ шкуру какого-то неизвѣстнаго мнѣ мѣха. Я далъ ему за нее, изъ пакгауза, шелковый платокъ. Аинъ этотъ зналъ японскую грамоту и не хотѣлъ пить ромъ. Онъ много бесѣдовалъ со мной и, разсматривая наши пушки, объяснилъ, что у японцевъ то же есть пушки и бомбы. На вопросъ мой, есть ли теперь у нихъ пушки на Сахалинѣ, онъ отвѣчалъ, что есть 3 большихъ и 4 малыхъ, и онѣ находятся въ Томари.

5-го ноября. — Морозъ усилился. Ночью доходилъ до —8°. Погода ясная. Поутру приходилъ ко мнѣ аинъ съ ребенкомъ-дѣвочкой лѣтъ 3-хъ. Я подарилъ ей мячикъ и сахару. Отецъ радовался больше ребенка. Аины вообще очень любятъ дѣтей своихъ, и весьма нарядно одѣваютъ ихъ, обвѣшивая бусами и мѣдными вещицами. Вечеромъ пришелъ ко мнѣ пьяный аинъ, извѣстный уже мнѣ какъ большой пьяница. Онъ привелъ съ собою свою жену и, сколько я могъ понять — съ цѣлью пожертвовать вѣрностью ея супружескому ложу и тѣмъ выманить у меня хорошіе подарки. Аинка, довольно красивая собою, казалось, готова была помочь своему мужу, но я подавалъ видъ, что не понимаю ихъ объясненій. Подаривъ ей, на принесенныя ею рѣдьки, нѣсколько пуговицъ, иголку, нитокъ и сахару, я отпустилъ ихъ отъ себя,ославъ аина перевязать у нашего фельдшера раненую его руку. Выйдя изъ дому моего, мужъ и жена безъ церемоніи, передъ моимъ окошкомъ и въ виду часового, отдали долгъ природѣ. Вообще аинка эта не показывала большого женскаго стыда. Груди ея почти не были закрыты ничѣмъ. Аинки носятъ такое же платье какъ и мужчины, т.-е. нѣсколько распашныхъ короткихъ халатовъ, низко перепоясанныхъ кушакомъ. Рубашекъ и нижняго платья онѣ не имѣютъ, и потому малѣйшій безпорядокъ въ ихъ платьѣ выказываетъ всѣ скрытыя прелести.

6-го ноября. — День рожденія любимой сестры моей. Да благословитъ Богъ ее и семейство ея! Мой слуга Карлъ ночью захворалъ довольно серьезно. Морозъ доходилъ утромъ до 10°.

Повидимому, зима началась — для 46° с ш. это очень рано.

7-го ноября. — Приходилъ ко мнѣ японецъ. Разсматривая географическій атласъ, онъ срисовывалъ положеніе Японіи, Китая и Россіи. При этомъ я немножко увеличилъ наши владѣнія, смежныя съ Китаемъ, присоединивъ къ намъ рѣку Амуръ и прибрежье Татарскаго пролива до 47° с. ш. Разсматривая гравированныя картинки изъ исторіи французской революціи Тьера, онъ восхищался портретами королевы и другихъ знаменитыхъ женщинъ этой эпохи. Я показалъ ему дагтеротипъ, снятый съ кузинъ моихъ. Ему очень понравилось лицо старшей кузины моей и онъ спросилъ, не жена ли это моя. Многіе изъ аиновъ спрашивали меня, пріѣдутъ ли жены въ русскимъ, и когда я сказалъ что пріѣдутъ, они показывали знаки радости. Если это не было притворно, то это значитъ, что они желаютъ, чтобы русскіе остались навсегда жить на Сахалинѣ. Я такъ понялъ цѣль и значеніе ихъ вопросовъ. Мой гость японецъ, между прочимъ, спросилъ меня, поѣдутъ ли русскіе въ Нангасаки, потомъ нарисовалъ довольно порядочно изображеніе человѣка; по одеждѣ я видѣлъ, что это долженъ былъ быть китаецъ; японецъ, показывая на свою картинку, показывалъ знаками, что китайцы пріѣзжаютъ въ Нангасаки.

8-го ноября. — Въ третьемъ часу по полудни, Самаринъ возвратился съ пріисковъ золота. Пріиски эти были неудачны, морозы и снѣгъ служили, конечно, главною причиною неудачи. Признаковъ присутствія золота много. Изъ сдѣланной промывки на р. Отосами получили осадокъ тяжелаго песку, который, по словамъ прикащика Розанова, всегда бываетъ смѣшанъ съ золотомъ. Цѣль экспедиціи была пройти до селенія Сиретоку къ мысу Анива, гдѣ, по свѣдѣніямъ аиновъ, есть много золота. Морозы и снѣгъ не позволили Самарину идти далѣе къ селенію Хорахоуни, почему онъ и рѣшился произвести опыты у этого селенія и Отосами. Самаринъ принесъ мнѣ образчики различныхъ породъ камней, и нѣсколько кусковъ мѣдной и желѣзной руды. Между каменьями я нашелъ породы яшмы. Мѣдной руды, по словамъ Самарина, очень много. Рѣка Отасамъ, протекающая черезъ озеро, названное Самаринымъ Рыбнымъ, по разсказамъ аиновъ, въ теченіи своемъ близко подходитъ въ рѣкѣ, текущей въ заливъ Хорахпуни (названный моимъ именемъ), такъ что переходъ изъ одной рѣки въ другую долженъ быть удобенъ.

9-го ноября. — Когда мы пили чай поутру съ Самаринымъ, пришелъ аинъ съ просьбою перевязать ему рану, сдѣланную ножемъ въ лѣвый бокъ другимъ аиномъ. Причину этой драки онъ не хотѣлъ сказать, но только спросилъ, пріѣдутъ ли русскіе корабли въ Томари. Повидимому, расправа на ножахъ есть дѣло

обыкновенное между аинами. Послѣ завтрака моего я принималъ визитъ старшинъ японскихъ. Они разсматривали сочиненіе Головнина и были очень удивлены, что русскіе имѣютъ карты нѣкоторыхъ гаваней Японіи. По уходѣ ихъ, пришелъ старшина аиновъ съ однимъ изъ аиновъ нашего селенія. Старшина былъ одѣтъ въ хорошо сшитую шубу. Онъ мнѣ, какъ и въ послѣдній разъ, дѣлалъ много поклоновъ, ставъ на колѣни, и сѣлъ сначала у печки на полу, а потомъ уже пересѣлъ къ письменному столу моему. На просьбу его дать водки, я велѣлъ подать двѣ рюмки. Старшина выждалъ, когда выпилъ аинъ свою рюмку, потомъ продѣлалъ всѣ спрыскиванія и подозвалъ къ себѣ аина; давъ ему свою рюмку, онъ что-то сказалъ ему и тотъ хлебнулъ немного вина и подалъ обратно, оставаясь стоя на ногахъ. Старшина тотчасъ ему шепнулъ и тотъ всталъ на колѣни передъ нимъ. Комедія эта была со старшиной играна для меня, чтобы показать всю его важность. Прощаясь, онъ всталъ самъ на колѣни передъ мной и объяснялъ, что хочетъ дружнымъ быть со мной, говоря: «русска джанче-айно джанче-перика». Я ему объяснилъ что если айно будетъ хорошъ къ русскому, такъ и русскій будетъ хорошъ для айно; но если айно будетъ дуренъ, то и русскій будетъ дуренъ.

12-го ноября. — Кажется, зима хочетъ установиться. Снѣгу выпало много и термометръ не поднимается выше $+3^{\circ}$. Во время завтрака пришелъ грамотный аинъ, старый знакомый мой. Онъ очень понятливъ и потому съ нимъ легко объясняться. Онъ повидимому желаетъ выучиться по-русски, спрашиваетъ слова и записываетъ ихъ. Онъ, на разспросы мои объ манжурахъ и гилякахъ, объяснилъ, что на Сахалинѣ торгуютъ съ аинами и японцами три народа манжу, они носятъ косы и длинныя бороды; Санта — заплетаютъ волосы тоже въ косы, но бороды имѣютъ малыя, ихъ онъ тоже называлъ Ороку, говоря что это все равно. Я полагаю, что Санта или Ороку должны быть гиляки. Третій народъ называется Симери, и, по словамъ аина, они отличаются особенно большими бородами. Санта, т.-е. гиляки, пріѣзжаютъ торговать въ селеніе Носоро, на западномъ берегу Сахалина. Въ Аниву японцы не пускаютъ ихъ. Изъ многихъ разговоровъ съ аинами можно заключить, что настоящій правитель на Сахалинѣ отъ японскаго правительства пріѣзжаетъ въ Аниву только на лѣто.

Къ обѣду, въ 3-мъ часу, Рудановскій возвратился изъ двухнедѣльной экспедиціи къ с. Сиретоку. Его выбросило на берегъ у селенія Пуруанъ-томари и онъ пришелъ оттуда пѣшкомъ. По его разсказамъ, онъ много перенесъ трудовъ. Результатъ экспедиціи довольно удачный. Заливъ Таонучи, по осмотрѣ, оказался удобною гаванью для зимовки судовъ малаго ранга.

Входъ довольно затруднительный, потому что фарватеръ извилистъ и узокъ. Берегъ Анивы до селенія Сиретоку осмотрѣнъ и нанесенъ на карту. Берегъ этотъ еще до сихъ поръ не былъ осмотрѣнъ европейцами. Сама экспедиція принесла пользу еще и въ томъ отношеніи, что познакомила насъ съ внутреннимъ бытомъ аиновъ. Щедрый платежъ проводникамъ и за ночлеги въ селеніяхъ вѣроятно расположилъ аиновъ къ намъ.

13-го ноября. — Число больныхъ ежедневно прибавляется. Трудныхъ пока, благодаря Бога, нѣтъ; многіе больны ушибами и обрѣзами. Нашъ слуга аинъ, названный нами «Чокай», опять ночевалъ у насъ. Онъ разсказываетъ теперь, что японцы сговариваются убить русскаго джанчина (т.-е. меня) ночью. Этотъ любезный проектъ они отложили до весны, когда пріѣдутъ съ Мацленя ихъ джонки. Чокай говоритъ, что онъ тогда вмѣстѣ съ нами умретъ.

15-го ноября. — Сегодня, утромъ въ 11-мъ часу померъ хорошій и веселый матросъ Сизый. Онъ имѣлъ дней десять тому назадъ зубную боль. Отъ боли этой распухла щека. Когда опухоль пропала, онъ вышелъ на работу; черезъ два дня снова появилась опухоль и быстро обхватила всю шею и всю внутренность рта. Я приказалъ перевести его спать въ баню, гдѣ гораздо теплѣе, чѣмъ въ казармѣ. Вчера, въ субботу, когда баня понадобилась, перенесли его, закутаннаго, въ пекарню. Сегодня вдругъ приходитъ фельдшеръ съ извѣстіемъ, что Сизый умеръ. Утромъ еще онъ пилъ чай и говорилъ съ товарищами. Вѣроятно нарывъ въ горлѣ задушилъ его. Непонятно это, какъ отправлять въ экспедицію 70 ч. людей, не назначивъ въ нимъ доктора!

17-го ноября. — Поутру хоронили бѣднаго Сизаго. Погода уже другой день стоитъ ужасная. Снѣгъ идетъ безпрерывно; шквалы сильнаго вѣтра опять нанесли цѣлые холмы снѣгу. Въ избѣ моей нельзя топить печку, потому что дымъ выкидываетъ въ комнату. Холодъ невыносимый, невозможно ничего писать, руки зябнутъ. На воздухѣ морозъ не великъ, около —2° только, но признаюсь, такая температура для внутренности жилья непріятна.

30-го ноября. — Право, я долженъ благодарить судьбу, что она дала мнѣ такой счастливый характеръ; другой на моемъ мѣстѣ давно бы пришелъ въ отчаянье отъ скуки. Оставивъ Петербургъ, гдѣ я провелъ свою молодость въ кругу добрыхъ родныхъ, унеся изъ него чувство безнадежной любви, я въ четыре мѣсяца перешелъ черезъ пространство 14,000 в., гдѣ судьба бросила меня на невѣдомый островъ, гдѣ я долженъ оставить на долгое время надежду получить какую-нибудь вѣсточку съ родного края. Казалось бы, довольно судьбѣ испытывать меня; но нѣтъ, она дала мнѣ въ товарищи людей, которые только

увеличиваютъ непріятность жизни. Самаринъ своею вѣжливостью, лѣнью и странностью понятій если и не наскучиваетъ мнѣ, то уже конечно не можетъ интересовать или веселить меня. Рудановскій же составляетъ дѣйствительную отраву. Его безпрестанныя рѣзкія выходки, какая-то особенно обидная манера говорить, часто наводитъ меня на мысль удалить его совсѣмъ отъ дѣлъ. Я чувствую, что этимъ я много поврежу пользѣ экспедиціи, отнявъ единственнаго человѣка, который можетъ дѣлать карты неизвѣстныхъ еще никому береговъ и внутреннихъ мѣстъ острова. Но, кажется, мое терпѣніе не выдержитъ. Сегодня опять была непріятная сцена изъ пустяковъ. Я поручилъ ему, по его желанію, составить списокъ товаровъ, которые ему надо будетъ взять для экспедиціи къ Маинѣ. Занимаясь этимъ, онъ спросилъ, есть ли въ пакгаузѣ гребенки, и узнавъ, что ихъ есть всего только шесть, онъ захотѣлъ изъ нихъ взять двѣ, для подарковъ аинамъ, которые никогда не чешутся и слѣд., не нуждаются въ гребняхъ. Я замѣтилъ ему, что не слѣдуетъ брать гребенокъ, потому что ихъ такъ мало, что на нашихъ матросовъ не достанетъ. — «Такъ мнѣ ничего не надо», рѣзко отмѣтилъ онъ, оттолкнувъ отъ себя бумагу, на которой писалъ. Ну, есть ли возможность ужиться съ такимъ человѣкомъ! По долгу службы, по настоящему слѣдуетъ остановить рѣшительнымъ поступкомъ такое неповиновеніе и неуваженіе къ своему начальнику. Въ подобныхъ случаяхъ частныя отношенія не имѣютъ мѣста, и потому, если я согласенъ переносить подобныя выходки какъ частный человѣкъ, какъ старшій офицеръ я не имѣю права это дѣлать.

6-го декабря. — Въ субботу, **5-го декабря** казарма № 3-й была совершенно окончена. Она вышла красивѣе и удобнѣе всѣхъ другихъ строеній и выстроена изъ лѣсу, привезеннаго нами съ р. Сусуи и частью съ сосѣднихъ горъ. Я назначилъ большое празднество на сегодняшній день, по случаю тезоименитства императора. Для этого празднества выбрана была новая казарма, незанятая еще кроватями. Ротный образъ перенесли изъ 1-й казармы и поставили на красиво убранномъ столѣ. Въ половинѣ 11-го, команда, одѣтая въ мундиры, выстроилась для молитвы. Я одѣлся въ сюртукъ съ шарфомъ и саблей. Войдя въ казарму, я засталъ тамъ толпу японцевъ и аиновъ. Они оставались въ продолженіи молитвы и кажется были поражены, когда вся команда запѣвала молитвы. По окончаніи молитвы, принесены были пироги съ рыбой и рисомъ и разложены по столамъ, уставленнымъ вокругъ стѣнъ и покрытыхъ бѣлымъ полотномъ. На серединѣ комнаты былъ поставленъ небольшой столикъ съ закуской для офицеровъ и мискою рому для команды. Наливъ рюмку рому, я провозгласилъ тостъ за Государя Императора, и

при крикѣ ура и салютѣ изъ всѣхъ орудій выпилъ заздравную чарку. Командѣ я велѣлъ выпить по чаркѣ крѣпкаго рому, способнаго опьянить даже и привычнаго матроса. Японцы и аины тоже получили по рюмкѣ рому и аладьи съ патокою. Переодѣвшись въ буршлаты, матросы собрались обѣдать. Для нихъ приготовили супъ, кашу и пшеничные аладьи съ патокой. Въ четыре часа освѣтили казарму тремя деревянными люстрами и нѣсколькими треугольниками со свѣчами по стѣнамъ. Я отпустилъ отъ себя, для угощенія команды, чаю и сахару. Три самовара съ заваренным въ нихъ чаемъ поставлены были въ казармѣ, и люди вдоволь могли пить любимый напитокъ свой. Хоры матросовъ и камчатскихъ казаковъ поперемѣнно пѣли пѣсни. Скоро начались танцы и игры. Въ 8-мъ часу я роздалъ отъ себя по чаркѣ краснаго вина; это еще поддало веселья. Вечеромъ только трое аиновъ пришли смотрѣть на нашъ праздникъ, остальные уѣхали на Сусую, гдѣ готовили пиршество по случаю поимки медвѣдя. Аинъ Хайру, постоянно живущій у насъ и имя котораго, наконецъ, мы узнали, совершенно предался намъ. Недѣли двѣ тому назадъ, онъ приходилъ мнѣ жаловаться, что японцы его били за то, что онъ ночуетъ у русскихъ и служитъ имъ. Я уже рѣшился-было самъ пойти въ японцамъ, что бы разузнать объ этомъ, но встрѣтивъ двухъ старшинъ изъ нихъ, Мару-Яма и Яма-Мадо, у Самарина въ пакгаузѣ, началъ спрашивать у нихъ, правда ли, что они били Хайру. Они отрицали, но въ это время вышелъ самъ Хайру и очень горячо повторилъ передъ японцами, что они его били. До меня дошелъ уже слухъ, что японцы, объѣзжая селенія аиновъ, запрещали имъ служить или продавать что-нибудь русскимъ, да часто и на дѣлѣ мнѣ приходилось убѣждаться, что эти слухи справедливы. Поэтому, я нашелъ нужнымъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы выказать японцамъ, что я сердитъ на нихъ, и если нужно, погрозить имъ, чтобы не дать имъ излишней смѣлости, или дерзости въ сношеніяхъ съ нами. Принявъ сердитый тонъ, я сказалъ, что если они будутъ худо обращаться съ русскими, то и русскіе съ ними будутъ то же дѣлать; что я знаю, что они запрещаютъ аинамъ намъ промѣнивать самые нужные для насъ продукты, какъ, напр., свѣжую рыбу; что, наконецъ, они бьютъ тѣхъ аиновъ, которые намъ оказываютъ какія-нибудь услуги. Яма-Мадо отговаривался, что Хайру неправду говоритъ, что если аины принесутъ что-нибудь русскимъ, то это хорошо.

Сердитый тонъ, съ которымъ я высказалъ свое неудовольствіе, подѣйствовалъ на японцевъ. Они стали присылать къ намъ разныя угощенія, предложили доставлять имъ кормъ для щенковъ, которыхъ мы достали отъ аиновъ. Я то же

посылалъ въ нимъ подарки, между которыми имъ больше всего понравился экстрактъ пунша. Въ воскресенье, я пошелъ к нимъ съ Самаринымъ и Рудановскимъ, чтобы отдать имъ визитъ на ежедневныя посѣщенія ихъ послѣ нашей ссоры. Они много угощали насъ и показывали свой календарь, объяснивъ, что у нихъ черезъ каждые десять дней праздникъ. Мы объяснили имъ, что у русскихъ шесть дней работаютъ, а въ седьмой день праздникъ и работы нѣтъ. Хайро еще болѣе привязался къ намъ, когда увидѣлъ, что я заступаюсь за него и что японцы не посмѣютъ его трогать. Онъ работаетъ у насъ, носитъ дрова, прибираетъ комнату. За то ему и хорошее и выгодное житье у насъ. Кромѣ одежды, онъ получаетъ отъ насъ табакъ, чай, сахаръ. Обѣдаетъ вмѣстѣ съ казакомъ Березвинымъ, который находится вѣстовымъ при Рудановскомъ. Онъ очень подружился съ Березкинымъ. Это очень выгодно, потому что Березкинъ учится отъ него языку и теперь уже объясняется съ нимъ довольно хорошо. Въ день праздника Хайро одѣлся очень нарядно, по его мнѣнію. На немъ было суконное пальто, сверхъ его красная фланелевая рубашка, русскіе сапоги. Двумя полосатыми яркихъ цвѣтовъ шарфами онъ, съ помощью Березкина одрапировался очень оригинально. Въ этомъ нарядѣ онъ гордо расхаживалъ передъ аинами, собравшимися къ нашей молитвѣ.

Вечеромъ, когда праздникъ былъ въ разгарѣ, онъ пришелъ въ какой-то восторгъ. Видно, что ему очень нравилась жизнь и веселье русскихъ. Я, конечно смѣясь, спросилъ его, хочетъ-ли онъ поѣхать со мной въ Россію, когда пріѣдутъ наши корабли. Этотъ вопросъ его обезпокоилъ и онъ началъ просить, чтобы я его не бралъ съ Сахалина: любовь въ родинѣ сильна и у дикарей. Я съ трудомъ увѣрилъ его, что я пошутилъ. Онъ сталъ очень понятливъ, такъ что малое число словъ, которое я зналъ достаточно, чтобы объясняться съ нимъ, разумѣется, о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Въ субботу приходили японцы Мару-Яма, Яма-Мадо и Асануя и съ ними четвертый японецъ, который принесъ съ ними козулю для нашихъ собакъ. Они не хотѣли-было ничего брать за нее, но наконецъ приняли въ подарокъ бутылку любимаго ими экстракта пуншу. Цѣль прихода ихъ была пригласить насъ поѣхать въ селеніе Сусую, присутствовать при празднествѣ по случаю поимки медвѣдя, На другой день, во время нашего праздника, пришелъ аинъ изъ Сусуи, хозяинъ медвѣдя, пригласить насъ, объясняя, что онъ пріѣдетъ утромъ за нами на собакахъ. Дѣйствительно, на другой день рано утромъ онъ пришелъ сказать, что собаки готовы. Я поспѣшилъ одѣться и отправился съ Рудановскимъ. Къ намъ выѣхали двѣ нарты, каждая въ семь собакъ. Я въ первый разъ видѣлъ собачью упряжь. Она

очень проста у аиновъ и неудобна. Нарты — узенькія, не болѣе фута ширины, санки и длиною въ сажень, сдѣланныя изъ тонкаго переплета толстыхъ прутьевъ и тонкихъ дощечекъ. Къ передней части нарты, нѣсколько приподнятой, прикрѣплена толстая веревка. Къ этой веревкѣ привязываются собаки за шею тонкими ремнями, не попарно, а черезъ одну. Каюръ, или по нашему кучеръ, имѣетъ въ рукахъ конецъ веревки, привязанный къ средней веревкѣ, тотчасъ позади ближайшей къ нартѣ собаки. Этою веревкой онъ можетъ притягивать къ себѣ собакъ; но такъ какъ это недостаточно, чтобы удержать ихъ, то въ правой рукѣ у него есть палка съ желѣзнымъ наконечникомъ, которую онъ, для остановленія нарты, втыкаетъ въ снѣгъ подъ нартою, упирая палку объ одну изъ перекладинъ связывающихъ нарту. При поворотахъ налѣво аинъ кричитъ «кехъ, кехъ», погоняя — «тохъ, тохъ». Мы должны были ѣхать по лайдѣ залива (лайдою называется часть прибрежья, покрываемая во время прилива водою). Дорога была очень дурна. Снѣгу мало, такъ что мѣстами видѣнъ былъ голый песокъ. Множество наносныхъ кокоръ и кусковъ льду заставляли постоянно остерегать ноги, чтобы не удариться ими. Несмотря на это, мы ѣхали довольно скоро. Рудановскій нѣсколько разъ падалъ съ своею партіею. Я былъ счастливѣе и только разъ опрокинулся.

По пріѣздѣ нашемъ въ селеніе Сусую, насъ встрѣтила толпа аиновъ и трое японцевъ. Мы пошли къ юртамъ и у одной изъ нихъ увидѣли медвѣдя въ деревянной клѣткѣ, несчастнаго героя торжества. У аиновъ есть какое-то религіозное почитаніе медвѣдя. Не могу сказать навѣрно, считаютъ ли они его божествомъ. Не зная ихъ языка, я еще не могъ до сихъ поръ добиться, въ чемъ у нихъ состоитъ религія. Идоловъ у нихъ нѣтъ. Ихъ древесныя метелки, называемыя «инау», служатъ, какъ кажется, только знакомъ поклоненія или жертвъ. Солнце, луну и огонь они почитаютъ божествами и поклоняются имъ; кромѣ того, кажется, они то же покланяются и многимъ звѣрямъ, а между ними и медвѣдю, котораго они то же называютъ «камуй», (богъ), какъ и огонь или солнце. Празднество, котораго я былъ свидѣтель, показываетъ какъ они уважаютъ своихъ боговъ. Около клѣтки была большая толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Мужчины имѣли на себѣ обыкновенное платье. Женщины немного нарядились и украсились серьгами и бусами. Между молодыми дѣвушками были нѣкоторыя довольно хорошенькія, съ пріятными и мягкими чертами лица и съ пылкими черными глазами; но обычай красить губы синею краской очень обезображиваетъ ихъ. Дѣти были очень нарядно одѣты. Видно, что все щегольство аиновъ состоитъ въ одеждѣ дѣтей ихъ. Многія

изъ маленькихъ дѣвочекъ имѣли короткіе халатики изъ пестрыхъ бумажныхъ матерій, покупаемыхъ отъ японцевъ и манжуровъ. Огромныя бусы фарфоровыя, большею частью голубого цвѣта, навѣшаны были на нихъ нѣсколькими нитками. Насъ пригласилъ войти въ юрту хозяинъ медвѣдя. Она была полна народу; мужчины, женщины и дѣти чуть не сидѣли другъ на другѣ. Намъ дали почетныя мѣста, гдѣ уже сидѣли японцы. Ихъ было трое, но еще пришелъ четвертый Асануя. Этотъ японецъ, третій по старшинству, очень мнѣ нравится. Онъ любимъ и аинами. Мару-Яма и Яма-Мадо не было на праздникѣ. Насъ начали угощать. Я ничего не могъ ѣсть, потому что все приготовлено было неопрятно и на нерпичьемъ жиру. Было два главныя кушанья — рисъ на жиру и коренья, какъ кажется, съ китовымъ жиромъ. Саки — напитокъ приготовленный изъ рису и похожій на кислое молоко, очень пріятнаго вкуса. Въ немъ много газовъ и онъ пѣнится, а если его выпить стакана три, то можно порядкомъ опьянѣть. Я подарилъ хозяйкѣ дюжину пуговицъ и роздалъ всѣмъ бывшимъ въ юртѣ женщинамъ по одной перламутровой пуговицѣ. Посидѣвъ нѣсколько у очага мы вышли смотрѣть, какъ будутъ наряжать медвѣдя; эта операція требовала большой ловкости. Хотя медвѣдь еще былъ очень молодъ, однако уже столько свирѣпъ и силенъ, что легко могъ бы многихъ передавить. Послѣ долгихъ усилій наконецъ удалось аинамъ накинуть на шею медвѣдя петлю съ двумя длинными концами. Тогда разобрали потолокъ клѣтки и вытащили его изъ нея. Человѣка четыре бросились на него и пригнули его въ землѣ, натянувъ концы ремней въ разныя стороны, такъ что медвѣдь не могъ никуда податься. На него надѣли различныя украшенія и небольшую древесную метелку на голову. Когда нарядъ былъ оконченъ, тогда съ тріумфомъ двинулась по направленію къ р. Сусуѣ. Медвѣдя вели два аина, одинъ спереди за довольно длинный конецъ ремня, другой сзади. Впереди несли большую древесную метелку. Женщины и дѣти то же шли сзади. Между женщинами я замѣтилъ нѣкоторыхъ съ очень пріятными чертами лица и съ прекрасными черными глазами. Въ ихъ разговорѣ, въ голосѣ есть какая-то нѣжность, но женской стыдливости, какъ мы ее понимаемъ, въ нихъ нѣтъ совсѣмъ. Напр., часто случалось, что молодая дѣвушка, чтобы посадить ребенка къ себѣ на спину, подъ шубу, снимала ее при мнѣ, совершенно обнажая себя до пояса. Рудановскій разсказывалъ мнѣ, что въ одномъ селеніи, гдѣ онъ ночевалъ, одна молодая женщина раздѣлась совершенно и нагая усѣлась подлѣ него у огня. Мужъ ея сидѣлъ тутъ же.

Черезъ четверть часа ходу по глубокому снѣгу, дикая процессія наша остановилась на площадкѣ, окруженной

небольшою рощей. На этой площадкѣ устроенъ былъ жертвенникъ; — частоколъ, длиною саженей пять, вышиною въ ростъ человѣка, обвѣшаный кусками различныхъ матерій, между которыми было нѣсколько шелковыхъ и парчевыхъ, шитыхъ золотомъ, на подобіе ризъ русскихъ священниковъ. На этихъ кускахъ матерій навѣшано было множество сабель японской работы, получаемыхъ аинами въ награду за услуги. По обыкновенію, древесныя метелки были навѣшаны повсюду, надъ частоколомъ и около него. Впереди поставлены были два дерева особенно выбранныя; на сажень отъ земли они раздѣлялись на два отдѣльныхъ ствола, одинъ немного ниже другого. Деревья эти были обтесаны и верхушки ихъ украшены метелками. Къ одному изъ этихъ деревьевъ привязали медвѣдя. Аины усѣлись въ кружокъ около него, а одинъ изъ старыхъ аиновъ (вѣроятно имѣющій то же значеніе, что шаманъ у сибирскихъ дикарей) началъ обрядъ, предшествующій убіенію звѣря. У него въ рукахъ была древесная метелка съ длинною рукояткою. Приговаривая на распѣвъ грубымъ хриплымъ голосомъ, онъ махалъ метелкою надъ медвѣдемъ, слегка потряхивая ею. Звѣрь пришелъ въ ужасную ярость; — съ ревомъ бросался онъ во всѣ стороны, стараясь разорвать ремни, которыми былъ привязанъ къ дереву. Кружокъ аиновъ, окружавшій его, былъ такъ тѣсенъ, что онъ едва не доставалъ ихъ лапами. Минутъ двадцать шаманъ напѣвалъ свою дикую молитву. Наконецъ онъ кончилъ. Тогда принесли стрѣлу и лукъ, и одинъ изъ аиновъ, взявъ ихъ, съ силою вонзилъ стрѣлу въ бокъ медвѣдя. Звѣрь заревѣлъ, остался нѣсколько минутъ безъ движенія, потомъ сталъ снова бросаться и кувыркаться, стараясь выдернуть стрѣлу; наконецъ онъ сломалъ ее. Аины казалось любовались на его мученія. Наконецъ, натѣшившись, вонзили въ него вторую стрѣлу, а потомъ и третью. Медвѣдь ослабѣлъ и съ жалобнымъ стономъ испускалъ послѣдніе тяжелые вздохи. Съ послѣднимъ вздохомъ его, трое аиновъ легли на него, приложивъ лица свои къ его мордѣ, и всѣ трое вмѣстѣ завыли жалобнымъ голосомъ, какъ бы оплакивая смерть медвѣдя. Послѣ этого обряда, мертваго медвѣдя положили на чистое ложе посреди стѣнки, украшенной матеріями и оружіемъ. Его укладывали съ большимъ стараніемъ. Подъ морду положили инау (древес. метелки), на спину его наложили нѣсколько сабель. Меня и Рудановскаго приглашали сѣсть подлѣ медвѣдя. Это почетное мѣсто не совсѣмъ было по моему вкусу. Я отказался и сѣлъ на приготовленномъ матѣ немного поодаль. Съ обѣихъ сторонъ медвѣдя сѣли два старика, а подлѣ нихъ двое молодыхъ аиновъ. Подходя къ медвѣдю, аины присѣдали и кланялись, и я убѣдился, что аины дѣйствительно обоготворяютъ этого звѣря. Вся толпа

аиновъ усѣлась полукружіемъ, лицомъ къ намъ. Женщины принесли въ кадкахъ разныя кушанья, которыя разносили въ чашечкахъ всѣмъ присутствующимъ. Мнѣ подали на подносѣ въ четырехъ чашкахъ два кушанья, которыя я попробовалъ, но не могъ ѣсть. Одно изъ нихъ была рисовая каша на нерпячьемъ жиру, другое, какъ кажется, смѣшеніе разныхъ кореньевъ на томъ же жиру. Я видѣлъ когда аины съ грязными, никогда не мытыми руками, мѣсили въ кадкахъ предлагаемыя мнѣ кушанья, и хоть я не брезгливъ, но чувствовалъ большое отвращеніе въ нимъ, но съ удовольствіемъ пилъ ихъ напитокъ, саки, приготовляемый изъ рису. Кислый и пріятный вкусъ его походилъ на кислое молоко, но будучи довольно крѣпокъ и содержа много газу, онъ превосходитъ его во вкусѣ. Посидѣвъ еще немного я видѣлъ, что изъ празднества интересное для меня кончилось и что продолженіе его будетъ состоять въ ѣдѣ и питьѣ. Я всталъ, и положивъ на медвѣдя нѣсколько блестящихъ пуговицъ, простился съ аинами и пошелъ съ Рудановскимъ въ селеніе, чтобы, доставъ тамъ собакъ, ѣхать домой. Японцы, обѣщавшіе намъ вмѣстѣ ѣхать, уже уѣхали и мы принуждены были сами искать себѣ собакъ. Въ селеніи находилось нѣсколько аиновъ другихъ селеній. Мы спросили у нихъ собакъ, обѣщая хорошо заплатить, но получили въ отвѣтъ, что собакъ у нихъ нѣтъ. Въ селеніи мы видѣли много собакъ, но хозяева ихъ были всѣ на праздникѣ. Наконецъ, аинъ изъ селенія Томари вызвался отвезти насъ и отвязалъ отъ юрты запряженную нарту; мы сѣли и поѣхали. Дорога была дурная, насъ сидѣло трое — собаки едва тащили насъ. Наконецъ, аинъ всталъ и, давъ мнѣ поводъ, предложилъ, чтобы двое ѣхали. Проѣхавъ не болѣе трехъ минутъ, мы были остановлены прибѣжавшимъ аиномъ. Онъ сказалъ намъ, что это его собаки и что онъ долженъ тотчасъ же ѣхать въ Лютагу, и не согласился ни за какую плату отдать собакъ. Не желая употреблять силу, я бросилъ нарту и пошелъ пѣшкомъ, и благополучно добрался до порта. Этотъ случай показалъ мнѣ необходимость завести собственныхъ собакъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ поѣздки на Сусую, пришелъ со стороны Сиретоку аинъ, знакомый уже Рудановскому и Самарину и рекомендованный ими мнѣ какъ человѣкъ очень способный и дѣятельный. Я рѣшился ему поручить вести дѣла наши въ аинами. Его привели въ лавку, гдѣ уже всѣ товары были въ порядкѣ уложены. Объяснивъ ему, что мы хотимъ купить собакъ, ему стали показывать разные товары, для того, чтобы онъ выбралъ тѣ изъ нихъ, которые болѣе нравятся аинамъ. Про разныя бездѣлицы, какъ, напр., пуговицы и проч. онъ сказалъ съ пренебреженіемъ, что это хорошо для женщинъ. Послѣ долгаго

пересмотра оказалось, что доба есть лучшій товаръ для аиновъ. Но когда ему показали красное тонкое сукно, онъ пришелъ въ полный восторгъ и ничего другого не хотѣлъ смотрѣть. Большіе платки шерстяные и шелковые онъ хвалилъ и, какъ казалось, величина была для него самымъ важнымъ. Кончивъ пересмотръ, онъ сказалъ, что онъ пойдетъ покупать, но чтобы съ нимъ послали казака Дьячкова, съ которымъ онъ очень подружился и который уже столько научился аинскому языку, что довольно хорошо объяснялся съ ними. Я послалъ съ нимъ Дьячкова и Березкина и далъ товару; черезъ трое сутокъ они привели 10 собакъ. Я опять послалъ Дьячкова съ аиномъ, чтобы еще купить 8 собакъ и нанять нарту и проводниковъ въ Нойоро, чтобы отвезти туда Рудановскаго, которому назначено было мною осмотрѣть японскія селенія Тахмакъ и Малка. Я желалъ, чтобы они какъ можно скорѣе были осмотрѣны. Предполагая послать Самарина въ январѣ въ Петровское зимовье, я хотѣлъ доставить туда какъ можно болѣе свѣдѣній. Дьячковъ привелъ съ аиномъ чрезъ недѣлю 8 собакъ и нанятую нарту.

20-го числа, Рудановскій выѣхалъ на сдѣланной нартѣ на образецъ камчатскихъ. Объяснивъ ему, что главная цѣль экспедиціи есть осмотръ Малки и Тахмака, я предоставилъ ему выбрать дорогу и онъ, по обыкновенному упрямству своему, рѣшился ѣхать черезъ рѣку Моточу, несмотря на то, что всѣ аины говорили, что тамъ дорога очень дурна. За два дня до его отъѣзда я имѣлъ съ нимъ новую ссору. Въ этотъ день я былъ боленъ зубами. Конечно, это имѣло вліяніе на расположеніе моего духа. Я былъ недоволенъ его легкомысленными объясненіями съ аинами, въ которыхъ онъ не считалъ нужнымъ держаться правилъ, которыя я полагалъ нужными, по моему мнѣнію, въ обращеніи съ аинами. Отъ этого произошелъ споръ. Наскучивъ этими безпрерывными столкновеніями, я объявилъ ему, что назначаю ему особенную квартиру, приготовленную для Самарина въ домѣ 3-ей казармы. Послѣдняго я полагаю взять жить къ себѣ, потому что въ лавкѣ слишкомъ холодно.

Посѣщенія аиновъ уменьшились немного. Дурныя дороги вѣроятно затрудняютъ бродячую жизнь ихъ. Хайро повелъ себя довольно дурно. На другой день послѣ того, какъ казаки ушли покупать собакъ, онъ пришелъ сказать мнѣ, что хочетъ пойти догонять казаковъ и покупать съ ними собакъ. Я похвалилъ его за это и далъ ему на дорогу хлѣба и табаку. Когда возвратились казаки, то сказали мнѣ, что Хайру во все время дороги бранился, ничего не хотѣлъ несть, и когда въ юртѣ ему Дьячковъ подалъ чай послѣ хозяина дома, то онъ бросилъ чашку говоря, что ему первому надо подавать, и обругалъ Дьячкова. Какъ скоро

балуются дикари. Хайру вообразилъ себѣ, что если я съ нимъ ласково обращался, то онъ черезъ это сдѣлался такимъ важнымъ, что всѣ аины, да даже и казаки должны считать его важнѣе себя. Когда онъ пришелъ ко мнѣ, я его порядкомъ разбранилъ и не велѣлъ ему ходить ко мнѣ, пока Дьячковъ не скажетъ, что онъ началъ хорошо себя вести. Онъ очень перепугался, и когда черезъ нѣсколько дней рѣшился придти ко мнѣ, то съ большимъ подобострастіемъ сталъ предо мной на колѣни и наклонилъ до земли голову. Я позволилъ ему приходить, но погрозилъ ему, что если онъ еще разъ не окажетъ уваженія русскому, то навсегда прогоню его. Онъ знаетъ, что тогда положеніе его будетъ затруднительно. Многіе изъ аиновъ его терпѣть не могутъ, потому, что знаютъ, что онъ про нихъ говоритъ мнѣ худо. Японцы, разумѣется, рады бы были убить его. Я очень доволенъ, что обстоятельства такъ тѣсно привязали его къ намъ. Хотя онъ и изъ плохихъ аиновъ, но все-таки приноситъ вамъ большую пользу тѣмъ, что черезъ него мы можемъ узнавать, что дѣлается и говорится между аинами.

22-го, Березкинъ пріѣхалъ съ письмомъ отъ Рудановскаго. Его поѣздка на Моточу была очень неудачна. Нарта оказалась совершенно неудобною. Кое-какъ онъ добрался до Сусуи, надѣясь тамъ нанять собакъ. Но сусуйскіе аины всѣ разбѣжались, оставивъ дома только женъ и дѣтей. Причина этому, конечно, нежеланіе, дать собакъ. Рудановскій поѣхалъ далѣе. Вода во многихъ мѣстахъ совершенно покрывала лайду. Между рѣками Сусуей и Моточью есть нѣсколько аинскихъ селеній. Жители ихъ непонятно дурно принимали Рудановскаго. Когда онъ подъѣзжалъ въ какой-нибудь юртѣ, то хозяинъ отворачивалъ собакъ, говоря, что у него нѣтъ мѣста и что японцы будутъ бить его. Наконецъ онъ, не обращая вниманія на это, вошелъ въ одну юрту и остался ночевать тамъ, и хозяинъ его угощалъ довольно гостепріимно. Убѣдившись, что по Моточѣ ѣхать нельзя, онъ воротился въ Сусую, гдѣ аины въ этотъ разъ его приняли лучше. Они доставили ему двѣ нарты взамѣнъ вашей тяжелой и продали 4-хъ собакъ. На дорогѣ отъ Моточи онъ купилъ двѣ, да я ему послалъ въ Сусую 2-хъ. Проведя одни сутки въ Сусуѣ по случаю чрезвычайно дурной погоды, Рудановскій поѣхалъ по Сусуѣ на Найпу, и далѣе по восточному берегу до р. Мануи, по этой рѣкѣ на рѣку Бусунай и внизъ по ней на западный берегъ въ селенію Найоро. **24-го**, утромъ воротились охотники съ неудачной охоты. На Сусуѣ, гдѣ они были; нѣтъ ни лосей, ни оленей. Я уже въ отсутствіе ихъ узналъ, что главный притонъ оленей есть рѣка Моточа. Я полагаю послать охотниковъ туда. Цынга начинаетъ развиваться между людьми; необходимо надо достать свѣжей

пищи. Вечеромъ аинъ привелъ нарту и принесъ записку отъ Рудановскаго. Рудановскій пишетъ, что дорога дурна и онъ съ большимъ трудомъ доѣхалъ на 16-ти собакахъ до Экуроки. По всему видно, что зимою сообщеніе вообще затруднительно, въ особенности если правда, какъ говорятъ аины, что сѣвернѣе у Найоро снѣгу бываетъ еще менѣе, чѣмъ въ нашемъ мѣстѣ.

Нашъ приходъ на Сахалинъ служитъ, конечно, главнымъ предметомъ разговоровъ между аинами. Изъ этихъ разговоровъ видно, что японцы стараются распространять невыгодные для насъ слухи. Напр., одинъ аинъ пришелъ разсказать мнѣ, что весною пріѣдетъ много японскихъ кораблей; что одни пристанутъ къ Сиретоку и Тоонучи всего отъ насъ въ 100 верст.; другіе въ Сирануси и третьи въ Малкѣ; что ночью они подойдутъ въ намъ съ трехъ сторонъ и убьютъ насъ; что японцы придутъ съ саблями и въ мѣдной одеждѣ. Другіе разсказываютъ, что японцы, живущіе на Сахалинѣ, хотятъ собрать со всего берега аиновъ и пригласить всѣхъ русскихъ какъ бы на праздникъ къ себѣ, и угощать будутъ водкой; а когда русскіе опьянѣютъ, то убьютъ ихъ. Аины, разсказывая это, просили меня, чтобы я не ходилъ. Всѣ эти разсказы имѣютъ источникъ, конечно, въ разговорахъ японцевъ съ аинами, и хотя японцы и способны на подобныя непріятельскія дѣйствія, но слишкомъ трусливы, чтобы исполнить свои угрозы. Насчетъ прихода судовъ весною, числа японцевъ и дѣйствій ихъ противъ насъ, ничего нельзя сказать, — это все будетъ зависѣть отъ ихъ императора. Если онъ найдетъ необходимымъ для него Сахалинъ, то онъ или рѣшится измѣнить, на этотъ случай, законъ, запрещающій имѣть сношенія съ чужеземцами и тѣмъ болѣе промышлять что-нибудь вмѣстѣ съ ними, живя на одной землѣ, или рѣшится выгнать насъ съ Сахалина, и тогда, разумѣется, свойственно японской храбрости, пошлетъ не менѣе тысячи японцевъ противъ 60-ти русскихъ. Я полагаю, что ни того, ни другого не будетъ, а японцы просто оставятъ Сахалинъ. Но еслибы японцы вздумали воевать противъ насъ, то наше положеніе не слишкомъ выгодное. Воспротивиться высадкѣ невозможно. Имѣя 60 человѣкъ, изъ которыхъ до 20ти чел. постоянно больныхъ, я, разумѣется, не буду въ состояніи разсылать партіи по берегу въ нѣсколько сотъ верстъ протяженія. Мѣсто избранное для поста хорошо, еслибы его охраняли человѣкъ 200. Я былъ принужденъ раздѣлить команду на двѣ части, а части эти оказались бы чрезвычайно слабыми, въ особенности на нижней баттареѣ, которая по положенію своему будучи совершенно открыта съ верхней стороны, должна быть необходимо связана съ верхними строеніями стѣною; но это потребуетъ такое количество лѣсу, что невозможно будетъ намъ

достать его, да и стѣны, будучи слишкомъ длинныя, не будутъ достаточно защищены малымъ числомъ людей, которое я имѣю въ распоряженіи. Заключиться всѣмъ въ верхнемъ городкѣ, тоже невыгодно, потому что останемся безъ воды. Весною надо будетъ избрать окончательно способъ защиты. Но до тѣхъ поръ положеніе наше тоже очень невыгодное. Желая остаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ японцами и не дать имъ причины сказать, что мы хотимъ ихъ выгнать съ Сахалина, да и желая, чтобы они оставались жить въ Томари и тѣмъ дали возможность покороче съ ними сжиться, я не могу съ нимия обращаться такъ строго, какъ бы слѣдовало. Японцы очень дурно ведутъ себя: оказывая наружно намъ дружбу, присылая мнѣ различные подарки, они за глазами возбуждаютъ аиновъ противъ насъ и запрещаютъ имъ продавать что-нибудь русскимъ. Я пока все еще терплю это, но кажется, придется скоро проучить ихъ за лукавство. Это ложное положеніе наше произошло отъ того, что имѣя цѣлью при занятіи Сахалина остаться въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Японіею, съ которою мы надѣемся заключить торговый трактатъ, мы заняли пунктъ, который стѣснилъ совершенно свободу ихъ промысловъ, основанную на рабствѣ аиновъ, и поставили себя тѣмъ въ враждебное къ нимъ положеніе. Еслибы мы заняли хотя, напримѣръ, Нойоро на западномъ берегу, селеніе, гдѣ производится главная расторжка между аинами, гиляками и манжурами и находящемся сѣвернѣе японскихъ заселеній, то, поселившись тамъ, мы необходимо пріобрѣли бы вліяніе какъ надъ гиляками, такъ и надъ аинами, и не устранивъ японцевъ, могли бы и съ ними мало-по-малу сблизиться. Что же касается до мысли, что, для овладѣнія Сахалиномъ, надо владѣть Анивою — то эта мысль можетъ имѣть мѣсто при военномъ планѣ дѣйствій противъ Японіи. А чтобы владѣть Сахалиномъ, совершенно достаточно владѣть какимъ бы то ни было пунктомъ, потому что главную роль имѣетъ морская сила при дѣйствіяхъ на островѣ. Насчетъ же гавани, то въ Томари ея нѣтъ точно также, какъ и въ с. Нойоро, а слѣд. судамъ невозможно зимовать ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ. Въ Тоопуги гавань хороша, но входъ въ нее очень затруднителенъ, если не совсѣмъ невозможенъ. Гавань эта находится въ 100 верстахъ отъ Томари.

27-го. Сегодня пришелъ во мнѣ японецъ Асануя. Я ему разсказалъ, какъ аины дурно приняли Рудановскаго и все это потому, что японцы ихъ возбуждаютъ противъ насъ. Я ему сказалъ, что я тоже знаю, что японцы разсказываютъ, что лѣтомъ много судовъ придетъ съ Мацмая и убьютъ русскихъ. Я ему объяснилъ, чтобы онъ выбросилъ это изъ головы, что если японцы вздумаютъ непріязненно дѣйствовать, то русскіе корабли не

выпустятъ ни одну джонку, ни одного японца съ Сахалина, а что теперь мы ихъ просимъ возвратиться изъ Найпу, куда они убѣжали, чтобы жить съ нами въ Томари дружно вмѣстѣ; но что если они не хотятъ хорошо жить съ нами, то лучше пусть уходятъ въ Малку. На все это онъ отвѣчалъ, что аины врутъ, что они нарочно говорятъ противъ японцевъ, что японцы хотятъ дружно съ русскими жить {Японцы вымѣниваютъ отъ аиновъ почти единственно однихъ выдръ, которыхъ они промѣниваютъ манжурамъ, пріѣзжающимъ лѣтомъ въ Сирануси, на тонкія шелковыя матерія. Эту мѣну производитъ можетъ только японскій начальникъ, и вѣроятно не въ большомъ размѣрѣ. Главная цѣль сахалинской колоніи для японцевъ есть рыбный промыселъ. Аины народъ не промышленный и не дѣятельный, и поэтому мѣна съ ними приноситъ выгоду манжурамъ только потому, что аины дешево отдаютъ свой пушной товаръ. По словамъ японцевъ, кочующій народъ Ороки богаты. Японцы мало впрочемъ знаютъ ихъ, но аинъ Сиребинусъ предлагалъ Ѣхать съ нашими товарами торговать къ нимъ.}. Онъ ушелъ и скоро мнѣ принесли отъ Мару-Яма свѣжей рыбы. Боязнь, что ихъ выгонятъ изъ Томари, руководила въ этомъ случаѣ любезностью японцевъ.

31-го декабря, урядникъ Томскій, посланный много съ тремя казаками на р. Рюточу на охоту за оленями, прислалъ съ казакомъ Монаковымъ 2 пуда мяса этого звѣря и съ извѣстіемъ, что убили одного оленя, а другого ранили и теперь за нимъ пошли на поиски. Итакъ, мы будемъ имѣть на время свѣжее мясо. Принятыя мною мѣры для закупки свѣжей рыби были тоже умѣстны, и команда уже съ **28-го декабря** получаетъ супъ изъ свѣжей рыбы. Дастъ Богъ цынга ослабѣетъ; она начала очень безпокоить меня — 20 человѣкъ уже подвержены ей, нѣкоторые не могутъ уже ходить. Помѣщеніе людей очень хорошо, слѣд. пища единственно имѣетъ вліяніе на тѣхъ, которые почти ежегодно были больными цынгою въ Камчаткѣ. Вечеромъ мы торжественно встрѣчали новый годъ; площадка наша была усажена елками и иллюминована бумажными фонарями. Команда была собрана въ казармѣ 1-го капральства, освѣщенной множествомъ свѣчей. Посреди комнаты приготовлено было вино и закуска. Въ 12 часовъ всѣ вышли на площадку, и когда я провозгласилъ тостъ на благополучіе новаго года, съ башни раздался выстрѣлъ изъ фальконета, ему отвѣчали съ нижней баттареи и фалконетъ снова загремѣлъ. Команда запѣла «Боже Царя храни», потомъ возвратились въ казарму, и празднество длилось до глубокой ночи.

1-го января 1854-го года. — Вотъ уже три мѣсяца, какъ мы поселились на Сахалинѣ. Бросимъ общій взглядъ на наше

настоящее положеніе и на отношенія наши къ японцамъ и аинамъ.

Японцы, убѣдившись, что я сердитъ на нихъ, пытаются всѣми мѣрами помириться съ нами. Они даже показываютъ теперь особенное уваженіе къ аину Хойро, котораго онъ совершенно не заслуживаетъ. Давно уже они зазывали къ себѣ казака Дьячкова, который, имѣя большую способность къ изученію аинскаго языка, уже объясняется на немъ довольно порядочно. Я позволилъ Дьячкову ходить къ нимъ, давъ ему наставленіе, какъ объяснять имъ цѣль прихода нашего и нашихъ дѣйствій. Онъ былъ два раза у нихъ, и трое старшихъ японцевъ пригласили его въ отдѣльную комнату и много разспрашивали о томъ, зачѣмъ русскіе пришли, много ли еще придетъ, пріѣдутъ ли жены, за что я сержусь на нихъ, потомъ спрашивали, велика ли земля наша. Дьячковъ объяснилъ имъ, что русскіе пришли на Сахалинъ не для того, чтобы завоевывать его, что русская земля такъ велика, что есть много пустыхъ, хорошихъ мѣстъ; что рыбы намъ не надо и что, наконецъ, императоръ русскій послалъ насъ сюда затѣмъ, чтобы не пускать иностранцевъ поселяться между нами и японцами, что объ этомъ будетъ писано японскому императору. Кораблей же нашихъ придетъ четыре и на нихъ много солдатъ; жены пріѣдутъ къ своимъ мужьямъ, которые теперь здѣсь находятся, но что на зиму корабли уйдутъ и что русскихъ опять немного останется. На вопросъ ихъ, за что я на нихъ сержусь, онъ сказалъ, что аины говорили мнѣ, что японцы запрещаютъ имъ продавать намъ что-нибудь и вмѣстѣ подговариваютъ ихъ быть недружными съ нами, грозя имъ, что лѣтомъ ихъ убьютъ. Японцы на это отвѣчали, будто они знаютъ, что аины разсказываютъ русскимъ, что японцы хотятъ убить ихъ, въ то время, когда они спятъ, но что они и имъ то же разсказываютъ, будто русскіе то же хотятъ сдѣлать. Просили, чтобы я не вѣрилъ аинамъ, говоря, что мы ихъ балуемъ и платимъ слишкомъ дорого за собакъ и рыбу; что на товаръ (1 кус. добы), за который мы покупаемъ одну собаку, можно купить цѣлую нарту собакъ, т.-е. не менѣе 5; что когда мы лучше узнаемъ аиновъ, то увидимъ, какъ они любятъ обманывать. Увѣряли Дьячкова, что они хотятъ дружно жить съ русскими и мѣняться съ ними тѣми вещами, которыя обоюдно нужны, но что весною, когда пріѣдетъ офицеръ ихъ, то все будетъ зависѣть отъ него; но они всѣ желаютъ, чтобы императоръ ихъ прочелъ письмо нашего императора и остался бы друженъ съ русскими, потому что русскіе очень добры; они это знаютъ изъ того, какъ русскіе принимали японцевъ въ Камчаткѣ, съ разбитаго судна. По ихъ словамъ, японцы эти живутъ теперь въ Итурупѣ. Прощаясь съ нимъ, они приглашали его чаще ходить къ нимъ, чтобы учить ихъ

по-русски, а они его будутъ учить по-аински и вмѣстѣ съ тѣмъ сказали, что пріѣдутъ ко мнѣ объясниться насчетъ аиновъ. Дѣйствительно, на другой день Маруя-Яма и Яма-Мадо пришли, въ сопровожденіи японца, несшаго рыбу и рисовые аладьи. Я ихъ ласково принялъ показалъ видъ, что вѣрю ихъ словамъ. Я вычиталъ имъ изъ сочиненія Головнина нѣсколько словъ и именъ японскихъ, также изъ словаря, составленнаго японцами, жившими въ Камчаткѣ. Они охотно поправляли слова, невѣрно написанныя. Я объяснилъ имъ, что русскіе, которые здѣсь живутъ, есть солдаты (доссино), а они мнѣ сказали, что они — изъ матросовъ.

Внутреннія наши дѣла также довольно утѣшительны. Помѣщеніе команды достаточно просторное. На 66-ть человѣкъ три казармы, двѣ въ 5 саж. длины, три сажени ширины и 4 арш. вышины; третья въ 5 1/2 саж. длины, 3 саж. ширины и 4 арш. вышины. Люди спятъ на кроватяхъ, просторно разставленныхъ, хорошо постланныхъ и достаточно высокихъ, чтобы помѣстить подъ ними, въ порядкѣ, всѣ вещи людей. Ружья установлены по стѣнамъ, въ промежуткахъ между кроватями, такъ что прикладъ ружья приходится наравнѣ съ верхомъ спинки кровати. Сумы и сабли висятъ надъ головами. Красиво и удобно. Ружья и сабли я часто самъ осматриваю, и потому они всегда въ порядкѣ. Въ казармахъ 1-го и 3-го капральствъ поставлены кирпичныя печки-голландки. Кирпичъ приготовляется зимою подъ 10-ти гр. морозомъ. Въ 1-мъ и 2-мъ капральствѣ, кромѣ того, устроены якутскіе чувалы. Въ 2-й казармѣ есть битая печь, но нехорошо сдѣланная и потому тамъ поставлена желѣзная печь; точно такая же есть желѣзная печь въ 3-й казармѣ, гдѣ нѣтъ чувала. Казармы, съ досчатыми полами и потолкомъ, свѣтлы, просторны и сухи. Воздухъ всегда хорошъ, потому что огонь горитъ постоянно.

Пища нижнихъ чиновъ, къ сожалѣнію, была, въ продолженіи 3-хъ мѣсяцевъ, нездоровая. Супъ изъ солонины, съ густою подболткою изъ муки и ячневой крупы — вотъ постоянный былъ ихъ обѣдъ и ужинъ, кромѣ праздниковъ, когда пеклись пироги съ рисомъ, имѣющимся у насъ въ маломъ количествѣ. Несвѣжая пища эта и неимѣніе огородныхъ овощей имѣли дурное вліяніе на хворыхъ безъ того и расположенныхъ къ цынгѣ матросовъ. Съ начала ноября начала появляться эта болѣзнь, и скоро число больныхъ увеличилось до 20-ти человѣкъ. Число ихъ доходило и до 28-ми чел., когда простуда и порубы присоединились къ цынгѣ. Смерть бѣднаго матроса Сизаго и медленное выздоровленіе больныхъ, показываетъ необходимость присутствія доктора въ экспедиціи. Аптекарскій ученикъ, Кокоринъ, кромѣ того, что ничего не знаетъ, но еще и малоспособный человѣкъ. Я заставилъ его учиться по одному лечебнику и хотя видѣлъ, что

это приноситъ пользу, но мало успокоиваетъ, потому что, въ важныхъ болѣзняхъ, лечебникъ не много поможетъ. Мы теперь, съ **28-го декабря**, имѣемъ свѣжую рыбу и оленину, и я надѣюсь, что болѣзнь уменьшится {Въ концѣ декабря открылась рыбная ловля на р. Сусуѣ, и я началъ скупать отъ аиновъ свѣжую рыбу. Кромѣ того я, узнавъ, что на р. Пототи водятся олени, послалъ 4-хъ камч. каз. на охоту за ними, и они уже убили 3-хъ.}.

Люди наши, благодаря русскому характеру, не слишкомъ скучаютъ, да и столько занятій, что нѣтъ времени и скучать. Пока не были выстроены первыя двѣ казармы, шабашовъ не было, но, вставъ подъ крыши, я началъ давать отдыхъ въ праздничные дни. Гарнизонная служба состояла, при началѣ, изъ 4-хъ постовъ, занимаемыхъ днемъ часовыми, безъ особаго караула, ночью же выставлялся караулъ, т.-е. 1 унт. — оф., 12 ряд. и 2 ефрейторовъ должны были быть одѣтыми и всегда готовыми, по вызову часового, выстроиться, съ заряженными ружьями, у орудій. Ночь они проводили въ казармахъ, съ дозволеніемъ спать, конечно, совершенно одѣтыми. Во всякой казармѣ назначается одинъ дневальный. Когда больныхъ почти не было, то служба эта не была слишкомъ тягостна, но съ наступленіемъ сырой погоды появилась простуда. Я уничтожилъ одинъ постъ, поставивъ орудія верхняго городка въ одну баттарею. Когда же была окончена лавка и помѣщены въ ней товары, то, на опорожненное мѣсто въ пакгаузѣ, уложили всѣ бочки и ящики, лежавшіе подъ навѣсомъ. Пакгаузъ заперли на ключъ, и я пришелъ снять и этотъ постъ. Теперь стоятъ двое часовыхъ у нижней и верхней баттарей. Но число больныхъ 25, въ расходѣ, въ экспедиціи и въ разныхъ должностяхъ, 15 чел., итого остается, съ унтеръ-офицерами, 24 человѣка, способныхъ къ службѣ, слѣдовательно черезъ два дня въ третій приходится стоять въ караулѣ. Работа, въ настоящее время, не трудная и, по короткости дня, не продолжительная. Въ праздничные дни, какъ, напр., **6-го декабря**, три дня Рождества, Новый годъ, я устроивалъ общее веселье, собирая людей вмѣстѣ.

Постройки жилыя окончены. Теперь главная работа состоитъ въ доставкѣ лѣса. Я полагаю поставить бревенчатую стѣну, которая должна будетъ связать строенія, и, кромѣ того, поставить вторую башню у кухни, по діагонали отъ моего дома; на все это потребуется около 300 деревъ. Теперь работаютъ 11 человѣкъ и нарта въ 10 собакъ. Люди рубятъ лѣсъ верстахъ въ 4-хъ. На нартѣ привозятъ въ портъ, ежедневно, 6 бревенъ, да люди на себѣ 2 бревна, кромѣ того, что они спускаютъ срубленныя деревья къ лайдѣ. Если полагать, что на такую работу будетъ употреблено по **1-е марта** 40 дней, то 320 деревъ будетъ доставлено въ портъ. Остальные, слабаго здоровья, рабочіе занимаются работами при

портѣ. У меня строятъ сѣни съ чуланами и поставили, внутри дома, перегородки. Когда кончатъ сѣни, примутся достраивать башню. Въ домѣ 3-й казармы есть отдѣльная комната, въ 4 арш. ширины и 3 саж. длины. Два большихъ окна, на S. и W., прекрасно освѣщаютъ ее. Я полагалъ дать эту комнату г. Самарину, вслѣдствіе чего она и приняла, между рабочими, названіе конторы. Обстоятельства заставили меня измѣнить свое намѣреніе и отдать эту комнату г. Рудановскому. Самаринъ пока живетъ у меня.

Лавка, помѣщенная въ домѣ 2-го капральства, т.-е. на нижней баттареѣ, очень удобна и красиво убрана товарами, что имѣетъ хорошее вліяніе на аиновъ.

Нравственнымъ поведеніемъ людей я доволенъ, но о военной службѣ и дисциплинѣ они имѣютъ очень плохое понятіе. Военнаго образованія, кромѣ человѣкъ 8-ми, остальные совершенно не имѣютъ. Это просто работники-мужики. Когда я производилъ, во время морского перехода, пальбу изъ ружей, то большая часть людей не знали какъ держать ружье и со страхомъ спускали курокъ. Весною я полагаю производить ученья стрѣльбы въ цѣль и движеній массою и въ разсыпномъ строю, разумѣется, ограничась самыми легкими требованіями и правилами.

Скажу теперь о нашихъ экспедиціяхъ на островѣ. Время года — осень и начало зимы, и невозможность отнимать большое число рукъ отъ работъ, отъ скораго окончанія которыхъ зависѣло сохраненіе здоровья людей, конечно должны были много мѣшать производству изслѣдованія страны въ большомъ размѣрѣ; но, благодаря ревности и готовности къ перенесенію трудовъ г. Рудановскаго, я получилъ возможность предпринять описаніе главныхъ водяныхъ путей части острова, обитаемой аинами и считаемой японцами принадлежностью ихъ земли. Въ этомъ отношеніи я долженъ сдѣлать справедливую похвалу г. Рудановскому, хотя сборы его въ экспедицію и большія требованія въ средствахъ и причиняли мнѣ досаду; но, разъ выѣхавъ изъ порта, онъ предавался работѣ съ увлеченіемъ, перенося терпѣливо физическіе труды. Жаль, что этотъ сотрудникъ мой, въ другихъ отношеніяхъ, вызвалъ меня на нерасположеніе въ нему.

Первыя двѣ недѣли нашего пребыванія на Сахалинѣ требовали такой дѣятельности въ приведеніи въ возможный порядокъ и въ установкѣ вашихъ припасовъ и товаровъ и въ начатіи необходимыхъ построекъ — какъ пекарни и 1-й казармы, назначенныхъ временно помѣстить всю команду, что и думать не было возможности объ откомандированіи кого-нибудь изъ порта для изслѣдованія страны.

Когда мы немного устроились и я могъ уже сообразить, что

лѣсу, купленнаго у японцевъ, не достанетъ для нашихъ построекъ, я рѣшился начать отыскивать лѣсъ. Зная изъ карты Крузенштерна, что вблизи отъ насъ, въ сѣверу, должна быть большая рѣка, названіе которой Сусуя я узналъ отъ Орлова, ѣздившаго по Сахалину, я былъ увѣренъ, что по берегамъ ея найду лѣсъ, хотя на вопросы мои одни аины отвѣчали, что есть лѣсъ, но дурной, другіе, что совсѣмъ нѣтъ. **4-го октября**, въ воскресенье, я поѣхалъ на шлюпкѣ вдоль берега, въ сѣверу. Сѣвъ на мель, противъ селенія Сусуя, я вышелъ на берегъ и пошелъ пѣшкомъ; выйдя на рѣку, я увидѣлъ прекрасный лѣсъ по обоимъ берегамъ ея. Когда вода поднялась съ приливомъ, шлюпка тоже вошла въ устье, и мы прошли еще версты три вверхъ до рѣкѣ, постоянно имѣя по обѣ руки хорошій лѣсъ. На обратномъ пути я убѣдился, что есть и фарватеръ отъ 2 1/2 до 4 футовъ на малой водѣ. **6-го**, рано утромъ, я послалъ людей на вырубку лѣса, а за ними командировалъ, на шлюпкѣ, и Л. Рудановскаго для изслѣдованія рѣки и береговъ ея. **10-го**, онъ воротился, пройдя вверхъ по рѣкѣ съ 70 верстъ и найдя рѣку, на этомъ пространствѣ, удобною для судоходства, потому что глуубина не менѣе 5-ти футовъ, въ малую воду. Почти на всемъ этомъ разстояніи растетъ строевой еловый и корабельный лиственичный лѣсъ. Онъ не могъ далѣе идти, потому что не было припасовъ. **14-го**, я снова отправилъ его на Сусую, съ запасомъ провіанта на 10 сутокъ. Въ этотъ разъ онъ поѣхалъ на японской плоскодонной четырехвесельной лодкѣ. **18-го октября**, я отправилъ, на японской же лодкѣ, Самарина съ 5-ю камчатскими казаками и съ порученіемъ осмотрѣть восточный берегъ залива Анивы и сдѣлать описаніе его и аинскихъ и японскихъ поселеній. **25 октября**, Рудановскій и Самаринъ возвратились изъ экспедицій. Первый съ большими усиліями прошелъ вверхъ по Сусуѣ до 48° с. ш., по временамъ перетаскивая лодку по берегу или прорубаясь сквозь кокоры и деревья, запрудившія рѣку во многихъ мѣстахъ. До источника Сусуи ему неудалось пройти, да отъ извѣстности повидимому было бы и немного пользы. Рѣка Сусуя судоходна не болѣе какъ на 70 верстъ, но берега ея богаты лѣсами и плодородными полями и лугами, слѣдовательно способны въ заселенію хлѣбопашцевъ. Сусуя служитъ для внутренняго сообщенія какъ вверхъ, такъ и внизъ по рѣкѣ до селенія Кой, въ 50-ти в. отъ устья. Изъ селенія этого дорога идетъ сухопутная на р. Найпу. Рудановскій составилъ карту теченія р. Сусуи съ приложеніемъ журнала. Самарина экспедиція оказалась очень полезна. Онъ открылъ гавань у селенія Тотуги, въ верстахъ 10-ти отъ нашего поста, и собралъ свѣдѣнія о населеніи до селенія Сиретоку. Гавань названа имъ моимъ именемъ. Свѣдѣнія, доставленныя имъ объ

этой гавани, были недостаточны, и потому я командировалъ Рудановскаго осмотрѣть ее и вообще весь восточный берегъ залива. **29-го числа**, онъ выѣхалъ на японской лодкѣ, взявъ съ собой продовольствія на 15 сутокъ. Самаринъ сообщилъ мнѣ, что недалеко отъ Сиретоку онъ видѣлъ признаки золотой и серебряной руды и слышалъ отъ аиновъ, что золото и серебро дѣйствительно есть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ихъ земли. **1-го ноября**, я отправилъ Самарина съ прикащикомъ Розановымъ, бывшимъ на сибирскихъ пріискахъ, и съ 5-ю матросами, поручивъ ему сдѣлать опытъ промывки, для чего и были приготовлены ящики и инструменты, по указанію Розанова. **4-го числа**, выпалъ снѣгъ и на другой день онъ шелъ почти цѣлыя сутки. **8-го ноября**, Самаринъ воротился. Снѣгъ помѣшалъ ихъ работѣ, и они воротились безъ результатовъ. **12-го ноября**, Рудановскій возвратился изъ экспедиціи. Онъ нанесъ на карту весь берегъ до селенія Сиретоку и часть берега Охотскаго моря на высотѣ залива Анивы. Гавань Тотуга тоже изслѣдовалъ, но, по моему мнѣнію, недостаточно употребилъ на это времени, торопясь продолжать путь впередъ съ надеждою, вѣроятно, что-нибудь открыть новаго. По описанію его, гавань достаточно глубока, чтобы служить для судовъ, сидящихъ до 12-ти и даже до 14-ти ф. въ водѣ. Входъ въ нее узокъ и потому безопасенъ только въ тихую погоду. Мѣста для заселенія много, лѣсу то же. Имѣя намѣреніе непремѣнно собрать свѣдѣнія о селеніяхъ Нойора, Малки и Тахмака и вообще о ю.-з. берегѣ Сахалина, еще неизслѣдованномъ, я началъ скупать собакъ и въ началу декабря уже имѣлъ ихъ десять. Я послалъ казака Дьячкова съ аиномъ Сиребенусь еще купить восемь собакъ и нанять проводника съ нартою собакъ въ Нойоро; **19-го**, они воротились съ купленными 8-ю собаками и нанятымъ въ проводники аиномъ. На другой день Рудановскій выѣхалъ. Я ему поручилъ непренѣнно осмотрѣть японскія селенія Малку и Тахмака и доставить объ нихъ свѣдѣнія въ Нойоро не позже **12-го января**. Я посылаю г. Самарина съ почтою въ Петровское, тотчасъ послѣ Крещенья и полагаю, что онъ пріѣдетъ въ Нойоро около **12-го** числа, тамъ онъ получитъ отъ Рудановскаго свѣдѣнія и вмѣстѣ съ другими бумагами отвезетъ въ Петровское. Итакъ, въ настоящее время мы имѣемъ уже карты и описанія всего восточнаго берега залива Анивы до р. Туотака, — рѣку Сусую, а къ **12-му января** описаніе пути отъ Сусуи на рѣку Найпу, этой рѣки, берега Охотскаго моря до р. Монуи и перевала съ нее на р. Кусуной, и берегъ Татарскаго пролива къ югу отъ этой рѣки до селенія Малки, а можетъ быть и до мыса Крильонъ; то-есть вся страна, обитаемая аинами и считаемая японцами подъ ихъ владычествомъ, будетъ намъ извѣстна. Результатъ этотъ по

обстоятельствамъ, въ которыхъ мы находились, можетъ считаться вполнѣ успѣшнымъ.

VI

Жизнь, промысли; торговля и отношенія аиновъ въ японцамъ представляютъ не мало интереснаго.

Аины принадлежатъ въ племени курильцевъ, что ясно показываетъ сходство языка ихъ съ языкомъ жителей нашихъ Курильскихъ острововъ, краткій словарь которыхъ находится въ описаніи Крашенинниковымъ Камчатки. Многія изъ обычаевъ курильцевъ, описанныхъ г. Крашенинниковымъ, я видѣлъ между аинами; жилища ихъ такія же какъ у петровскихъ гиляковъ, т.-е. юрты изъ корбасника, съ окномъ и довольно широкимъ отверстіемъ въ крышѣ. Внутри юрты устланы цыновками, довольно хорошо приготовляемыми аинами. Ростъ аиновъ средній, даже малый въ сравненіи съ русскими. Наружность мужчинъ красивая, и женщины не были бы дурни, если бы не красили своихъ губъ синею краскою. Нравъ аиновъ повидимому довольно кроткій, хотя, впрочемъ, драки ихъ часто кончаются сильными побоями и даже ударами ножа. Ревности къ женамъ очень мало, а у послѣднихъ о женскомъ стыдѣ почти нѣтъ понятія. Женщины не прячутся отъ чужихъ, но и съ трудомъ вступаютъ въ разговоръ и никогда не садятся прямо противъ чужого, а всегда бокомъ, какъ бы желая спрятаться отъ взглядовъ. Дѣтей аины любятъ и балуютъ. Они всегда лучше одѣты родителей. Необходимую одежду свою аины сами приготовляютъ. Она состоитъ изъ собачьихъ шкуръ и изъ халатовъ, сдѣланныхъ изъ приготовляемой изъ крапивы грубой ткани, похожей на нашу сыромягу или самую грубую парусину. Впрочемъ, я видѣлъ и болѣе тонкіе изъ цѣлаго цвѣта куски холстины, но они нашиваются только небольшими кусками по краямъ халатовъ, какъ украшеніе. Обувь дѣлается изъ тюленьей шкуры. Вмѣсто собачьихъ шубъ употребляютъ иногда и нерпичьи, а женщины носятъ тоже изъ рыбьихъ кожъ, подбирая довольно красиво цвѣта; головного убора никакого нѣтъ. Исподнее платье дѣлается то же изъ собачины и очень коротко прикрываетъ ногу, по четверти выше или ниже колѣна. Изъ этого видно, что аины не нуждаются въ пріобрѣтеніи мѣною необходимой одежды, потому что собакъ, нерпъ и рыбы они всегда имѣютъ для своихъ нуждъ. Но какъ человѣкъ, какого бы низшаго развитія ни былъ, склоненъ всегда къ улучшенію своего внутренняго быта и всегда одаренъ отъ природы чувствомъ эстетическаго вкуса, съ тою только разницею, что у человѣка образованнаго вкусъ этотъ болѣе правиленъ и утонченъ, — такъ и аины, познакомившись съ манжурами и японцами и видя превосходство одежды ихъ надъ своею, вѣроятно

усилили свои промыслы, чтобы имѣть возможность пріобрѣтать себѣ вещи и одежду, понравившіяся имъ. Женщины ихъ начали украшать себя и дѣтей своихъ различными бездѣлушками. Такимъ образомъ, мало-по-малу манжурскіе и японскіе халаты изъ дабы, посуда и различныя вещи, служащія для украшенія, сдѣлались потребностями аиновъ. Табакъ и вино, служащее вездѣ болѣе образованнымъ народамъ средствомъ, такъ сказать, порабощенія себѣ дикарей, имѣли то же дѣйствіе для японцевъ надъ аинами. Конечно, кромѣ этихъ двухъ вредныхъ двигателей, японцы имѣли еще и силу оружія, которой малосильные аины не могутъ сопротивляться; но вино и табакъ, доставляемые имъ японцами, дѣлаютъ ихъ болѣе терпѣливыми къ перенесенію своего рабства. Такъ какъ еще не много времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ японцы пришли на Сахалинъ и еще много есть стариковъ-аиновъ, помнящихъ время независимости своей, то идея свободы еще не совсѣмъ погасла въ этомъ несчастномъ народѣ. Они часто говорятъ: «Карафту Айну-Котонъ Сивамъ Котонъ Карафту исамъ», т.-е. Сахалинъ земля аиновъ — японской земли на Сахалинѣ нѣтъ. Къ сожалѣнію, слова эти въ настоящее время не имѣютъ никакого значенія, и конечно, еслибы японцы остались господствовать на Сахалинѣ еще 50 лѣтъ, то аины совершенно позабыли бы и думать, что они имѣютъ какую-нибудь собственность. Въ настоящее время отношенія ихъ къ японцамъ обусловливаются потребностію послѣднихъ въ работникахъ для необходимыхъ Японіи рыбныхъ промысловъ на остр. Сахалинѣ. Работники эти силою японцевъ сдѣлались не вольными наемщиками, а рабами, работающими подъ страхомъ побоевъ съ надеждою получить милость отъ господъ своихъ — водку и табакъ. До прихода японцевъ на Сахалинъ, аины уже получали отъ манжуровъ вино, табакъ, оружіе, одежду и домашнюю утварь, не подвергаясь никакимъ насиліямъ отъ послѣднихъ, пріѣзжавшихъ издалека и въ маломъ числѣ. Это обстоятельство еще болѣе показываетъ, что сила оружія и близость большихъ военныхъ средствъ служили почти единственнымъ средствомъ для утвержденія власти и вліянія надъ аинами, и потому только сила и можетъ уничтожить эту власть и это вліяніе. Рисъ есть единственный новый продуктъ для аиновъ, который они не получали до прихода японцевъ. Они полюбили его и въ особенности водку, приготовляемую японцами изъ рису; но это не есть потребность, которая могла бы служить для неотвратимаго вліянія посредствомъ торговли. Манжурская водка, да и всякій другой крѣпкій опьяняющій напитокъ, вотъ все что нужно дикарю аину. Мѣна японцевъ съ аинами производится то же насильственнымъ образомъ, и потому въ этой мѣнѣ участвуютъ

только тѣ аины, которые находятся по близости японскихъ заселеній, да и изъ нихъ многіе скрываютъ товаръ и украдкою продаютъ его съ большею выгодою манжурамъ, пріѣзжающимъ въ селеніе Сирануса.

Японцы, остающіеся зимовать на Сахалинѣ, да и пріѣзжающіе весною, вымѣниваютъ отъ тѣхъ аиновъ, у которыхъ они знаютъ, что есть пушные товары, давая имъ произвольною цѣною табаку, водки и рису и въ такомъ маломъ количествѣ, что аины только изъ страха соглашаются на мѣну съ ними. Японцы даже бьютъ аиновъ, если узнаютъ, что они продали пушной товаръ манжурамъ или гилякамъ. Скупленные, такимъ образомъ, мѣха отдаются всѣ японскому офицеру, и онъ, для своей собственной выгоды, промѣниваетъ ихъ манжурамъ, пріѣзжающимъ въ Сирануси, за шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Мѣна японцевъ съ аинами не можетъ назваться торговлею, а есть только спекуляція японскаго начальства на Сахалинѣ, основанная на силѣ. Я уже выше сказалъ, что аины стараются всегда скрыть свои товары отъ японцевъ и продать ихъ манжурамъ черезъ руки аиновъ, живущихъ далѣе отъ японцевъ, или самимъ манжурамъ украдкою, во время пріѣзда ихъ въ Сирануси. Изъ всего вышесказаннаго видно, что свободная мѣна существуетъ только въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ бдительнаго корыстолюбія японскаго офицера. Изъ мѣстъ этихъ самое важное есть селеніе Нойоро, находящееся на берегу Татарскаго пролива, сѣвернѣе японскихъ заселеній и въ суточномъ переходѣ отъ послѣдняго ихъ пункта, Тохмака. Селеніе Нойоро — одно изъ самыхъ населенныхъ; старшина его пользуется общимъ уваженіемъ отъ аиновъ и считается ими какъ бы старшиною между другими старшинами. Немного сѣвернѣе Нойоро, впадаетъ въ Татарскій проливъ р. Кусуной; сѣвернѣе ея начинаются кочевья ороковъ и жилища сахалинскихъ гиляковъ, племенъ, совершенно независимыхъ. Вслѣдствіе этихъ обстоятельствъ аины селенія Нойоро то же чувствуютъ себя свободнѣе, чѣмъ живущіе между японскими заселеніями, и поэтому Нойоро сдѣлалось главнымъ пунктомъ мѣны вообще всѣхъ аиновъ. Туда пріѣзжаютъ гиляки, манжуры и аины залива Анивы, успѣвшіе скрыть отъ японцевъ свои товары. Сирануси есть второй торговый пунктъ, выгодный только для манжуровъ, вымѣнивающихъ отъ японцевъ аинскій пушной товаръ. По-моему мнѣнію, селеніе Нойоро есть, такъ сказать, узелъ всѣхъ сношеній народовъ, населяющихъ Сахалинъ, и кромѣ того есть центръ мѣстъ пушного промысла, въ особенности соболя.

Японцы открыли свои заселенія на Сахалинѣ, какъ извѣстно, въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Головиннъ пишетъ, что мысль

занять южную часть Сахалина пришла японскому правительству вслѣдствіе боязни, что русскіе овладѣютъ островомъ, а оттого они и заключили трактатъ съ китайскимъ императоромъ, по которому островъ Сахалинъ былъ раздѣленъ на двѣ, почти равныя, части, — южная должна была принадлежать Японіи, а сѣверная — Китаю. Можетъ быть, причина, предполагаемая Головнинымъ, имѣетъ основаніе, но, конечно, необходимость увеличить рыбные промыслы, оказавшіеся недостаточными на Итурупѣ, Пунамарѣ и Мацмаѣ для продовольствія возрастающаго населенія Японіи, вынудила японцевъ искать мѣстъ богатыхъ рыбою. Сахалинъ представилъ имъ, въ этомъ отношеніи, превосходную колонію, и по близости своей къ Японіи, и по множеству и разнородности породъ рыбъ, такъ сказать, запружающихъ его бухты и берега. Не встрѣтивъ никакого сопротивленія отъ жителей, единоплеменниковъ съ мацмайскими курильцами, японцы оцѣпили все пространство береговъ до 48 град. рыбопромышленными заведеніями. Аины скоро обращены были въ жалкихъ работниковъ, и съ помощью ихъ рыбный промыселъ принялъ огромные размѣры. Въ мартѣ мѣсяцѣ, когда всѣ бухты очищаются отъ льдовъ, множество джонокъ, равныхъ величинъ (отъ 10 до 30 матросовъ на каждой), собираются въ разнымъ пунктамъ, а именно: Томари, Малку, Сирануси и другимъ.

Такъ какъ вся промышленность и торговля въ Японіи находится подъ бдительнымъ присмотромъ чиновниковъ отъ правительства, то и на Сахалинѣ рыбные промыслы находятся подъ присмотромъ военнаго офицера, который для этой цѣли пріѣзжаетъ весною на Сахалинъ и уѣзжаетъ съ послѣдними уходящими джонками (судами). Итакъ, надо предполагать, что лѣтомъ собиралось много японцевъ на о. Сахалинѣ, на зиму же ихъ остается не болѣе 25-ти человѣкъ, для присмотра за строеніями и промышленными матеріалами. Кромѣ рыбнаго промысла, японцы занимаются на Сахалинѣ, въ большомъ размѣрѣ, вываріваніемъ соли изъ морской воды. Торговля ихъ на Сахалинѣ, какъ уже выше сказано, есть частная спекуляція одного начальника. Японцы считаютъ южную часть Сахалина своею землею; поэтому, законъ ихъ, недопускать иностранцевъ, примѣняется отчасти и здѣсь въ отношеніи тѣхъ народовъ, слабость которыхъ позволяетъ японцамъ, даже и съ малыми средствами, держать въ повиновеніи. Манжурамъ, гилякамъ и орокамъ запрещено ѣздить въ землю аиновъ. Для нихъ назначенъ одинъ пунктъ для мѣны, въ селеніи Сирануси. Конечно, на границѣ между жилищами аиновъ и другихъ племенъ, ничѣмъ необозначенной и неохраняемой японцами, запрещеніе это не имѣетъ силы, и, какъ выше сказано, въ селеніе Нойоро

пріѣзжаютъ гиляки, и японцы знаютъ это и даже сами часто ѣздятъ туда мѣняться съ гиляками; но въ мѣста, гдѣ находятся японскія заведенія, ни одинъ гилякъ не смѣетъ показаться. Принимая во вниманіе трусливую осторожность японцевъ въ защитѣ своихъ владѣній и ограниченность средствъ японскаго правительства, удивляюсь, что, владѣя югомъ Сахалина уже болѣе 50-ти лѣтъ, они не приняли никакихъ средствъ къ защитѣ на немъ своихъ поселеній. На Итурупѣ и Куканарѣ, подобныхъ же колоніяхъ какъ и Сахалинъ, они выстроили крѣпости, вооружили ихъ пушками и поставили въ нихъ гарнизоны. На Сахалинѣ этого ничего нѣтъ. Аины разсказываютъ, что у японцевъ есть въ Томари пушки, но они ихъ спрятали, когда русскіе пришли. Можетъ быть, это правда (и я постараюсь отыскать ихъ, чтобы поставить къ себѣ), но для защиты острова недостаточно держать нѣсколько пушекъ на открытомъ мѣстѣ и безъ солдатъ.

* * *

Отъ Редакціи.

— По выходѣ въ свѣтъ октябрьской книжки нашего журнала, гдѣ было начато печатаніе этихъ мемуаровъ Н. В. Буссе, мы получили заявленіе отъ адмирала Г. И. Невельского, которому, какъ видно изъ самихъ мемуаровъ, принадлежитъ весьма почетное мѣсто въ экспедиціи 1852 года. Ни о существованіи этихъ мемуаровъ, ни о намѣреніи наслѣдниковъ покойнаго автора — печатать ихъ, онъ ничего не зналъ, и вмѣстѣ со всѣми въ первый разъ прочелъ эти мемуары, уже на страницахъ нашего журнала. Мы считаемъ необходимымъ помѣстить у себя такое заявленіе, такъ какъ имя Г. И. Невельского въ этихъ мемуарахъ явилось напечатаннымъ вполнѣ, а это могло бы вызвать несправедливое предположеніе, что онъ былъ предувѣдомленъ наслѣдниками и далъ самъ на то свое согласіе. Судя по тѣмъ же мемуарамъ, мы видимъ, что такое заявленіе было вызвано не боязнью свѣта, и если мы предъ чѣмъ несемъ отвѣтственность, то единственно предъ скромностью лица, заслуги котораго неожиданно для него были возстановлены въ исторической памяти, занесенной съ того времени вихремъ событій, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобъ сдѣлать заявленіе и съ нашей стороны. Печатая подобные мемуары, гдѣ упоминаются лица, живущія среди насъ, мы всегда имѣемъ въ виду прежде всего счастливую возможность легко возстановлять истину. Живымъ дороги не только ихъ честь,

но и добрая память о нихъ, потому мы не думаемъ, чтобы кто-нибудь пожелалъ охранять свою честь при жизни молчаніемъ, предпочитая сдѣлаться жертвой клеветы или напраслины по смерти. Притомъ, пишущій мемуары, какъ и всякій человѣкъ, выражаетъ одно свое личное мнѣніе, свои личные вкусы и взгляды, а потому не рѣдко, говоря дурно о другихъ, онъ даетъ намъ только понятіе о самомъ себѣ. Вотъ почему въ такихъ мемуарахъ мы считаемъ несправедливымъ опускать иные отзывы авторовъ о томъ или другомъ лицѣ, которое было вовсе не одному ему извѣстно: мы въ подобной случаѣ спасли бы не репутацію послѣдняго, а именно репутацію автора и оказали бы пристрастіе собственно ему, а не его противнику. Понятно, что при такомъ взглядѣ мы всегда охотно примемъ всякое возраженіе, всякую поправку, внушенную любовью къ истинѣ; — а это возможно только для живыхъ; пройдетъ еще десять, пятнадцать лѣтъ, и можетъ быть, возражать и защищаться будетъ некому.

VII

Наши отношенія къ японцамъ и аинамъ были не одинаковы, и приходъ русскихъ на Сахалинъ произвелъ различныя впечатлѣнія на его обитателей. Японцы видѣли въ немъ уничтоженіе своего господства на островѣ и можетъ быть потерю богатыхъ промысловъ, Увѣреніямъ нашимъ, что мы пришли защищать ихъ отъ американцевъ, конечно они не вѣрятъ. Силъ у нихъ не было, чтобы помѣшать нашей высадкѣ; все что они могли сдѣлать, это увѣдомить свое правительство, для чего и послали парусную джонку съ 13-ю япон. матросами на Мацмай. Но аины были ради нашему приходу, такъ какъ надѣялись, что мы прогонимъ японцевъ или перебьемъ ихъ, и тѣмъ освободимъ отъ ненавистнаго для нихъ ига. Устрашенные японцы отдавали намъ все, что отъ нихъ спрашивали, даже посылали свои лодки, чтобы перевозить наши вещи съ корабля, а черезъ трое сутокъ послѣ нашего прихода они всѣ убѣжали. Аины, худо повиновавшіеся оставшемуся старшинѣ своему, преданному японцамъ, начали воровать водку изъ сараевъ и открыто разграбили бы все, если бы не видѣли, что это мнѣ не нравится. Порядокъ немного установился. Бывшій въ экспедиціи на Сахалинѣ, г. Орловъ, встрѣтилъ у Наипу бѣжавшихъ японцевъ и уговорилъ ихъ возвратиться въ Томари, обѣщая, что русскіе имъ ничего не сдѣлаютъ. Они воротились, когда второе русское судно «Иртышъ», приходившее въ Томари, удалилось отъ береговъ. Увѣрившись, что русскіе не хотятъ ни убивать ихъ, ни брать въ плѣнъ, японцы поселились въ своемъ домѣ. Первоначальныя ихъ дѣйствія противъ насъ были не совсѣмъ дружелюбны. Они подговаривали аиновъ не продавать ничего русскимъ, говоря, что весною японцы ихъ выгонятъ и тогда убьютъ тѣхъ аиновъ, которые приносили что-нибудь или служили русскимъ. Аины, видя, что, несмотря на ихъ просьбы, мы не убиваемъ японцевъ, и приписывая это вѣроятно тому, что мы трусимъ ихъ, начали бояться угрозъ японцевъ, и если продавали намъ, то всегда скрытно, рыбу и другіе предметы, прося не говорить японцамъ, а въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (въ Сусуѣ и Ричтогѣ) даже не хотѣли принимать Рудановскаго, объѣзжавшаго берегъ для описи, или всѣ убѣгали при его пріѣздѣ. Я нѣсколько разъ строго выговаривалъ японцамъ, но получалъ всегда отвѣтъ, что аины лгутъ. Наконецъ, я объявилъ имъ, что мы звали ихъ придти въ Томари, жить дружно съ нами; если этого они не хотятъ, то лучше пусть уходятъ изъ Томари. Слова мои подѣйствовали на нихъ; старшины ихъ явились ко мнѣ съ подарками и увѣреніемъ въ

дружбѣ. Просили, чтобы я не вѣрилъ аинамъ, которые хотятъ нарочно вооружить русскихъ противъ нихъ. Послѣ этого дружескія сношенія возобновились, конечно безъ довѣрія. Казакъ Дьячковъ, по приказанію моему, ежедневно ходилъ къ японцамъ; они очень полюбили его и просили чтобы онъ ходилъ почаще къ нимъ, обѣщая его выучить аинскому языку. Люди наши сдѣлали японцамъ молотильную машину.

Аины, въ неизвѣстности будущей судьбы своей, остаются въ ожиданіи, кто пересилитъ весною, — русскіе или японцы. Они желаютъ успѣха русскимъ потому, что надѣятся, что они все-таки добрѣе японцевъ и не будутъ ихъ бить. Есть конечно и такіе, которые желаютъ успѣха японцамъ, — это живущіе въ ихъ домѣ слугами и любовницы японцевъ изъ аинокъ. Помощи же или нападеній отъ аиновъ нельзя и ожидать: ихъ роль чисто пассивная. Конечно, если бы русскіе начали драться съ японцами и одолѣли бы ихъ, то аины рады бы были подоспѣть отмстить, чтобы броситься на побѣжденныхъ японцевъ, и перерѣзать ихъ. Пока они боятся и насъ и японцевъ, но теперь, послѣ моего открытаго выговора японцамъ, съ охотою намъ приносятъ свѣжую рыбу, не скрываясь отъ японцевъ. Японцы то же доставляютъ намъ рыбу, уголь и зелень. Мы, конечно, платимъ хорошую цѣну. Въ виду такихъ нашихъ отношеній на Сахалинѣ, я постараюсь разъяснить вопросъ — какъ слѣдуетъ дѣйствовать намъ, въ настоящемъ нашемъ положеніи, для исполненія предположенной цѣли завладѣть островомъ, не только не возбудивъ непріязни къ намъ японцевъ и аиновъ, но и заведя съ ними торговыя сношенія. Мы видѣли выше, что интересы и желанія двухъ этихъ народовъ совершенно различны, — одни хотятъ удержать свое вліяніе и власть на островѣ для сохраненія выгодъ рыбной промышленности и отчасти мѣны пушныхъ, другіе — сбросить съ себя эту власть и, если можно, отмстить за дурное обращеніе съ ними. Итакъ, чтобы доказать японцамъ, что наше присутствіе на Сахалинѣ нисколько не повредитъ и не помѣшаетъ ихъ рыбнымъ промысламъ, мы должны оставить аиновъ по прежнему въ ихъ рабствѣ и тѣмъ возбудить, хоть и неопасную для насъ, ненависть послѣднихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ признать Сахалинъ принадлежностью японцевъ, а ихъ полными властелинами надъ жителями его. Съ другой стороны — если взять на себя управленіе островомъ и защищать аиновъ отъ японцевъ, запретивъ имъ бить ихъ или принуждать ихъ въ работѣ за произвольную плату, то это значитъ отнять отъ нихъ всѣхъ работниковъ, потому что аинъ изъ одной уже ненависти не пойдетъ наниматься къ японцамъ въ работники, тѣмъ болѣе что онъ имѣетъ другого рода средства пріобрѣтать всѣ нужныя для

него вещи отъ манжуровъ. Остается выбрать среднее — не вмѣшиваться пока въ частныя отношенія японцевъ съ аинами, держа только первыхъ въ боязни, что, если они открыто начнутъ дурно поступать съ аинами и бить ихъ понапрасно, то аины придутъ жаловаться къ русскимъ и упросятъ заступиться за нихъ. Я и старался держаться этого невыгоднаго полусредства, невыгоднаго потому, что аины, несмотря на ласки наши, несмотря на то, что мы съ выгодою для нихъ покупаемъ приносимые ими продукты или мѣха, питаютъ недовѣріе къ намъ и можетъ быть досаду. Чтобы имъ удовлетворить, надо, если не перебить японцевъ, то по крайней мѣрѣ собрать всѣхъ аинскихъ старшинъ и японцевъ и объявить, что островъ Сахалинъ есть не японская, а русская земля, и потому аины объявляются свободнымъ народомъ, и что если японцы прибьютъ кого-нибудь изъ аиновъ, или отнимутъ насильно что-нибудь отъ нихъ, или заставятъ безъ условной платы работать, то я накажу японцевъ. Подобное объявленіе есть, какъ я выше объяснялъ, уничтоженіе рыбныхъ промысловъ для японцевъ, а по законамъ ихъ, такъ и полное изгнаніе съ Сахалина, если объявить его русскою землею. Если законы эти измѣнятъ, то со временемъ, разумѣется, японцы могутъ привозить работниковъ съ Мацмая. Но эти слова, «измѣнить законъ», не существуютъ въ словарѣ японскаго правительства. На японцевъ нашъ, такъ сказать, вооруженный нейтралитетъ имѣетъ только въ томъ отношеніи хорошее вліяніе, что они перестали думать, будто мы пришли съ намѣреніемъ ихъ прогнать съ острова и овладѣть имъ. Но въ будущемъ они видятъ неминуемое изгнаніе ихъ, несмотря ни на какія увѣщеванія и увѣренія наши. Одинъ изъ нихъ, со слезами на глазахъ, говорилъ нашему казаку, что худое время пришло для японцевъ. Они признаютъ, что русскіе добрый народъ, но понятно, мысль, что имъ придется, или оставить свои промыслы, или производить ихъ подъ присмотромъ, такъ сказать подъ глазами русскихъ, должна быть непріятна для нихъ. Итакъ, вотъ наши настоящія отношенія къ жителямъ Сахалина. Отношенія эти невыгодны и неудобны и потому продолжаться долго не могутъ; но трудно измѣнить ихъ, т.-е. принять рѣшительно чью-нибудь сторону изъ двухъ враждующихъ народовъ, или взять на себя строго дѣйствующую власть надъ обоими и тѣмъ, такъ сказать, сравнять ихъ, не дозволяя между собою рѣзаться; я полагаю, что подобныя дѣйствія наши были бы вредны, потому что они уничтожили бы всякую надежду и въ японцахъ и въ аинахъ на возвращеніе прежняго свободнаго быта. Къ этому я долженъ прибавить, что всѣ 13 японцевъ, живущихъ въ настоящее время въ Томари, — простые работники и, по словамъ аиновъ, неимѣющіе права

возвращаться на Мацмай, слѣд., вѣроятно они или преступники, или бывшіе по какому-либо случаю на чужой землѣ и за это изгнаны изъ отечества. Нѣкоторые изъ людей нашихъ говорятъ, что одинъ изъ этихъ японцевъ былъ въ Камчаткѣ и знаетъ по-русски; другіе утверждаютъ, что это неправда; сколько я ни старался вырвать отъ него признаніе, но не могъ. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни сдружились съ этими японцами, мнѣніе ихъ, конечно, слишкомъ мало уважается, чтобы имѣть замѣтное вліяніе на дѣйствія правительства Японіи.

VIII

Занятіе какой-либо страны предполагаетъ какую-нибудь цѣль, и цѣль эта обусловливаетъ средства, необходимыя для достиженія ея. Какая была цѣль правительства нашего при занятіи острова Сахалина, и какимъ путемъ предполагало оно достигнуть ея? — разрѣшеніе этого вопроса, конечно, должно служить правиломъ для дѣйствій Сахалинской экспедиціи. Цѣль занятія Сахалина не была высказана въ предписаніяхъ отъ правительства; было объяснено только, что право владѣнія островомъ предоставляется Р. А. К. {Т.-е. Росс. Амер. Компаніи.}. Средства, назначенныя ей отъ правительства, состояли изъ 100 ч. матросовъ камчатскаго экипажа, иркутскихъ, якутскихъ и камчатскихъ казаковъ и 50,000 р. с. денегъ. Компанія назначила отъ себя одно судно, матеріалы для построекъ и товару для торговли на 12 т. р. Экспедиція, предписаніемъ генерала-губернатора, подчинена была капитану 1-го ранга г. Невельскому, съ предоставленіемъ ему выбрать пункты для высадки. Насчетъ отношеній къ жителямъ острова, въ этомъ предписаніи, § 2-й, сказано: «Находящихся на южной части Сахалина японскихъ рыбаковъ не только не тревожить, но оказавъ имъ самое дружеское расположеніе, удостовѣрить, что мы занимаемъ островъ Сахалинъ въ огражденіе онаго отъ иностранцевъ и что съ нашею помощью и защитою, они, японцы, могутъ безопасно продолжать тамъ свой промыселъ и торговлю.

Мы стали въ главномъ японскомъ селеніи, между ихъ строеніями. Слѣдствіе выбора этого пункта показано выше, въ описаніи отношеній нашихъ съ японцами и аинами. Постараемся разобрать, какія причины могли побудить выборъ занятаго нами пункта. Я выше сказалъ, что въ предписаніяхъ насчетъ занятія острова, кромѣ выписаннаго выше параграфа, ничего не было сказано, никакой другой инструкціи для дѣйствій и цѣлей не дано; слѣд., начальнику экспедиціи приходилось руководствоваться тѣми данными, которыя ему удастся собрать на мѣстѣ, и такъ какъ дѣло шло о столкновеніи на островѣ съ японцами, то принять во вниманіе ихъ положеніе въ занимаемой странѣ и вообще все, что намъ извѣстно объ этомъ народѣ и его правительствѣ. Кромѣ этого надо было взять въ соображеніе то, что мнѣ могло быть извѣстно о нашихъ политическихъ отношеніяхъ къ Японіи. Данныя эти, сколько я знаю, были слѣдующія. — Сѣверной части Сахалина, гдѣ живутъ гиляки, было сдѣлано краткое описаніе лейтенантомъ Бошнякомъ еще во время зимней экспедиціи его въ этой странѣ для отысканія розсыпей каменнаго угля. Далѣе, къ югу отъ гиляковъ, кочуетъ

извѣстное намъ только по слуху племя ороковъ; за ними, южнѣе, начинаются жилища аиновъ и японцевъ. Отъ гиляковъ извѣстно было, что у японцевъ на Сахалинѣ крѣпости нѣтъ, что ихъ джонки приходятъ съ раннею весною, что ими начальствуетъ офицеръ, и что аины находятся въ работѣ у японцевъ, и поэтому не любятъ ихъ. Для полученія болѣе подробныхъ свѣдѣній былъ посланъ на Сахалинъ, до отправленія дессанта, офицеръ Орловъ съ предписаніемъ пройти до мыса Крильона и тамъ ожидать нашего судна. Но порученіе это по обстоятельствамъ не было исполнено. Объ Японіи, ея правительствѣ и силахъ извѣстно изъ соч. Головнина и другихъ писателей, — что государство это имѣетъ до 5,000,000 жителей, что управляется императоромъ съ властью неограниченною, что числительныя военныя силы его и матеріальныя средства велики, но что двухсотлѣтнее внутреннее спокойствіе, миръ съ сосѣдями и природная трусость дѣлаютъ Японію несравненно слабѣе даже самаго безсильнаго европейскаго государства и едва способною не только для нападеній, но для обороны своей земли противъ серьезной экспедиціи европейцевъ, и что, наконецъ, японскій флотъ чисто торговый и дурной постройки и потому неспособенъ къ защитѣ противъ нашихъ судовъ. Основной законъ этого государства есть неизмѣняемость, освященная временемъ и религіей государственныхъ постановленій. Главное изъ этихъ постановленій есть недопущеніе иностранцевъ въ Японію и японцевъ на чужую землю.

Это есть основаніе, такъ сказать, существованія государства и власти правительства его. Измѣненіе этого правила должно имѣть слѣдствіемъ коренной и полный переворотъ во внутреннемъ существованіи Японіи. Поэтому надо предполагать, что только сила можетъ заставить правительство Японіи измѣнить вышесказанный законъ. Но мирными средствами европейцы могутъ надѣяться получить дозволеніе присылать условленное количество судовъ въ Нангасаки, подвергаясь всѣмъ притѣснительнымъ мѣрамъ для торговли, которыя японцы наложили на голландцевъ. Вотъ все что можетъ знать и заключать офицеръ начальствующій экспедиціею. Что же касается до политическихъ отношеній Россіи къ Японіи, извѣстно, что дѣлались попытки, по случаю плѣна капитана Головнина, завести торговыя сношенія съ Японіею, но безуспѣшно. Въ настоящее же время посланъ въ Японію адмиралъ Путятинъ для переговоровъ съ ея правительствомъ, а американцы хотятъ силою заставить себѣ открыть порты. Ясно, что мысль занять Сахалинъ имѣетъ связь съ послѣдними обстоятельствами, ибо занятіе его полезно въ отношеніи завязанія торговли съ японцами и необходимо для

предупрежденія иностранцевъ овладѣть этимъ пунктомъ, находящимся на границѣ японскихъ и нашихъ владѣній. Сверхъ того, островъ этотъ по положенію своему служитъ дополненіемъ При-Амурскаго края, присоединеніе котораго такъ необходимо для Россіи. Рѣшившись занять Сахалинъ, правительство назначило совершить это подъ торговымъ флагомъ Р. А. К. — Это даетъ наружный видъ экспедиціи чисто торговый. Число людей, назначенное для экспедиціи показываетъ, что не предполагалось возможности военныхъ дѣйствій и необходимости защиты острова противъ Японіи или другой какой-либо политической націи. 100 человѣкъ эти назначались конечно для защиты нашего торговаго поселенія отъ туземныхъ дикарей или японскихъ рыбаковъ, и число это слишкомъ достаточно для достиженія этой цѣли. Слѣдовательно, при выборѣ пункта слѣдовало руководствоваться не тою мыслью, чтобы силою принудить японское правительство уступить намъ островъ, съ разсчетомъ, что необходимость заставитъ ихъ пріѣзжать на промыслы на русскую землю Сахалина, и слѣд. противъ воли завести съ нами прямыя сношенія. Выборъ пункта съ подобнымъ разсчетомъ не соотвѣтствовалъ ни предполагаемымъ намѣреніямъ правительства, ни средствамъ экспедиціи. Если намѣреніе правительства было не возбуждать противъ насъ японскаго правительства, съ которымъ ведутся переговоры, то не слѣдовало становиться въ центрѣ рыбныхъ промысловъ японцевъ и тѣмъ такъ прямо задѣть одинъ изъ самыхъ важныхъ интересовъ ихъ. Если же надо было дѣйствовать рѣшительно и открыто, не заботясь о возможности попытокъ японскаго правительства удержать за собою островъ, пославъ на него военную силу, то тогда средства, которыми располагаетъ экспедиція, конечно недостаточны, какъ бы ни были трусливы японцы, которые, и именно поэтому, если разрѣшатся защищать островъ, то постараются замѣнить храбрость многочисленностью.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ, въ чемъ состоятъ наши военныя средства, — 60 матросовъ и казаковъ, изъ которыхъ большая часть не только не стрѣляли изъ ружья, но даже не держали его въ рукахъ, изъ 8 неподвижныхъ корабельныхъ пушекъ съ сотнею ядеръ и изъ одной четырехвесельной шлюпки. Для постройки жилищъ и укрѣпленія — два осеннихъ мѣсяца да четыре — суровой зимы. Къ этому должно было быть еще принято во вниманіе извѣстное намъ обстоятельство, что правительство Японіи увѣдомлено о нашемъ приходѣ и силахъ, и что суда наши не могутъ предупредить японскихъ — послѣднее обстоятельство не могло и не должно было быть неизвѣстнымъ начальнику экспедиціи. Поэтому, мысль, при выборѣ пунктическаго ключа

позиціи, для отнятія острова силою отъ японцевъ, была завладѣть центромъ ихъ промышленности и главнымъ селеніемъ, служащимъ мѣстопребываніемъ чиновниковъ ихъ правительства. Ключъ позиціи нашей на Сахалинѣ есть тотъ пунктъ, занятіе котораго не могло бы тревожить японскихъ рыбаковъ, но который былъ достаточно близокъ къ нимъ, чтобы дѣйствіемъ торговли и частыхъ сношеній повелъ бы съ неукоснительному распространенію нашего вліянія на весь островъ и на завязаніе торговли съ самими японцами. Пунктъ этотъ есть какое бы-то ни было мѣсто, находящееся въ двухъ и трехсуточномъ переходѣ отъ послѣдняго къ сѣверу поселенія японцевъ. Занятіе селенія Нойоро или устья р. Кусуной повидимому лучше всего повело бы насъ къ предположенной цѣли. Мѣста эти находятся на границѣ трехъ племенъ населяющихъ островъ: гиляковъ, ороковъ и аиновъ, и находятся въ 2-хъ или 3-хъ суточныхъ переходахъ отъ Малки, одного изъ главныхъ селеній японцевъ. Пункты эти, поэтому самому, выбраны манжурами и гиляками, какъ мѣста мѣны съ аинами и японцами. Слѣд., ставъ тамъ, мы бы владѣли центромъ торговли, и конечно присутствіе наше имѣло бы рѣшительное вліяніе надъ всѣми туземцами, а частыя сношенія съ японцами исподоволь приготовили бы народъ этотъ и правительство къ открытію торговли съ нами. Я не знаю еще мѣстности этихъ пунктовъ. Въ морскомъ отношеніи мы можемъ выбирать только мѣсто, гдѣ суда наши могли бы съ удобностью разгружаться, потому что закрытыхъ гаваней или бухтъ удобныхъ для стоянки большихъ судовъ на Сахалинѣ нѣтъ. Всѣ бухты его осмотрѣны, но обыкновенно онѣ имѣютъ на высотѣ мысовъ глубину достаточную развѣ только для японскихъ джонокъ. Бухта Томари также имѣетъ невыгоду, почему корабль „Николай“, несмотря на все стараніе капитана Невельского, оставался по крайней мѣрѣ на милю отъ высоты мысовъ. Она открыта южнымъ и Ю + З вѣтрамъ, преимущественно дующимъ здѣсь. Черезъ разспросы казаковъ, бывшихъ въ экспедиціи съ г. Орловымъ и видѣвшихъ мѣста р. Кусуной, я узналъ, что мѣста эти превосходны, весьма богаты и очень удобны для поселенія. Глубина моря противъ устья р. Кусуной приближается настолько къ берегу, что судно можетъ стоять также близко къ нему, какъ и къ берегамъ бухты Томари. Рѣка сама судоходна. Не могу ручаться, чтобъ свѣдѣнія эти были бы вѣрны, но я убѣжденъ, что и въ морскомъ отношеніи, конечно, есть мѣста въ тамошнемъ краѣ, которыя не имѣютъ болѣе неудобствъ, какъ выбранная нами бухта Томари. Выборъ устья Кусуной или другого какого-либо мѣста въ этомъ краю не возбудилъ бы непріязни къ намъ японцевъ, потому что они могли бы продолжать по прежнему производить свои промыслы, не

подвергаясь безпрерывнымъ столкновеніямъ съ вами по поводу аиновъ и вмѣшательствъ съ нашей стороны во внутреннюю, такъ сказать, жизнь ихъ промысловъ, вмѣшательствъ, которыя въ настоящемъ нашемъ положеніи невозможно будетъ устранить, когда японскія джонки навезутъ множество людей (по свѣдѣніямъ, оно должно простираться — до 500 человѣкъ).

Итакъ, по моему мнѣнію, и цѣль и средства наши должны были рѣшить выборъ пункта не въ военномъ отношеніи, а по успѣху мирнаго вліянія нашего, какъ на туземцевъ, такъ и на японцевъ. Для защиты жителей острова противъ другихъ націй, все равно, какой пунктъ ни займемъ, не сила 60-ти человѣкъ защититъ его отъ нихъ, а флагъ, находящійся подъ покровительствомъ нашего правительства.

Руководствуясь мыслью овладѣть островомъ чрезъ занятіе ключа обороны острова и командованія японскими промышленными заведеніями, начальникъ экспедиціи при выборѣ мѣста имѣлъ въ виду выгоды и удобства укрѣпленія его тѣми средствами, которыми экспедиція располагала, т.-е. 60-ю ч. и 8-ю орудіями. Для этого назначенія можно занять строеніями нашими вершину и отлогость южнаго мыса бухты Томари слѣдующимъ образомъ: у подошвы мыса течетъ ручей, за нимъ идетъ ровная, гладкая площадь шириною саженей двѣсти и глубиною около версты; площадь эта окружена со всѣхъ сторонъ высокими холмами; отрасль ихъ, противоположная высотамъ мыса южнаго и идущая въ серединѣ бухты, отдѣляетъ описанную площадь отъ другой подобной же площади, ограниченной высотами сѣвернаго мыса. Южный склонъ этихъ холмовъ, раздѣляющихъ всю длину бухты на двѣ почти равныя площади и расположенный къ нашимъ строеніямъ, занятъ жилищами японскихъ и аинскихъ работниковъ и домомъ главнаго ихъ начальника. Отлогость мыса, занимаемаго нами, имѣетъ три искусственныя площадки или ступени, изъ которыхъ двѣ верхнія заняты японскими сараями. Вершина мыса свободна отъ ихъ построекъ, потому что три магазина ихъ, разбросанные по гребню высокаго берега устья, оставляютъ еще просторную площадку.

Капитанъ Невельской назначилъ поставить одну баттарею изъ 4-хъ орудій на первой половинѣ мыса, слѣд., имѣя надъ головами застроенныя двѣ и три площадки и другую на верхней площадкѣ мыса. Разстояніе между баттареями до 40 саж. Нижняя площадка составляетъ квадратъ въ 11 саженъ. Западная сторона его обращена въ морю, отстоя въ вышину отъ поверхности его на 9 саженъ. Лѣвая ограничивается уступомъ второй площадки, имѣющемъ вышины до 4-хъ аршинъ; правая ограничивается довольно крутымъ сходомъ на площадку, у самаго подножія схода

течетъ ручей, пробѣгающій изъ отдаленной глубины долины, наконецъ задняя сторона застроена японскими магазинами. Итакъ, площадка эта, командуемая двумя врытыми площадками мыса и кругомъ обстроенная магазинами, можетъ быть не иначе укрѣплена какъ будучи соединена непосредственно стѣною съ строеніями верхней баттареи, а это потребовало бы огромнаго количества лѣсу, да и протяженіе сторонъ ограды простиралось бы до 170-ти саженъ, — линія, которая не можетъ быть обороняема 65 ч., т.-е. одной бойницей на 3 1/2 саж. длины. Кромѣ того, окруживъ стѣною японскіе магазины мы не могли бы оставить ихъ хозяевамъ — они должны были быть непремѣнно уступлены намъ, значитъ, еще было бы новое притѣсненіе имъ. Воду единственно можно только доставать изъ небольшого ручья, который можетъ быть всегда легко вдали отъ насъ отведенъ въ одинъ изъ многихъ ручьевъ текущихъ по долинѣ. Чтобы доставать воду колодезную, для этого надобно включить въ позицію нашу часть низменной площади, значитъ еще болѣе растянуть ее. Если предположить, что цѣль баттарей единственно состоитъ въ защитѣ входа въ бухту и командованія строеніями селенія Томари, тогда позиція баттарей нашихъ хороша. Но къ чему японскимъ судамъ входить въ Томари, когда они могутъ пристать, какъ и дѣлаютъ, въ различныхъ мѣстахъ залива Анивы и берега Татарскаго пролива. Съ какой стати они соберутся въ строенія, находящіяся подъ нашими выстрѣлами, если ихъ строенія разбросаны по двадцати селеніямъ. Итакъ, мѣсто, выбранное для вашего расположенія, не можетъ препятствовать привозу на островъ ни людей, ни оружія, ни пушекъ. Расположеніе это не соотвѣтствуетъ ни числу имѣющихся рукъ для укрѣпленія его, ни для защиты, а наконецъ и самая вода находится не въ расположеніи нашемъ, а только подъ выстрѣлами его, да и всегда можетъ быть отведена. А безопасность поста возможна только при условіи, чтобы крейсерствомъ судовъ нашихъ не допустить японцевъ выдти на берегъ Сахалина въ большихъ силахъ. Но крейсерство это можетъ отправиться не ранѣе конца апрѣля или начала мая, а для японскихъ судовъ Сахалинъ открытъ уже въ мартѣ мѣсяцѣ. Слѣдовательно, успѣхъ нашего поселенія можетъ только разсчитывать на нерѣшительность и трусость японскаго правительства отнять у 90-ти ч. русскихъ главный источникъ продовольствія всего государства. Я не знаю характера японскаго правительства и потому не берусь судить о томъ, какъ оно будетъ дѣйствовать въ настоящемъ обстоятельствѣ. Что же касается до сравненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ занятіе на Сахалинѣ селенія Томари, и заселеній, дѣланныхъ въ земляхъ гиляковъ и другихъ племенъ Приамурскаго края, то должно признать, что

обстоятельства эти совершенно различны. Тамъ прибытіе русскихъ не влечетъ за собою никакой существенной перемѣны, чтобы вооружить противъ нихъ даже и тѣхъ, которые теряютъ какія-нибудь ничтожныя выгоды. Торговля русскихъ въ Приамурскомъ краѣ выгодна вообще для населенія, и только нѣсколько манжурскихъ торговцевъ, пріѣзжающихъ туда, терпятъ можетъ быть отъ соревнованія съ русскими. Но потеря барышей нѣсколькихъ мелкихъ манжурскихъ купцовъ не можетъ возбудить опасенія для Китая въ такой степени, чтобы шаткое правительство его рѣшилось противодѣйствовать. На Сахалинѣ мы отняли отъ Японіи одинъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ продовольствія цѣлаго населенія ея, и потому потеря береговъ залива Анивы важнѣе для Японіи, чѣмъ потеря всего Приамурскаго края для Китая.

Выше я описалъ характеръ торговли туземцевъ Сахалина и пріѣзжающихъ туда манжурско-амурскихъ гиляковъ. Я признаюсь, что о подробности и выгодѣ этой торговли я еще не могъ собрать достовѣрныхъ свѣдѣній. Многіе же аины и японцы видимо обманываютъ насъ; при отвѣтахъ ихъ столько противорѣчій, что трудно узнать, кто говоритъ истину. Но вотъ что можно утвердительно сказать объ этой торговлѣ.

Взаимная мѣна производится въ южной части Сахалина между японцами, аинами, манжурами и гиляками. Японцы отбираютъ пушный товаръ отъ аиновъ, произвольно платя на него, преимущественно выдръ и лисицъ, и вымѣниваютъ ихъ манжурамъ, пріѣзжающимъ лѣтомъ въ Сирануси, на шелковыя матеріи, моржевые зубы и орлиные хвосты. Японская торговля есть, какъ я выше сказалъ, спекуляція ихъ начальника и потому вѣроятно производится въ маломъ размѣрѣ. Они берутъ отъ аиновъ также и соболей для мѣны съ манжурами, а бѣлокъ скупаютъ собственно для себя. Манжуры — главные торговцы на Сахалинѣ; Они снпбжаютъ жителей халатами изъ дабы, различныхъ цвѣтовъ, ножами, деревянною и мѣдною посудою, трубками, различными украшеніями изъ серебра, стекла и камней, и наконецъ соболями, такъ дорого цѣнимыми аинами. Вино и табакъ ихъ, покупаемые прежде всѣми аинами, какъ кажется, расходятся теперь только между сѣверными аинами, южные же получаютъ эти предметы отъ японцевъ, точно также и часть одежды и посуды. Манжуры берутъ отъ аиновъ за свои товары выдръ, соболей, лисицъ и бѣлокъ. Относительная цѣна ихъ слѣдующая: за выдру даютъ 10 ручныхъ саженей синей даби, т.-е. около 25-ти аршинъ. Всякая четверть по длинѣ выдры стоитъ одного соболя, т.-е. если выдра въ 5 четвертей длины, то она равна въ цѣнѣ 5-ти соболямъ и потому за соболя аинъ получаетъ

отъ манжура 2 саж. дабы и никогда болѣе 3-хъ. Цѣнъ лисицамъ я не знаю, но 3 бѣлки цѣнятся японцами равными 1 соболю. Изъ этого видно, что самая выгодная мѣна для русскихъ есть мѣна на соболей, и потому очень легко будетъ соблюдать выгоды, не нарушивъ интересовъ манжуровъ и японцевъ, предпочтительно покупающихъ выдръ и бѣлокъ. Какъ велика промышленность туземцевъ на Сахалинѣ, трудно еще опредѣлить, тѣмъ болѣе что мы находимся въ краѣ наименѣе изобилующемъ пушными звѣрями, да и аины еще и не рѣшаются открыто начать съ нами мѣну, что показываетъ малое число пушныхъ промѣненныхъ имъ намъ, — 20 соболей, 9 выдръ, 3 лисицы и нѣсколько бѣлокъ. За соболей мы платили значительно дороже манжуръ, но за выдръ и бѣлокъ дешевле; о качествѣ пушныхъ звѣрей я не съумѣю судить, но по словамъ якутскихъ казаковъ есть между соболями такіе, которые цѣнятся до 25 р. и даже до 30-ти на ярмаркѣ въ Якутскѣ. За то есть и такіе, которые мало отличаются отъ куницъ. Гиляки, пріѣзжающіе на мѣну съ аинами, такіе же торгаши, какъ и манжуры, съ тою разницею только, что они дѣлаютъ двойной оборотъ, скупая мѣха на товары, купленные ими или отъ самихъ манжуръ, или отъ русскихъ въ Петровскѣ; впрочемъ я не берусь разъяснить обороты ихъ, но я думаю, что это такъ, и потому, что аины часто говорятъ: „Сумера и Сати у непоті“; т.-е. манжуру и гиляку все равно. Бобровъ ни морскихъ, ни рѣчныхъ въ мѣнѣ никогда нѣтъ. Можетъ быть звѣрь этотъ существуетъ, въ особенности рѣчной, потому что аины, видя мой бобровый воротникъ, на вопросъ, какъ называется этотъ мѣхъ, назвали его тусъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ одни говорятъ, что онъ есть на Сахалинѣ, другіе говорятъ противное. Мой воротникъ старъ и нехорошъ, потому вѣроятно видъ его сбиваетъ ихъ насчетъ мѣха.

IX

7-го января, пріѣхалъ джанчи селенія Нойоро, Сетокуреро. Его пріѣздъ и поведеніе въ селеніи нашемъ съ нами и японцами еще болѣе разъяснило мнѣ справедливость нѣкоторыхъ мыслей, выраженныхъ выше. Письмо, привезенное имъ отъ Рудановскаго съ р. Мануи объяснило цѣль поѣздки Сетокуреро (имя джанчина). Цѣль эта одна у всѣхъ пріѣзжавшихъ хо мнѣ гостей аиновъ — получить подарки. Сетокуреро отличался только тѣмъ, что имѣлъ претензію на богатые подарки, на что онъ конечно имѣлъ основаніе болѣе надѣяться, чѣмъ другіе джанчины, потому что оказалъ русскимъ услуги, да и считается какъ бы старшимъ изъ всѣхъ старшинъ. Съ нимъ пріѣхало около 20-ты аиновъ разныхъ сѣверныхъ селеній, на 10-ты нартахъ. Одинъ гилякъ, оставленный въ селеніи Нойора извѣстнымъ въ Петровскѣ торгашомъ Позвейномъ, по болѣзни своей, пріѣхалъ тоже въ Томари. Японцы сказали намъ, что это еще первый гилякъ, который пріѣхалъ въ мѣста занятыя ими. Присутствіе русскихъ уже начинаетъ производить переворотъ, котораго конецъ легко предвидѣть, какъ я уже доказывалъ выше. Вскорѣ послѣ своего пріѣзда, Сетокуреро спросилъ у Дьячкова, можетъ ли онъ посѣтить русскаго джанчина, и получивъ утвердительный отвѣтъ, явился во мнѣ въ сопровожденіи всѣхъ, пріѣхавшихъ съ нимъ аиновъ и гиляка. Я принялъ джанчина съ почетомъ, усадивъ его на медвѣжьей шкурѣ. Вся комната моя наполнилась аинами. Снявъ обувь, они усѣлись на полъ: старшіе по бокамъ, джанчина, младшіе сзади его. Я сѣлъ противъ гостей моихъ на столбикѣ.

Сцена эта очень похожа била на картины, представляющія прибитіе европейцевъ въ Америку. Разсматривая лица и выраженія черныхъ глазъ пріѣхавшихъ во мнѣ аиновъ, я невольно замѣтилъ большую разность между ними и аинами окружающихъ насъ селеній. Красивыя, здоровыя лица, густые волосы, прямые, открытые взоры, ясно отличали болѣе независимыхъ аиновъ сѣверныхъ селеній отъ ихъ единоплеменниковъ сосѣдей нашихъ, болѣзненныя лица которыхъ, изуродованныя золотушными и венерическими ранами и потерею волосъ, носить отпечатокъ на себѣ близкаго сношенія съ японцами, деспотизмъ которыхъ пріучилъ рабовъ своихъ къ лукаво-раболѣпной услужливости, которая такъ ясно выражается въ глазахъ, старающихся всегда избѣгать взглядовъ вашихъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, состоящихъ, какъ извѣстно, изъ наклоненія головъ и подыманія рукъ, началось угощеніе рисомъ, рыбою, изюмомъ, виномъ и чаемъ. Джанчинъ произнесъ длинную рѣчь, послѣ него другой

аинъ началъ, и несмотря на то, что, какъ казалось, нѣкоторые не были довольны его рѣчью, онъ продолжалъ ее. Изъ рѣчей этихъ я и переводчикъ мой, казакъ Дьячковъ, могли только понять, что дѣло идетъ о японцахъ, о пріѣздѣ ихъ джанчина и приходѣ русскихъ на Сахалинъ. Жаль, что я не могъ понять рѣчи Сетокуреро. Судя по умнымъ глазамъ его и живости жестовъ, рѣчь эта должна быть интересная и умная. Послѣ рѣчей наступила минута общаго молчанія, и замѣтно было, что чего-то ожидаютъ мои гости. Мнѣ не трудно было отгадать, что цѣль ожиданія были подарки. Я приказалъ принести ихъ и началъ раздачу. Сетокуреро получилъ ручную сажень краснаго тонкаго сукна и большую шерстяную шаль, другіе старшины получили по одѣялу и шелковому небольшому платку, и наконецъ аины, неимѣющіе претензіи на джанчиновъ, по матроской байковой синей рубашкѣ. Кончивъ раздачу, я сказалъ СетокурерѢ, что очень радъ его видѣть и что мнѣ пріятно знать, что онъ любитъ русскихъ, что мы пришли въ землю аиновъ съ намѣреніемъ дружно жить съ ними, но что не желаемъ ссориться и съ японцами, съ императоромъ которыхъ ведемъ теперь переговоры, и что потому, пока я не получу отвѣта съ Мацмая, я не желалъ бы вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ аинами и прошу поэтому аиновъ по прежнему работать для японцевъ. Потомъ сказалъ ему, что такъ какъ онъ пріѣхалъ во мнѣ въ гости, то я желаю ему дать все нужное для ихъ пищи. Мы простились и я послалъ въ юрту, занятую пріѣхавшими аинами — рису, яшной крупы, табаку, чаю и сахару. Сетокуреро былъ принятъ японцами то же съ большимъ уваженіемъ. Дьячковъ, присутствовавшій при этомъ пріемѣ, разсказываетъ, что посадивъ Сетокуреро на почетное мѣсто и угостивъ его виномъ, японцы съ знаками уваженія выслушали рѣчь его, въ которой онъ совѣтовалъ имъ не обращаться теперь худо съ аинами, когда русскіе пришли въ землю ихъ. Японцы то же дали аинамъ рису и водки. Итакъ, пріемъ, сдѣланный СетокурерѢ казалось долженъ былъ бы удовлетворить его, но въ сожалѣнію пріемъ этотъ возбудилъ въ дикарѣ смѣлость на безпрестанныя выпрашиванія подарковъ и припасовъ отъ насъ и на грубое обращеніе съ японцами. Въ ежедневныхъ посѣщеніяхъ его, онъ всякій разъ выпрашивалъ что-нибудь, такъ что уже на 80 р. было выдано ему и свитѣ его. Къ японцамъ же онъ ходилъ собственно для того, чтобы требовать вина отъ нихъ, къ которому онъ, повидимому, имѣетъ большую страсть. Разъ онъ привелъ съ собою въ намъ гиляка и посадилъ его подлѣ себя. Японцы, которымъ не позволено принимать въ себѣ гиляковъ, просили меня, чтобы я запретилъ гиляку ходить въ нимъ.

Пріѣздъ гиляка въ Томари былъ очень полезенъ для насъ; я

нашелъ въ немъ проводника для почты до самаго Петровскаго зимовья. Онъ, конечно, былъ радъ случаю воротиться домой въ себѣ на готовой пищѣ и нашихъ собакахъ и получить еще плату. Я имѣлъ только одну нарту въ 10 собакъ, предполагая вторую нарту нанять вмѣстѣ съ проводникомъ. По теперь, когда проводникомъ былъ сдѣланъ гилякъ, неимѣющій собственной нарты, я принужденъ былъ купить еще 8 собакъ съ помощью Сетокуреры, который приказалъ своимъ аинамъ отдать отъ всякой нарты по одной собакѣ. Почтѣ назначено было выѣхать **10-го января**, въ субботу, но какъ я ни старался приготовить письма и бумаги въ этому дню, многое еще не было кончено, благодаря частымъ посѣщеніямъ аиновъ. Наконецъ въ воскресенье, скрывшись изъ моего дому въ квартиру Рудановскаго, я тамъ кончилъ на скорую руку письменныя дѣла и послѣ обѣда отправилъ Самарина съ матросами Ларіоновымъ и Носовымъ и съ проводникомъ гилякомъ по дорогѣ къ р. Сусуѣ. Японцы, которые навѣрно не знали куда ѣдетъ Самаринъ, вышли посмотрѣть на его поѣздъ. Сетокуреро пришелъ вечеромъ ко мнѣ, чтобы сказать, что онъ самъ хочетъ на другой день ѣхать въ Нойоро. Я радовался этому потому, что надѣялся, онъ догонитъ Самарина, и такъ какъ послѣднему приказано непремѣнно заѣхать въ Нойоро, чтобы взять тамъ описи Ю.-З. берега отъ Рудановскаго, то значитъ Сетокуреро можетъ ему служить хорошимъ помощникомъ до своего селенія. На другой день Сетокуреро пришелъ рано утромъ проститься со иною. Мы простились и я еще далъ кое-какія бездѣлицы его сыновьямъ и купилъ нѣсколько соболей. Конечно, на прощанье я угостилъ виномъ аиновъ. Отъ меня Сетокуреро, снабженный нашими припасами на дорогу, отправился въ японцамъ. Японцы тотчасъ поднесли ему чашку вина. Онъ выпилъ, спросилъ другую, а потомъ и третью. Опьянѣвъ совершенно, онъ началъ ругать Мару-Яму, старшаго изъ японцевъ. Тотъ въ отвѣтъ на брань ударилъ его желѣзными щипцами по головѣ и ранилъ его до крови. Узнавъ объ этой ссорѣ, казакъ Дьячковъ тотчасъ побѣжалъ въ японцамъ и засталъ у нихъ многихъ аиновъ. Разспросивъ о случившемся, онъ совѣтовалъ японцамъ, чтобы они подарили что-нибудь СетокурерѢ, уговоривъ его не жаловаться мнѣ. Нару-Яма тотчасъ же пошелъ къ СетокурерѢ въ домъ и подарилъ ему японскую рубашку, два куля рису и боченокъ водки, прося его не идти жаловаться въ русскому джанчину. Но уже мнѣ дали знать. Разспросивъ Дьячкова, какъ было дѣло, и узнавъ, что Сетокуреро пьянъ и что Мару-Яма не совсѣмъ трезвъ, я послалъ сказать разсорившимся, чтобы они легли выспаться и чтобы на другое утро пришли оба ко мнѣ для объясненій. Сетокуреро все какъ его сыновья уложили. На другой

день явился во мнѣ любимецъ мой Асануя съ однимъ японцемъ и Сетокуреро съ старшинами селеній Кусуной и Сежерани и съ своими 4-мя сыновьями. Голова его была подвязана. Усадивъ ихъ, я сказалъ имъ черезъ Дьячкова, что я желалъ бы не вмѣшиваться въ дѣла японцевъ съ аинами, но могу это исполнить только тогда, когда японцы не будутъ притѣснять послѣднихъ, въ особенности тѣхъ, которые расположены и служатъ русскимъ; что въ Нойорѣ джанче оказалъ русскимъ услугу и что онъ пріѣхалъ въ гости въ нимъ, и потому кто обидитъ его, тотъ обидитъ и русскихъ; и поэтому, когда я узналъ, что Мару-Яма ударилъ Сетокуреро, а хотѣлъ тотчасъ же строго разобрать дѣло, но узнавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что Сетокуреро былъ пьянъ, что его хорошо и съ особымъ уваженіемъ принимали японцы и что онъ напившись пьянъ началъ ругать Мару-Яму — поэтому я считаю Сетокуреро виновнымъ; но все-таки считаю, что Мару-Яма дурно поступилъ, ударивъ его вмѣсто того, чтобы пожаловаться мнѣ, и потому назначаю ему заплатить СетокурерЬ столько, чтобы послѣдній самъ пришелъ бы сказать мнѣ, что онъ доволенъ и забываетъ обиду. Съ этимъ я ихъ выпроводилъ отъ себя, сказавъ еще наединѣ Асануѣ, что мнѣ непріятно вмѣшиваться въ дѣла ихъ съ аинами, но что я не могу терпѣть, чтобы японцы били аиновъ, пользующихся уваженіемъ и въ особенности тѣхъ, которые пріѣзжаютъ къ русскимъ, и что поэтому я непремѣнно требую, чтобы плата была дана Мару-Ямой хорошая, и что если этого не будетъ или подобное дѣло еще разъ случится, прибавилъ я строгимъ голосомъ, то чтобы японцы знали, что между нами мирныя и дружелюбныя отношенія тотчасъ кончатся. Черезъ часъ ко мнѣ явился Сетокуреро, въ сопровожденіи всѣхъ своихъ аиновъ, объявить, что онъ удовлетворенъ. Онъ получилъ еще боченокъ вина, два куля рису и много табаку, и, какъ мнѣ передалъ Дьячковъ, сказалъ при этомъ, что ударъ по головѣ пришелся выгоднымъ ему. Мы снова простились и я взялъ обѣщаніе съ него, что онъ постарается догнать Самарина и поможетъ ему если нужно. Я послалъ съ нимъ на всякій случай письмо къ Рудановскому и Самарину. Такъ кончилось посѣщеніе Сетокурера, посѣщеніе, ясно показавшее, что аины будутъ всегда причиною раздора съ японцами.

14-го января, я отправился на лыжахъ съ Дьячковымъ осматривать наши окрестности. Спустившись отъ моего дома на ю.-в., я увидѣлъ, что недалеко отъ нашихъ строеній возвышенность, на которой они стоятъ, круто спускается параллельно берегу. У подошвы этого спуска бѣжитъ ручеекъ, впадающій въ нашу рѣчку. По другую сторону ручейка опять крутой всходъ на параллельную берегу вѣтвь горы, но которая

выше нашей площадки. По другую сторону этой вѣтви находится еще другая, такая же лощина съ ручьемъ и горы противоположнаго берега его еще выше описанной вѣтви.

На югѣ лощины эти ограничиваются хребтомъ, идущимъ перпендикулярно берегу. Глубина лощинъ этихъ, отъ рѣчки омывающей нашу нижнюю баттарею и принимающую ручьи ихъ, менѣе версты. Всѣ горы покрыты густымъ мелкимъ лѣсомъ, начинающимся отъ строеній нашихъ въ саженяхъ 15-ти. Надо будетъ вырубить лѣсъ этотъ до половины спуска; а уже началъ вырубку по направленію въ югу, но теперь нѣтъ рабочихъ рукъ на эту работу.

15-го числа, а уходилъ далеко на лыжахъ съ Дьячковымъ, по направленію къ востоку. Предполагая еще разъ посѣтить тѣ окрестности, чтобы открыть выходъ во внутреннія долины, а оставилъ описаніе этого до будущаго времени.

17-го числа. Сегодня пришелъ во мнѣ, въ 1-мъ часу утра, японецъ Асануа и аинъ Испонку приглашать на праздникъ, къ которому японцы уже давно готовились, часто повторяя мнѣ:- «Сизамъ анъ поро-итзине» (у японцевъ будетъ большой праздникъ). Не надѣясь на японскую кухню и не желая сидѣть у нихъ голоднымъ, а предложилъ Асануѣ, чтобы онъ пошелъ сказать Мару-Ямѣ, что черезъ часъ и приду въ нему; Асануа, бывшій уже не много навеселѣ, никакъ не хотѣлъ вернуться на праздникъ безъ меня. Я приказалъ подавать обѣдъ и угостивъ своихъ гостей, отправился съ ними къ японскій домъ, взявъ съ собою Теленова и Дьячкова. Входъ въ него былъ обсаженъ елками. Войдя во внутренность, а увидѣлъ, что и тамъ все было убрано по праздничному. Посреднѣ пріемной залы поставлено было большое дерево, обвѣшанное продолговатыми бумажками съ надписями. Ширмы угловой комнаты, принадлежащей Мару-Ямѣ, были сняты, такъ что она была открыта во всю ширину свою. У задней стѣны сидѣлъ Мару-Яма. Я вошелъ къ нему въ комнату. Поздоровавшись съ нимъ и усѣвшись на полъ подлѣ очага а съ любопытствомъ и удовольствіемъ разсматривалъ украшенія комнаты. Удивительная чистота ея поразительна. Стѣны покрыты обоями съ золотистымъ отблескомъ. У задней стѣны поставлены бумажныя ширмы съ рисунками, правда, неискусными, но за то чисто отдѣланными. Свѣтъ проходитъ въ комнату черезъ бумажныя окна, задвигающіяся снизу вверхъ. Бумага наклеена на тонкомъ и частомъ переплетѣ изъ дерева. Полъ устланъ соломенными циновками удивительной бѣлизны и чистоты. Каждая циновка обшита по краямъ синею матеріею. По стѣнамъ на полкахъ, на высотѣ аршинъ 4-хъ отъ полу, разложены были куличи изъ рисоваго тѣста. Куличи эти круглые, составлены изъ

нѣсколькихъ слоевъ, правильно уменьшающіяся въ вершинѣ. Надъ каждымъ куличемъ прибита была бумажка съ надписью. Я спросилъ, что именно написано на этихъ бумажкахъ, и узналъ отъ Мару-Ямы, что всѣ куличи эти назначены патронамъ всѣхъ селеній, занимаемыхъ японцами на Сахалинѣ, и что на бумажкахъ надписаны названія селеній. Въ правомъ углу сдѣлано углубленіе въ стѣнѣ, въ которомъ помѣщенъ жертвенникъ изъ кипариснаго дерева, на подобіе вашихъ кіотовъ. Передъ жертвенникомъ стояло множество куличей и на большомъ блюдѣ двѣ рыбы съ выгнутыми вверхъ головами и хвостами.

Мару-Яма сидѣлъ въ лѣвомъ углу, по обыкновенію на полу, поджавъ подъ себя ноги колѣнями впередъ. Передъ нимъ стоялъ четвероугольный деревянный ящикъ, вышиною около аршина, насыпанный до полна мелкимъ пескомъ. На немъ наложены были горячіе угли. У входа въ комнату поставленъ былъ такой же ящикъ для пришедшихъ со мною Теленова и Дьячкова. Всѣ японцы были одѣты по праздничному, т.-е. имѣли на себѣ отъ 5-ти до 7-ми халатовъ изъ темныхъ бумажныхъ матерій на шелковой подкладкѣ. Эта роскошь, въ простыхъ рыбакахъ, можетъ объясниться только особенными выгодами, которыя они могутъ извлекать отъ сношеній съ аинами, и, можетъ быть, хорошею платою за промыслы въ отдаленномъ краѣ отъ любимаго ихъ главнаго острова Нипона. Нижняго платья, кромѣ чулковъ, а иногда узкихъ нанковыхъ панталоновъ, японцы не носятъ, такъ что развязавъ поясъ, опоясывающій халаты, японецъ въ одну минуту представится въ одеждѣ праотца Адама. Поясы у нѣкоторыхъ изъ шелковой матеріи, у другихъ изъ бумажной. Одинъ японецъ имѣлъ поясъ изъ чернаго сукна, который мы ему подарили. Сверхъ халатовъ надѣвается кофточка съ широкими рукавами, сшитыми напередъ до поло^вины, такъ что отъ мѣста, гдѣ выходитъ рука, рукавъ виситъ на подобіе мѣшка. Японцы, выходя изъ дому, всовываютъ руки въ эти мѣшки, подавая локти назадъ, и это даетъ имъ довольно смѣшной видъ. Вообще одежда ихъ не мужественна и очень неудобна для холодной сахалинской зимы. Шея и часть груди совершенно ничѣмъ не прикрыты. Бритыя головы свои они тоже рѣдко прикрываютъ.

Когда я усѣлся у очага, началось угощеніе. При приходѣ моемъ, толстый Мару-Яма уже сидѣлъ посереди множества чашекъ, бутылокъ, подносовъ и проч., наполненныхъ различными кушаньями и напитками. Чтобы достойно угостить меня, нанесли еще различныхъ сластей и конфектъ. Красивая лаковая посуда и необыкновенная чистота и порядокъ можетъ возбудить аппетитъ и въ ситомъ человѣкѣ. Мнѣ подали на деревянномъ подносикѣ, покрытомъ краснымъ лакомъ, блестящимъ какъ зеркало, пять

такихъ чашекъ, имѣющихъ видъ полоскательныхъ чайныхъ чашекъ, только меньшей формы, вмѣщающихъ въ себя не болѣе полутора стакана. Чашечки эти были прикрыты крышками. Они наполнены были различными кушаньями, приготовленными съ большимъ вкусомъ изъ рыбы, раковинъ, китовины, зелени и рису. Еслибы я не былъ ситъ, то конечно я охотно бы все съѣлъ, что мнѣ подали. Теленову и Дьячкову подали такіе же подносы, но только чернаго цвѣта. Вино теплое и холодное подавая въ таковыхъ же чашечкахъ съ золотыми рисунками деревьевъ и цвѣтовъ. Чашечки эти вкладываются одна въ другую и потомъ вставляются въ четырехугольную подставку съ углубленіемъ на верхней сторонѣ для помѣщенія ихъ. Подставка эта то же покрыта блестящимъ лакомъ. Подаютъ вино въ фарфоровыхъ маленькихъ чашечкахъ. Сладости и конфекты подаются въ неглубокихъ четырехугольныхъ лаковыхъ ящикахъ, вставляющихся одинъ въ другой. Вся эта посуда отличной работы. Японцы очень любятъ угощать. Я, чтобы не обидѣть ихъ, попробовалъ всѣ кушанья и выпилъ нѣсколько чашекъ вина рисоваго и одну чашку чаю безъ сахару. Японскій чай хуже китайскаго; но впрочемъ, можетъ быть, здѣшніе японцы пьютъ дурной сортъ его. Во время обѣда нашего произошла въ передней комнатѣ драка между аиномъ Испонку и японскимъ поваромъ Ичую. Мару-Яма, казалось, былъ очень пристыженъ этимъ и просилъ меня, чтобы я не смотрѣлъ на эту драку. Я ему объяснилъ, что я нахожу очень обыкновеннымъ, что простые люди, выпивъ вина, дерутся, и что это вездѣ случается. Просидѣвъ часа два, я воротился домой. Бесѣда моя съ японцами была очень дружественна. Они сказали мнѣ, что хотятъ ѣхать «ору-торо», т.-е. на другой: берегъ, чтобы сзывать аиновъ къ весеннимъ работамъ, и просили меня, чтобы въ отсутствіе ихъ я приказалъ русскимъ присматривать чтобы аины не воровали изъ магазиновъ, говоря, что аигы уже много украли у нихъ. Я обѣщалъ имъ, это и изъявилъ желаніе, чтобы аины охотно и скоро собирались на ихъ работы. Я подарилъ Мару-Ямѣ двѣ утки, которыя служатъ лучшимъ кушаньемъ для японцевъ. При этомъ подаркѣ я замѣтилъ, что японцамъ очень хотѣлось, чтобы я самъ отдалъ утокъ Мару-Ямѣ. Когда я сѣлъ подлѣ очага, они положили принесенныя Дьячковымъ утки на подносѣ подлѣ меня и нѣсколько разъ обращались къ Мару-Ямѣ съ словами, что я дарю ему утку, онъ кланялся и утки оставались на подносѣ подлѣ меня. Понявъ въ чемъ дѣло, я взялъ подносъ и передалъ его Мару-Ямѣ; онъ съ большою радостью принялъ его и поставилъ подлѣ себя, видя въ этомъ, вѣроятно, знакъ особаго уваженія къ нему.

Возвратясь домой, я надѣлъ лыжи и отправился съ Дьячковымъ осматривать окрестности. Уже совсѣмъ стемнѣло,

когда я вернулся домой, гдѣ и узналъ, что Рудановскій пріѣхалъ изъ экспедиціи. Я очень былъ радъ этому извѣстію, потому что съ нетерпѣніемъ ожидалъ извѣстій о заливахъ Татарскаго берега, да и прибавка 16-ти собакъ для возки лѣса меня тоже радовала. Скоро пришелъ и Рудановскій во мнѣ, изъ новой квартиры своей. Мы сѣли пить чай и я сталъ разспрашивать его объ экспедиціи. Онъ выѣхалъ въ Сирараро на берегъ Татарсхаго пролива, спустился съ большимъ трудомъ на югъ и смотрѣлъ къ **8-му числу** 22 залива, изъ которыхъ заливы Тохмака и Маука — хорошія гавани для зимовки небольшого числа судовъ. Гавань Тохмака наиболѣе выгодна для насъ, потому что она занята только тремя магазинами японцевъ и послѣдніе не такъ дорожатъ ею, потому что она не богата рыбою. Мѣстность Тохмака для поселенія удобна. Лѣсъ находится въ изобиліи на горахъ, окаймляющихъ берегъ. Тохмака находится въ 10-ти верстахъ отъ Мауки. Сѣвернѣе ея хотя и находятся нѣсколько японскихъ сараевъ, но по безрыбію бухтъ, у которыхъ они поставлены, дѣлаютъ ихъ малоцѣнными для японцевъ, такъ что можно считать селеніе Мауку граничнымъ пунктомъ ихъ рыбныхъ промысловъ. Нойоро находится въ суточномъ переходѣ отъ Тохмака. Итакъ, по всѣмъ этимъ причинамъ, выгоднѣйшій пунктъ для нашего заселенія на Сахалинѣ есть селеніе Тохмака, находящееся въ краѣ, пользу занятія котораго я старался доказать выше. Близость «Императорской гавани» еще болѣе увеличиваетъ значеніе гавани Тохмака. Опись ея и вообще юг.-з. береговъ, до селенія Сирануси, доставлена въ селеніе Нойоро, куда по предписанію моему Самаринъ долженъ наѣхать для того, чтобы взять описи и доставить ихъ вмѣстѣ съ другими бумагами въ Петровское зимовье. Рудановскій по отсылкѣ описанія бухтъ продолжалъ путь свой къ селенію Сирануси. Селеніе это самое богатое между японскими заселеніями. Въ немъ находится главный домъ начальника японцевъ. Домъ этотъ, по описанію Рудановскаго, очень обширный и хорошо выстроенный. Полы покрыты лакомъ во всѣхъ комнатахъ, которыхъ очень много. Военной защиты въ селеніи нѣтъ, и слѣдовательно можно уже увѣренно сказать, что на Сахалинѣ японцы не имѣютъ совершенно никакихъ укрѣпленій. Изъ всѣхъ селеній Сахалина, Малка есть наиболѣе населенное. Рудановскій предполагаетъ въ немъ около 300 однихъ взрослыхъ мужчинъ. Изъ Сирануси онъ спустился еще въ югу до перевала черезъ горы въ заливу Авива. Перевалъ этотъ находится вблизи отъ мыса Крильона. Пріѣхавъ въ берегу Анива, онъ продолжалъ свой путь вокругъ него, въ нашему посту. Аины принимали его на всемъ пути съ большимъ гостепріимствомъ, исключая селенія Сирануси, гдѣ онъ едва могъ достать

проводника.

Мнѣ очень пріятно, что въ настоящее время г. Рудановскій не живетъ у меня. Обѣдъ и чай мы продолжали держать общіе, но, конечно, и это я послѣ уничтожу, если нашу, что полезнѣе будетъ совершенно прекратить между нами частныя отношенія, могущія быть причиною или неумѣстныхъ разсужденій, или фамильярности.

Свою квартиру я привелъ въ нѣкоторый порядокъ. Поставивъ досчатыя перегородки, я раздѣлилъ избу на переднюю, лакейскую и собственно мою комнату. Послѣднюю обилъ японскими циновками, прикрывъ швы полосами синей дабы. Эти импровизованныя обои дали чистый и порядочный видъ хомнатѣ. Диванъ, письменный столъ и. табуреты, обитые синею матеріею, представляютъ, если не изящность, то, по крайней мѣрѣ, удобство. Казакъ Дьячковъ составляетъ единственную прислугу мою, потому что Кожинъ постоянно боленъ. Бухня моя очень хороша для Сахалина. Свѣжее мясо, рыба и кое-какіе продукты, съ усерднымъ приготовленіемъ Дьячкова, составляли почти всега довольно вкусный обѣдъ. Жаль только, что я раздѣляю его о человѣкомъ, общество котораго, даже и на безлюдномъ Сахалинѣ, для меня непріятно.

29-го января. — Какъ я предвидѣлъ, такъ и случилось. Г. Рудановскій, наконецъ, совершенно вывелъ меня изъ терпѣнія. Вотъ какъ это случилось: Рудановскій, по своему обыкновенію будучи всѣмъ недоволенъ, потому что ему не позволяютъ распоряжаться такъ, какъ бы ему хотѣлось, безпрестанно намекали мнѣ своимъ рѣзкимъ тономъ, что ему худо служатъ наши люди, что дурно и медленно дѣлаютъ для него мебель и проч. Я мало обращалъ вниманія на эти намеки, потому что зналъ, что причина ихъ есть неугомонность и нетерпѣливость характера Рудановскаго. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что казакъ Березкинъ, данный ему въ вѣстовые, очень лѣнивъ и что онъ проситъ, чтобы я не бралъ отъ него матроса Максимова, даннаго ему на время, для приведенія въ порядокъ квартиры. Я отвѣчалъ, что согласенъ дать ему въ вѣстовые, вмѣсто Березкина, Максимова, но что обоихъ оставить не могу, потому-что въ посту и безъ того недостаетъ рукъ для необходимыхъ работъ. Выслушавъ отказъ съ обыкновеннымъ своимъ выраженіемъ неудовольствія, онъ высказалъ желаніе оставить при сей Максимова, бывшаго уже у него на вѣстяхъ въ Камчаткѣ. Разговоръ этотъ былъ **26-го** вечеромъ. На другое утро Максимовъ пришелъ къ Рудаковскому съ окровавленными деснами и просилъ, чтобы онъ его удалилъ, потому что онъ боленъ цынгою. Рудановскій позвалъ Теленова и сказавъ ему, что Максимовъ

боленъ цынгою, спросилъ у него, кто есть изъ здоровыхъ матросовъ. Теленовъ отвѣчалъ, что почти всѣ немного больны и что Максимовъ притворяется и нарочно натеръ десны, и при этомъ онъ раскрылъ ему ротъ. Рудановскій ударилъ Теленова въ лицо и выгналъ его прочь. Тотъ тотчасъ пришелъ ко мнѣ и передалъ то, что случилось, прибавивъ, что ему извѣстно, что Максимовъ уже прежде говорилъ, что онъ нарочно не пойдетъ служить къ Рудановскому. Погрозивъ Теленову, что я накажу его другой разъ, если онъ позволитъ себѣ дѣлать подобную невѣжливость передъ офицеромъ, какъ открыть ротъ солдату, но будучи самъ увѣренъ, что Максимовъ притворяется, я послалъ Теленова сказать Рудановскому, что, мнѣ извѣстно, Максимовъ здоровъ и что я накажу его розгами за то, что онъ отговаривается отъ службы. Призвавъ къ себѣ Максимова, я ясно увидѣлъ, что кровь потому такъ сильно текла у него изъ десенъ, что онъ ихъ растеръ. Объявивъ ему, что я его высѣку, я приказалъ ему явиться къ лейтенанту на службу. Скоро и самъ Рудановскій пришелъ во мнѣ съ наморщеннымъ лицомъ. Я его спросилъ, что ему нужно. Онъ началъ жаловаться на то, что Теленовъ нагрубилъ ему. Зная изъ обращенія Рудановскаго съ людьми, что значитъ у него слово нагрубить, я, признаюсь, не далъ вѣры его жалобѣ и потому отвѣтилъ ему, что если Теленовъ дѣйствительно былъ невѣжливъ, то за это слѣдуетъ наказать его, но что, въ сожалѣнію, онъ самъ, Рудановскій, уже исполнилъ это, ударивъ Теленова вопреки запрещенію моему. Онъ извинился, что что сдѣлалъ, говоря, что онъ оттолкнулъ Теленова изъ чувства самохраненія, потому что тотъ полѣзъ на него….

2-го февраля, я поѣхалъ съ Дьячковымъ на двухъ нартахъ, по 5-ти собакъ, осматривать заливъ Буссе. Погода стояла прекрасная. До селенія Хукуй-Когнонъ мы ѣхали довольно быстро. Въ этомъ селеніи мы остановились пить чай. Я уже осенью былъ въ этихъ мѣстахъ съ Невельскимъ, но не зналъ названія ихъ. Выѣхавъ изъ Хукуй-Когнона я скоро обогнулъ мысъ, закрывающій бухту Втосомъ. Близъ этой бухты есть небольшое озеро и рѣчка, которыя мы осматривали съ Невельскимъ, предполагая занять мѣсто это для поселенія, но сильный прибой заставилъ насъ отказаться отъ этого намѣренія. Скоро пріѣхали мы къ бухтѣ Иноскамоной, гдѣ и остановились обѣдать. Въ селеніи Хукуй-Когнонъ я взялъ у аина Жаске собаку, а на дорогѣ въ Иноскамоною перемѣнилъ у встрѣтившагося знакомаго аина нашу больную собаку на здоровую; но не долго служила намъ она — въ Иноскамоноѣ она сбѣжала, сорвавшись съ алька. Обѣдъ нашъ, состоявшій изъ куска оленины и чаю, мы раздѣлили съ семействомъ хозяина юрты, въ которой остановились. Семейство

это состоитъ изъ одного старика, жены его, безобразной старухи, какъ и всѣ аинки, перешедшія на вторую половину жизни, двухъ дочерей и одного мальчика лѣтъ 8-ми. Мальчишка этотъ замѣчательный ребенокъ. Живые черные глаза исполвены умомъ, движенія ловки и живы. Волосы у него были подстрижены ровно, по всей головѣ довольно коротко. Казакъ Дьячковъ разсказалъ при мальчишкѣ этомъ его отцу, что онъ видѣлъ какъ тотъ вынулъ ножъ и замахнулся на большого аина за то, что тотъ хотѣлъ его заставить что-то сдѣлать. При этомъ разсказѣ мальчишка лукаво улыбался, посматривая на всѣхъ. Когда я вышелъ изъ юрты, чтобы ѣхать далѣе, аины окружили мою нарту, и между ними я увидѣлъ одну молодую, довольно красивую женщину, которая держала за плечами годовалаго ребенка совершенно голаго, а морозу было градуса четыре. Я началъ уговаривать ее пойти въ юрту и одѣть ребенка. Она смѣясь показывала, что ребенку не холодно, но видя, что я не вѣрю этому, она сняла съ плечъ шубу свою и обнаживъ себя совершенно, посадила ребенка къ себѣ на спину и уже сверхъ его снова надѣла шубу. Неудивительно, что аины легко переносятъ стужу въ своей одеждѣ, которая прикрываетъ только нѣкоторыя части тѣла. Физическое воспитаніе, даваемое имъ своимъ дѣтямъ, можетъ завалить натуру на всевозможныя непогоды, но вѣроятно многіе изъ дѣтей ихъ умираютъ, будучи не въ состояніи переносить слишкомъ нечеловѣческое воспитаніе. Изъ Иноскамоноя я выѣхалъ въ 3-мъ часу; дорога шла все по берегу моря, или по льду. Берегъ этотъ, на всемъ разстояніи, которое я проѣхалъ, гористъ. Горы — частью изъ плитняка, частью изъ толстыхъ слоевъ гранита, покрыты лѣсомъ по верхней окраинѣ; къ морю онѣ спускаются круглыми обвалами, оставляя между подошвою своею и моремъ узкую въ сажени 2 и 3 полосу песку, наз. вообще по Охотскому морю — лайдою. Отъ Иноскамоноя берегъ принимаетъ еще болѣе суровый характеръ, но въ верстахъ пяти отъ этого селенія онъ вдругъ понижается и идетъ довольно правильною, невысокою стѣною, покрытою на верху лѣсомъ. Когда я ѣхалъ вдоль этой стѣны, два большихъ орла плавали надъ головою моею. Одинъ изъ нихъ спустился въ стѣнѣ и сѣлъ на дерево. Онъ былъ отъ меня на близкій ружейный выстрѣлъ, но къ сожалѣнію, у меня не было съ собою ружья. Вдругъ собаки мои понесли меня съ такою быстротою, что я едва успѣвалъ отталкиваться отъ глыбъ льда, между которыми вьется дорога. Скоро я увидѣлъ на берегу лисицу, возбудившую такую горячность въ собакахъ. Она вбѣжала на отлогость берега и спокойно смотрѣла на бѣгъ собакъ. я насилу удержалъ послѣднихъ. Онѣ хотѣли броситься на гору за лисою.

Начинало смеркаться, когда я пріѣхалъ въ селенію Читсани.

Узнавъ, что въ селеніи этомъ нѣтъ землянокъ (той-тисе), я рѣшился ѣхать въ селеніе Хорахпуни, находящееся въ верстахъ 4-хъ отъ Читсани. Когда мы отъѣхали съ версту отъ Читсани, уже совершенно стемнѣло. Дорога шла по низменному берегу. Параллельно ему и недалѣе 1/4 версты течетъ рѣка, по ней-то и ѣздятъ аины въ Хорахпуни. Не зная этого, мы съ трудомъ пробирались по неумятому снѣгу. Наконецъ увидѣли мы строенія — это было нѣсколько японскихъ рыбныхъ сараевъ. Селеніе Хорахпуни было еще далѣе. Подъѣзжая къ нему, я, былъ удивленъ, что не слышно лая собакъ, но скоро узналъ причину этому: лѣтнія юрты, стоящія на берегу моря, были оставлены аинами, перебравшимися въ лѣсъ въ землянки. Но гдѣ эти землянки — вотъ что нужно было намъ узнать. Тропинки расходились во всѣ стороны. Вдругъ послышался съ правой стороны отъ насъ лай собакъ; мы тотчасъ повернули въ ту сторону. Собаки наши живо нашли дорогу, и почуя жилье, понеслись во вскачь. На самой дорогѣ стоялъ столбъ. Я счастливо пронесся мимо его, но казака моего, Дьячкова, нарта ударилась объ него и разлетѣлась; сорвавшіяся собаки начали меня догонять и я вмѣстѣ съ ними подъѣхалъ къ землянкамъ. Оторвавшихся собакъ переловили, а скоро и Дьячковъ пришелъ. Онъ не ушибся и потому я, оставивъ ему озаботиться починкою разбитой нарты, самъ вошелъ въ ближайшую землянку. Послѣ скажу нѣсколько словъ о томъ, какъ устроиваются аинскія землянки.

Аины не даютъ мнѣ покою цѣлый день; только что сяду что-нибудь дѣлать, непремѣнно кто-нибудь изъ нихъ явится. Теперь пришелъ старикъ, усѣлся на полу у моего стола и сто разъ повторяетъ — «пори-дзкончи пирика», надѣясь получить за это рюмку рому. Я продолжаю писать, отвѣчая по временамъ: «пирика, пирика». — Такъ вотъ какъ устраиваются аинскія юрты: выкапывается квадратная яма аршина въ два глубины. Для составленія стѣнъ устанавливается корбасникъ (тонкій лѣсъ). Наклонъ стѣнъ довольно пологій, и потому крыша складывается изъ особыхъ деревъ, склоняющихся со всѣхъ сторонъ въ серединѣ; въ правой сторонѣ крыши оставляется отверстіе для дневного свѣта, остальное, кромѣ входа, засыпается все землею, такъ что зимою, когда нападетъ много снѣгу, можно подойти, къ отверстію служащему окошкомъ, и оттуда смотрѣть внизъ во внутрь землянки. Передъ входомъ, или лучше сказать, спускомъ въ землянку устроиваются сѣни; входъ прикрывается досчатою дверью, аршина 1 1/2 вышины и столько же ширины; дверь эта отодвигается, и сходятъ въ землянку по маленькому трапу. Внутри, стѣны юрты покрыты травяными циновками. Подлѣ дверей устроенъ каминъ, труба котораго выходитъ полого въ

сѣни, не поднимаясь изъ-подъ крыши; для прохода дыма въ крышѣ надъ сѣнями оставлено отверстіе. Каминъ этотъ, сложенный изъ глины, достаточно большой, чтобы надвѣшивать надъ огнемъ большіе котлы. Тяга очень сильна, такъ что хотя дрова часто вытаскиваютъ совершенно почти изъ камина, дымъ все-таки почти весь выносится въ трубу. Впрочемъ, если бы и оставался дымъ въ юртѣ, то аиновъ онъ не можетъ безпокоить, потому что они сидятъ на полу, слѣд. всегда ниже полосы дыма. Земляная юрта (той тисе) обыкновенно строится нѣсколькими семьями вмѣстѣ. всякій хозяинъ имѣетъ свой очагъ. Очаги эти фута въ 1 1/2, устраиваются между столбами, поддерживающими крышу. На нихъ не кладутъ дровъ въ землянкахъ, а угли, и они служатъ не для согрѣванія, а для закуриванія трубокъ, которыя аины почти не выпускаютъ изъ рта. Въ землянкахъ довольно тепло, но за то духота невыносимая, въ особенности вечеромъ, когда отверстіе въ крышѣ закрывается. Меня усадили въ угловое отдѣленіе. Юрта, въ которой я остановился ночевать, была одна изъ самихъ большихъ. Мнѣ очень жаль было, что не проѣхалъ въ юртѣ джанчнна Хорахпунина: юрта его находилась еще версты 1 1/2 далѣе въ лѣсу. Усталость, разбитая нарта и неизвѣстность, какъ именно близко находится жилье джанчина, принудили меня избрать первую попавшуюся юрту. Утѣшительный въ дорогѣ чай скоро былъ поданъ мнѣ, и я, разлегшись у очага на медвѣжьей шкурѣ, съ удовольствіемъ принялся за усладительный напитокъ для прозябшаго и усталаго путешественника. Ѣзда на собакахъ, когда самъ каюришь (правишь), почти также утомительна какъ верховая. Легкая низенькая нарта прыгаетъ черезъ бугры и неровности дороги и даетъ безпрерывно очень безпокойные толчки. Къ тому еще надо внимательно управлять ногами, чтобы неопрокинуться, да и смотрѣть за собаками, которыхъ каждая птица возбуждаетъ въ погонѣ. Аины окружили меня, съ любопытствомъ разсматривая весь: мой дорожный препаратъ. Пріемъ же ихъ былъ вообще очень гостепріименъ. Гостепріимство есть необходимая черта быта народа, находящагося еще на низшей степени развитія. Невозможность брать съ собою достаточно пищи ни для себя, ни для собакъ, или какого-либо товару для платы за продовольствіе, заставляетъ дикарей, по необходимости, принять общеполезный обычай, по которому они находятъ вездѣ домъ и пищу. И такъ какъ аины для ловли рыбы, промысловъ морскихъ звѣрей и проч. — постоянно всѣ находятся въ разъѣздахъ, то взаимное угощеніе никому не приходится въ ущербъ, а женщины остаются по всѣмъ юртамъ, управляютъ всѣ какъ бы общимъ хозяйствомъ. Во время чая пришелъ знакомый аинъ Сирибенусь. Я тотчасъ угостилъ ею виномъ и чаемъ, точно

такъ же какъ и всѣхъ аиновъ находившихся въ юртѣ. Сирибенусь предложилъ мнѣ провожать меня до Тоопуги и обратно въ Томари. Я съ удовольствіемъ принялъ его предложеніе, и мы рѣшили рано утромъ выѣхать въ дорогу.

Напившись чаю, я легъ спать. Утромъ рано Сирибенусь снова явился и привелъ двухъ своихъ собакъ, чтобы впречь въ наши нарты для ускоренія ѣзды, и сверхъ того взялъ часть вашего груза. Тотчасъ послѣ чая мы выѣхали. Сирибенусь ѣхалъ на своихъ 6-ти собакахъ, которыя рвались, чтобы перегнать мою нарту. Я сказалъ ему, чтобы онъ ѣхалъ впередъ, и онъ понесся съ такою быстротою, что уставшія собаки мои скоро отстали отъ него на большое разстояніе. Дорога шла по рѣкѣ, названной Рудаковскимъ Паратункою; она впадаетъ въ заливъ Тоопуги, цѣль моей поѣздки. Рѣка эта шириною саженъ 15, течетъ параллельно морскому берегу. Къ устью она расширяется, образуя небольшое озеро соединяющееся съ заливомъ широкимъ, но мелкимъ каналомъ. Выѣхавъ изъ этого канала, мы направились поперегъ залива въ селенію Тоопуги. Заливъ былъ покрытъ довольно толстымъ льдомъ. Карта, сдѣланная Рудаковскимъ заливу Тоопуги, кажется, вѣрнѣе картъ другихъ мѣстъ берега Анивы. Заливъ Тоопуги, обширный и составляетъ почти вѣрный кругъ. Діаметръ его будетъ, по моему мнѣнію, около 4-хъ верстъ, южные берега гористы, сѣверные въ сторонѣ устья Паратунки низменны, такъ же и глубина увеличивается къ болѣе высокому берегу и уменьшается въ низменному. На горахъ южнаго берега есть хорошій лѣсъ. Въ заливъ впадаетъ, кромѣ Паратунки, еще одна рѣка у селенія Найкуру и нѣсколько маленькихъ рѣчекъ. По берегу находятся 4 селенія аиновъ — Тоопуги, Найкуру-Котанъ, Найпуру-Котанъ и Ёкуси. Первое и послѣднее я видѣлъ, въ другимъ же не подъѣзжалъ.

Японцы имѣютъ на кошкѣ, ограничивающей съ сѣвера входъ въ заливъ, нѣсколько рыбныхъ сараевъ. Одна джонка ихъ, хотѣвшая войти въ заливъ, была выброшена на кошку и теперь тамъ лежитъ на боку. Съ тѣхъ поръ японскія суда не входятъ въ заливъ и останавливаются въ морѣ сѣвернѣе входа. Переѣхавъ черезъ заливъ, мы выѣхали на берегъ и направились къ лѣсу, гдѣ находились аинскіе землянки. Оставивъ Дьячкова въ юртѣ у джанчина готовить обѣдъ, а пошелъ съ проводникомъ аиномъ осмотрѣть входъ въ заливъ съ моря. У самаго того мѣста, гдѣ заливъ съуживается, чтобы влиться каналомъ въ море, стоятъ лѣтнія юрты селенія Тоопуги; ихъ кажется, не болѣе 4-хъ, какъ и вообще во всѣхъ селеніяхъ аинскихъ. Пройдя юрты, я вышелъ къ самому каналу и, пробираясь по наносному льду, прошелъ до низменнаго мыса, отъ котораго низменный берегъ поворачиваетъ

на югъ, и составляющаго оконечность канала. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по каналу теченіе не дало установиться льду, оставивъ большіе промоины, покрытыя стадами утокъ. Теченіе такъ быстро, что видно было какъ утки съ трудомъ плыли противъ него. Я полагаю, что каналъ этотъ могутъ только пароходы проходить безопасно. Море у Тоопуги не замерзаетъ, только отдѣльныя льдины носятся по немъ. На одну изъ этихъ льдинъ спустился довольно большой орелъ, грозный врагъ морскихъ птицъ. На обратномъ пути я встрѣтилъ двухъ лисицъ. Онѣ отбѣгали отъ насъ, но не въ дальнемъ разстояніи спокойно садились и безбоязненно смотрѣли на насъ.

Возвратясь въ юрту, я нашелъ тамъ походный обѣдъ мой готовымъ. Юрта была полна народомъ. Угостивъ всѣхъ чаемъ, и давъ въ подарокъ джанчину одинъ шерстяной узорчатый платокъ, я поѣхалъ обратно въ Хорахпуни, заѣхавъ по дорогѣ въ селеніе Ёкуси къ знакомому мнѣ аину. Когда мы пріѣхали въ Хорахпуни въ юрту джанчина, было еще свѣтло. Джанчинъ, красивый и важный старикъ съ длинною сѣдою бородою и греческимъ носомъ — принялъ меня съ выраженіемъ радости. Мнѣ отвели уголъ подлѣ мѣста джанчина, но у особаго очага. Въ юртѣ этой не было такъ тѣсно, а потому и воздухъ былъ немножко почище. Вечеромъ всѣ аины собрались въ юрту, и мы начали пить чай. Женщины не участвуютъ въ угощеніи. На нихъ лежитъ обязанность готовить кушанье, подавать его, подкладывать безпрестанно угли на очаги и заниматься дѣтьми. Между послѣдними былъ одинъ преинтересный мальчикъ лѣтъ 2-хъ. Онъ, по обыкновенію, былъ совершенно голый. Я заставилъ мальчишку лѣтъ 10-ти играть на инструментѣ, похожемъ на нашу гитару. Голый ребенокъ, услышавъ музыку, началъ танцовать, прихлопывая тактъ маленькими рученками своими. Музыкантъ мой наигрывалъ довольно однообразную мелодію. Инструментъ его, какъ я сказалъ, похожъ на гитару, только сверху до низу ровную, вершка въ 3, безъ расширенія книзу, какъ у гитары. Пять струнъ натянуты какъ на гитарѣ, но такъ далеко отъ дерева, что нажимать ихъ нельзя для возвышенія тоновъ и потому на инструментѣ этомъ играютъ какъ на арфѣ,- одною рукою снизу, другою сверху.

Намѣреваясь выѣхать на слѣдующій день съ разсвѣтомъ, я рано улегся спать. На другой день, при прощаньи, я роздалъ подарки, давъ джанчину Хорахпуни кусовъ дабы. Знакомому джанчину Найтуни, къ которому я, проѣхавъ его домъ, не заѣхалъ, не зная что онъ ему принадлежитъ, а за которымъ я отъ Хорахпуни посылалъ нарту, чтобы привезти его, я далъ хорошій большой шерстяной платокъ. Остальнымъ аинамъ и аинкамъ я роздалъ пуговицы и ножи. Между аинками я уже прежде

замѣтилъ одну молоденькую красивую дѣвушку лѣтъ 15-ти. Подойдя къ ней, чтобы отдать ей пуговицу, я засталъ ее съ накинутою только на плечи шубою, такъ что вся передняя часть тѣла отъ головы до ногъ была открыта. Она, нисколько не закрываясь, протянула руку, чтобы принять пуговицу. На возвратномъ пути я заѣзжалъ завтракать и обѣдать въ селенія Иноскамоной и Хукуй-Котанъ. Въ послѣднемъ я встрѣтилъ 2-хъ японцевъ, ѣхавшихъ въ Читсани. Къ 4-мъ часамъ я пріѣхалъ въ Томари.

7-го числа, воротились охотники наши въ постъ. Олени перешли черезъ хребты, гдѣ нѣтъ никакого жилья, и потому охоту пришлось прекратить. Мы имѣли теперь свѣжаго мяса до половины мая. Казакъ Томскій, бывшій старшимъ надъ охотниками, принесъ мнѣ книжку изъ японской бумаги, исписанную японцемъ русскою азбукою и нѣсколькими фразами. Томскій полагаетъ, что такихъ книгъ можно нѣсколько найти въ японскомъ домѣ въ Туотогѣ. Слышалъ уже разъ отъ аина, что какое-то судно было разбито у береговъ Сахалина, противъ селенія Сиретоку, и что трое изъ матросовъ спаслись и что онъ полагаетъ, что это были русскіе. Ихъ отправили, по словамъ его, на Мацмай. Попавшаяся Томскому азбука ясно повазывала, что она была составлена подъ руководствомъ русскаго. Надѣясь что-нибудь открыть о судьбѣ спасшихся матросовъ и о томъ, что можетъ быть они дѣйствительно били русскіе, я хочу сдѣлать всевозможные розыски. При этомъ случаѣ надо тайно дѣйствовать отъ японцевъ, потому что если попавшіеся къ нимъ русскіе оставлены въ плѣну, то конечно они постараются помѣшать мнѣ въ моихъ розыскахъ. Поэтому я, ничего не говоря имъ, хочу съѣздить въ Туотогу и разсмотрѣть находящіяся тамъ бумаги. Болѣе внимательно разспрашивая аиновъ, я услышалъ отъ нихъ слѣдующій разсказъ.

Шесть лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, большое трехмачтовое судно подошло въ селенію Сиретоку и высадило трехъ человѣкъ. Люди эти пошли въ лѣсъ и долго не возвращались. Съ корабля палили изъ пушекъ. Прождавъ одинъ день, корабль ушелъ, а трое матросовъ остались на Сахалинѣ. Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ какъ русскій матросъ и имѣлъ бѣлье изъ холста, двое другихъ не были похожи на него ни лицомъ, вы одеждою, и имѣли вязанные подштанники. Волосы перваго били чернаго цвѣта и такъ же подстрижени какъ у нашихъ натросовъ, у другого — длинные и въ кружокъ, а у третьяго — курчавые, съ проборомъ на боку, и довольно коротко подстриженные. Возвратясь въ селеніе Сиретоку, они остались жить въ юртѣ у джанчина. Японцы, находившіеся въ Тоопуги, услышавъ о

случившемся и дали знать въ Томари, къ своему джанчину. Тотъ пріѣхалъ въ Сиретоку на лодкѣ и взялъ пришлецовъ и себѣ въ лодку и отвезъ въ Томари. Оттуда они были отправлены въ Сирануси и жили у тамошняго старшины. Одинъ японецъ учился языку у матроса, у котораго была дудка. Люди эти были въ то же лѣто увезены японцами на Мацмай, а японецъ, учившійся языку, остался на Сахалинѣ и жилъ въ Лютогѣ. Когда нашъ дессантъ началъ входить въ Томари, то онъ, съ другими японцами, уѣхалъ на Мацмай. По словамъ аина, у котораго жилъ казакъ Томскій, русская азбука писана была этимъ же японцемъ. Итакъ, надо полагать, что изъ оставшихся на Сахалинѣ трехъ человѣкъ съ корабля одинъ былъ навѣрно русскій, а вѣроятно и двое другихъ были изъ нашихъ. Нужно будетъ заставить нѣсколькихъ аиновъ разсказать этотъ случай, чтобы убѣдиться въ справедливости подробностей его.

Сегодня приходилъ во мнѣ японецъ Асануя. Мы напились съ нимъ чаю, разговаривая про приходъ судовъ. Онъ меня спросилъ, въ которомъ мѣсяцѣ придутъ суда русскія. Я отвѣчалъ, что не знаю, что суда наши придутъ тогда, когда очистится заливъ отъ льда; что я слышалъ, что въ апрѣлѣ (Кіучно) нѣтъ льдовъ совсѣмъ, что тогда въ этомъ мѣсяцѣ придутъ и тѣ суда наши, которыя зимуютъ близъ Японіи, на Бонѣ-Симѣ. Онъ спрашивалъ то же, далеко ли поѣхалъ Самаринъ. Я сказалъ, что если дорога хороша, то онъ поѣдетъ въ русскую землю отвезя карты Сахалина и другія бумаги.

Завтра, рано утромъ отправлюсь непремѣнно въ экспедицію въ Туотогу развѣдать о русскихъ, попавшихся въ плѣнъ къ японцамъ.

Н. В. Буссе.

1852